

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

ХИПЮРГ

Тесс Герритсен –
обязательное чтение
в моем доме.

СТИВЕН КНИТ

Annotation

На улицах Бостона орудует серийный убийца, получивший кличку «Хирург». Мастерски владея скальпелем, Хирург, прежде чем убить, кромсает тела своих жертв. Эти жертвы — исключительно женщины. Почерк убийцы узнаваем. Два года назад подобным образом была изуродована (но осталась жива) кардиолог Кэтрин Корделл, и сейчас преступник снова подбирается к ней. Жизнь детектива Джейн Риццоли, расследующей дело, тоже оказывается под угрозой...

- [Тесс Герритсен](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Эпилог](#)
-

Тесс Герритсен
Хирург

Благодарности

Выражаю особую признательность

Брюсу Блейку и детективу Уэйну Року из Бостонского управления полиции и доктору медицины Крису Микалакесу за техническую помощь в работе;

Джейн Берки, Дону Клири и Андреа Сирилло за полезные критические замечания; моему редактору Линде Марроу за нежное наставничество; моему ангелу-хранителю Мег Рули (каждому писателю необходимо иметь свою Мег Рули!).

И моему мужу Джекобу. Как всегда, Джекобу.

Пролог

Сегодня они найдут ее тело.

Я знаю, как это произойдет. Я живо представляю себе всю цепочку событий, которые приведут к находке. В девять утра эти высокомерные дамочки из туристического агентства «Кендалл и Лорд» рассядутся по местам, и их холеные пальчики с идеальным маникюром застучат по клавиатурам компьютеров, бронируя средиземноморский круиз для госпожи Смит, горнолыжный курорт Клостерс для господина Джоунса, а для господина и госпожи Браун на этот раз что-нибудь необычное, экзотическое — может быть, Чиангмай или Мадагаскар, — но не слишком суровое, о нет, приключение должно быть прежде всего комфортным. Собственно, таков девиз агентства «Кендалл и Лорд»: «Для любителей комфортного риска». Агентство пользуется популярностью, и телефоны не смолкают.

Уже очень скоро дамочки заметят, что Дианы на месте нет.

Одна из них позвонит ей домой, в жилой комплекс Бэк-Бэй, но на звонок никто не ответит. Возможно, Диана в душе и попросту не слышит звонка. А может, она уже выехала на работу, но опаздывает. Да мало ли какие могут быть причины — и все вполне безобидные. Но рабочий день будет в разгаре, а настойчивые попытки дозвониться ни к чему не приведут, и тогда в голову ползут другие, уже тревожные мысли.

Думаю, именно комендант дома впустит коллегу Дианы в квартиру. Я вижу, как он нервно теребит в руках связку ключей и повторяет: «Вы ведь ее подруга, верно? Вы уверены, что она не будет возражать? Потому что я буду вынужден сказать ей о вашем визите».

Они заходят в квартиру, и коллега зовет: «Диана! Ты дома?» Они идут по коридору, стены которого увешаны туристическими рекламными плакатами в изящных рамках, и комендант семенит сзади, следя за тем, чтобы гостья ничего не украла.

Из коридора он заглядывает в дверь спальни. Видит Диану Стерлинг, и уже такие пустяки, как кража, его не волнуют. Сейчас у него единственное желание — поскорей выбраться из этой квартиры, пока не стошнило.

Мне бы очень хотелось быть там, когда придет полиция, но я не так глуп. Я знаю, что они будут проверять каждую проезжающую машину, каждое лицо, выделяющееся в толпе зевак. Они знают, как велико мое

желание вернуться. Даже сейчас, когда я сижу в кофейне «Старбакс» и наблюдаю медленный рассвет, я чувствую, что ее спальня зовет меня. Но, подобно Одиссею, я надежно привязан к мачте своего корабля, чтобы не поддаваться песням сирен. Я не позволю себе разбиться о скалы. Я не совершу такой ошибки.

Вместо этого я сижу и пью кофе, пока за окном просыпается Бостон. Я кладу в чашку три ложки сахара; я люблю сладкий кофе. Я люблю, чтобы все было правильно. Идеально. Безупречно.

А вдалеке кричат сирены, они зовут меня. Я ощущаю себя Одиссеем, который пытается разорвать путы, но они крепко держат меня.

Сегодня они найдут ее тело.

Сегодня они узнают, что мы вернулись.

Глава 1

Год спустя

Детектив Томас Мур ненавидел запах латекса и сейчас, натягивая перчатки, из которых вырвалось облачко талька, ощутил, что к горлу подступает тошнота. Этот запах резины сопровождал самый неприятный аспект его работы и неизменно ассоциировался с кровью и продуктами жизнедеятельности человека. В такие минуты Мур мысленно сравнивал себя с собакой Павлова, натренированной на слюноотделение при виде пищи. Запах был для него своего рода обонятельным сигналом взять себя в руки.

Что он и сделал, прежде чем войти в прозекторскую. После уличной духоты в морге было особенно прохладно, и он чувствовал, как остывают на коже капельки пота. Пятница двенадцатого июля выдалась необыкновенно жаркой, и по всему Бостону надрывно шумели кондиционеры, перемалывая горячий воздух. На мосту Тобин уже томились в пробке автомобилисты, устремившиеся на север, в прохладные леса Мэна. Но Томас Мур не был в числе этих счастливичков. Его отозвали из отпуска, и теперь его ожидало соприкосновение с настоящим кошмаром.

Он уже облачился в хирургический халат, который достал из бельевого шкафа, осталось только надеть бумажный колпак, чтобы спрятать непослушные волосы, и бахилы — он не раз видел, сколько всякой гадости падает со стола на пол и, соответственно, на обувь. Кровь, обрывки тканей. Его нельзя было назвать чистюлей, но приносить домой на подошвах ошметки из прозекторской совсем не хотелось. На мгновение Мур замер перед дверью, потом сделал глубокий вдох и, готовый к испытанию, вошел в секционный зал.

Накрытый простыней труп лежал на столе — судя по очертаниям, это была женщина. Мур не стал задерживать взгляд на мертвой и предпочел сосредоточиться на живых, присутствовавших на вскрытии. Судмедэксперт доктор Эшфорд Тирни и санитар морга раскладывали на столике инструменты. По другую сторону стола, прямо напротив Мура, стояла Джейн Риццоли, тоже из отдела по расследованию убийств. Тридцатитрехлетняя Риццоли была маленькой женщиной с волевым подбородком. Ее непокорные кудри были спрятаны под бумажной шапочкой, и лицо, лишенное мягкого обрамления волос, казалось, состояло сплошь из острых углов, а взгляд темных глаз был испытующим и

твердым. Полгода назад ее перевели в убойный отдел из подразделения по борьбе с наркотиками. Она была единственной женщиной в команде, и в ее отношениях с одним из детективов уже успели возникнуть проблемы — обвинения в сексуальном домогательстве, встречные упреки в стервозности. Мур не мог сказать, что ему нравилась Риццоли, да и она к нему явно не благоволила. До сих пор им удавалось сохранять чисто деловые отношения, и казалось, она предпочитала именно такой стиль общения.

Рядом с Риццоли стоял ее напарник Барри Фрост, в высшей степени жизнерадостный полицейский. Круглая, лишенная растительности физиономия делала Барри значительно моложе его тридцати лет. Фрост работал с Риццоли вот уже два месяца и не жаловался. Пожалуй, он был единственным человеком в команде, который безропотно сносил ее дурной характер.

Когда Мур подошел к столу, Риццоли заметила:

— А мы все гадаем, когда же вы объявитесь.

— Я был на автостраде, когда вы позвонили мне на пейджер.

— Мы ждем здесь с пяти часов.

— Я только начинаю внутренний осмотр, — сказал доктор Тирни. —

Так что детектив Мур прибыл как раз вовремя.

Вот она, мужская солидарность. Доктор Тирни хлопнул дверцей стеклянного шкафа, и она отозвалась жалобной дрожью. Это был редкий случай, когда Тирни позволил себе выплеснуть раздражение. Выходец из Джорджии, доктор Тирни был до мозга костей джентльменом и полагал, что леди должны вести себя как леди. Нельзя сказать, чтобы ему нравилось работать под руководством колючей Джейн Риццоли.

Санитар морга подкатил тележку с инструментами к столу, и в его коротком взгляде, брошенном на Мура, явственно читалось: «Неужели ты веришь этой стерве?»

— Сожалею, что вам сорвали рыбалку, — сказал Тирни Муру. — Но, похоже, ваш отпуск отменяется.

— Вы уверены, что это опять наш старый знакомый?

В ответ Тирни сдернул простыню с трупа.

— Ее имя Елена Ортис.

Хотя Мур и настроился на то, что зрелище будет не из приятных, первый взгляд, брошенный на жертву, был как удар кулаком в лицо. Сваленная, в сгустках запекшейся крови, черные волосы женщины, словно иглы дикобраза, торчали вокруг лица цвета голубого мрамора. Приоткрытые губы застыли, словно в попытке что-то произнести. Кровь

уже смыли с тела, и раны зияли пурпурными прорехами в сером полотне кожи. Видимых ран было две. Одна, особенно глубокая, рассекала горло от левого уха, затрагивая левую сонную артерию и обнажая гортанный хрящ. Типичный *coup de grace*, смертельный удар. Вторая зияла в нижней части живота. Эта рана не была смертельной, она была нанесена с совершенной иной целью.

Мур с трудом сглотнул слюну.

— Теперь я понимаю, почему меня отозвали из отпуска.

— Руководить этим расследованием назначили меня, — сказала Риццоли.

В ее словах он уловил нотки предупреждения: она явно защищала свою территорию. Мур понимал, откуда это берется — постоянные насмешки и скептицизм по отношению к женщинам-полицейским заставляли их быть жесткими. По правде говоря, у него не было ни малейшего желания выяснять с ней отношения. Им предстояло вместе работать по этому делу, и сейчас не время было бороться за лидерство.

Мур постарался придать своему голосу уважительный тон.

— Не могли бы вы посвятить меня в обстоятельства происшествия?

Риццоли по-деловому кивнула.

— Жертва была обнаружена сегодня в девять утра в своей квартире на Вустер-стрит, в Южном округе. Обычно она приходит на работу в шесть утра. Цветочный салон «Селебрейшн Флористс» находится в нескольких кварталах от ее дома. Это семейный бизнес, которым владеют ее родители. Когда дочь не явилась на работу, они заволновались. Брат пошел к ней домой проверить, в чем дело. Он обнаружил ее труп в спальне. Доктор Тирни полагает, что смерть наступила между полуночью и четырьмя часами утра. По словам родных, в последнее время у нее не было приятеля, да и соседи по дому не видели, чтобы к ней заходил кто-то из мужчин. Обычная работающая католичка.

Мур взглянул на запястья жертвы.

— Она была связана.

— Да. Клейкая лента на запястьях и щиколотках. Ее нашли обнаженной. На ней были лишь некоторые ювелирные украшения.

— Что за украшения?

— Цепочка. Кольцо. Серьги-гвоздики. Шкатулка с украшениями в спальне не тронута. Так что ограбление как мотив убийства исключается.

Мур посмотрел на цепочку ссадин, опоясывающую бедра жертвы.

— Тело тоже было связано?

— На талии и бедрах следы клейкой ленты, которую используют для

герметизации водопроводных труб. Рот тоже был заклеен.

Мур глубоко вздохнул.

— Боже...

Глядя на Елену Ортис, он в какой-то момент увидел перед собой другую молодую женщину, тоже мертвую, — блондинку с кровавыми ранами на шее и животе.

— Диана Стерлинг, — пробормотал он.

— Я уже взял из архива протокол вскрытия Стерлинг, — сказал Тирни. — На случай, если вам понадобится перечитать его.

Мур не видел в этом необходимости. Дело Стерлинг, расследованием которого он руководил, до сих пор было живо в памяти.

Год назад тридцатилетнюю Диану Стерлинг, служащую туристического агентства «Кендалл и Лорд», нашли мертвой в ее собственной квартире. Она была обнажена и привязана к кровати клейкой лентой. У Стерлинг были рассечены шея и низ живота. Убийцу так и не обнаружили.

Доктор Тирни направил луч лампы на живот Елены Ортис. Кровь уже смыли, и края раны теперь были бледно-розовыми.

— Есть какие-нибудь улики? — спросил Мур.

— Прежде чем труп был обмыт, мы сняли с тела несколько волокон. И еще волос, прилипший к краю раны.

Мур оживился.

— Волос жертвы?

— Гораздо короче. И светло-русый.

У Елены Ортис волосы были черные.

— Мы уже запросили образцы волос всех, кто соприкасался с телом, —插入了 Риццоли.

Тирни привлек их внимание к ране.

— Здесь мы имеем поперечный разрез. Хирурги называют это разрезом по Мэйларду. Передняя брюшная стенка рассекалась послойно: кожа, поверхностная фасция, мышцы и, наконец, брюшина.

— Как и у Стерлинг, — заметил Мур.

— Совершенно верно. Как у Стерлинг. Но есть различия.

— Да? Какие же?

— У Дианы Стерлинг рана была местами рваной, что указывает на некоторую нерешительность убийцы. А здесь этого нет. Видите, как четко проходит линия разреза? Ни разу не оборвавшись. Очевидно, что убийца нанес удар с абсолютной уверенностью. — Тирни встретился взглядом с Муром. — Наш неизвестный учится. Оттачивает технику.

— Если это тот самый неизвестный, — заметила Риццоли.

— Есть и другие схожие детали. Видите прямоугольный край раны? Это указывает на то, что разрез был сделан справа налево. Как и у Стерлинг. Лезвие, которым нанесена рана, прямое, без зазубрин. Таким же лезвием убили Стерлинг.

— Скальпель?

— Похоже на скальпель. Прямая линия разреза подтверждает, что лезвие не дрожало. Жертва была либо без сознания, либо так крепко связана, что не могла и шелохнуться, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться. Так что лезвие скользило как по маслу.

У Барри Фроста было такое выражение лица, будто его вот-вот вырвет.

— О боже! Умоляю, скажите, что она уже была мертва к тому моменту, когда он это сделал.

— Боюсь, это не посмертная рана. — В зеленых глазах Тирни, видневшихся над хирургической маской, полыхала злость.

— Что, было предсмертное кровотечение? — спросил Мур.

— Да, обнаружено скопление крови в тазовой полости. Это значит, что ее сердце еще работало. Она была жива, когда... происходила эта процедура.

Мур посмотрел на запястья, там были синие пятна. Такие же отметины виднелись и на обеих щиколотках, а бедра опоясывала точечная сыпь кровоизлияний. Судя по всему, Елена Ортис сопротивлялась, пытаясь вырваться из пут.

— Есть и другое доказательство того, что она была жива к моменту нанесения смертельной раны, — сказал Тирни. — Залезьте рукой в рану, Томас. Думаю, вы уже знаете, что там найдете.

Мур неохотно сунул руку в полость. Сквозь латекс перчатки он ощутил мягкую плоть, еще прохладную после длительной заморозки. У него вдруг возникло ощущение, будто он шарит внутри тушки индейки в поисках мешочка с потрохами. Он продвинул руку глубже, и его пальцы стали ощупывать стенки полости. Это было грубое вторжение в самую интимную часть женского тела. Он старался не смотреть на лицо Елены Ортис. Только так он мог сохранять бесстрастность, сосредоточившись исключительно на техническом аспекте надругательства над ее телом.

— Матка отсутствует. — Мур взглянул на Тирни.

Судмедэксперт кивнул.

— Ее удалили.

Мур вытащил руку из полости и уставился на рану, зияющую, словно открытая пасть. Теперь настала очередь Риццоли, и ее короткие пальцы

принялись исследовать нутро жертвы.

— Больше ничего не тронули? — спросила она.

— Только матку, — сказал Тирни. — Мочевой пузырь и кишечник на месте.

— А что это за твердый узелок я нащупала слева? — спросила она.

— Это шовная нить. Он перевязал ею кровеносные сосуды.

Риццоли опешила:

— Так это хирургический узел?

— Простой кетгут два-ноль, — предположил Мур и взглядом обратился к Тирни за подтверждением.

Тирни снова кивнул.

— Тот же самый, что мы обнаружили в теле Дианы Стерлинг.

— Кетгут два-ноль? — слабым голосом спросил Фрост. Он уже отошел от стола и теперь стоял в углу возле раковины, приготовившись блевать. — Это что, название какого-то бренда?

— Нет, это не бренд, — сказал Тирни. — Кетгут — это хирургическая нить, изготовленная из кишок коровы или овцы. Она используется для зашивания глубоких слоев соединительной ткани. В теле нитки со временем рассасываются.

— Откуда у него мог взяться этот кетгут? — Риццоли взглянула на Мура. — Вы не проверяли источник, когда работали по делу Стерлинг?

— Установить конкретный источник практически невозможно, — ответил Мур. — Этот шовный материал производится десятками компаний, по большей части в Азии. Он до сих пор используется во многих зарубежных клиниках.

— Только в зарубежных?

В разговор вмешался Тирни.

— Сегодня существуют более совершенные материалы. Кетгут уступает синтетическим нитям в прочности и долговечности. Я сомневаюсь, что кто-то из врачей в США использует его сегодня.

— А зачем нашему убийце вообще понадобилось накладывать швы?

— Чтобы кровотечение не портило картину. Ему нужно было видеть, что он делает. Наш неизвестный — исключительный аккуратист.

Риццоли вытащила руку из раны. На резиновой ладони алел крохотный сгусток крови.

— Убийца имеет определенную квалификацию, но какую? Мы имеем дело с врачом или с мясником?

— Совершенно очевидно, что он обладает анатомическими познаниями, — сказал Тирни. — Не сомневаюсь, что он уже проделывал

нечто подобное.

Мур отошел на шаг от стола, пытаясь не думать о том, какие муки пришлось принять Елене Ортис, но избавиться от этих страшных мыслей было непросто. Жертва чудовищного истязания лежала перед ним, уставившись в потолок широко раскрытыми глазами.

Из оцепенения его вывело звяканье инструментов в лотке, и он в удивлении обернулся. Оказывается, санитар уже подкатил тележку к доктору Тирни, и тот приготовился сделать Y-образный разрез. Теперь всеобщее внимание было приковано к ране в брюшной полости.

— И что потом? — спросил санитар. — Что он делает с удаленными матками?

— Этого мы не знаем, — сказал Тирни. — Органы исчезают бесследно.

Глава 2

Мур стоял на тротуаре в Саут-Энде — районе, где погибла Елена Ортис. Когда-то эти кварталы были скопищем унылых домиков, сдававшихся внаем, — запущенная округа, отделенная железнодорожными путями от респектабельной северной части Бостона. Но растущий город — ненасытное животное, жадно пожирающее новые земли, и железнодорожные пути для него не преграда. Новое поколение бостонцев открыло для себя Саут-Энд, и ветхие апартаменты постепенно были вытеснены уютными новостройками.

Елена Ортис проживала как раз в одном из таких современных жилых комплексов. Хотя вид из окон ее квартиры на втором этаже нельзя было назвать впечатляющим — прямо через дорогу находилась прачечная, — само здание предлагало своим жильцам редкие даже для Бостона удобства, вроде паркинга на примыкающей улочке.

Мур как раз прохаживался по этой улочке, вглядываясь в окна дома и задаваясь вопросом, не наблюдает ли кто за ним. Но за холодными стеклами не было никакого движения. Полиция уже опросила жильцов квартир, окна которых выходили на улочку, и ни один не представил полезной информации.

Мур остановился под окном ванной комнаты Елены Ортис, рядом с которым находился пожарный выход. Лестница, ведущая к нему, была сложена и зафиксирована защелкой. В ночь, когда убили Елену Ортис, автомобиль одного из жильцов был припаркован прямо под пожарным выходом. Позже на крыше автомобиля были обнаружены следы обуви сорок первого размера. Убийца использовал автомобиль как подставку, чтобы взобраться наверх.

Мур обратил внимание, что окно в ванной комнате закрыто. В ночь убийства оно закрыто не было.

Детектив покинул улочку, вернулся к парадному подъезду и вошел в дом.

Дверь в квартиру Елены Ортис пересекала полицейская лента. Мур открыл дверь и тут же испачкал ладони черным порошком, которым была обработана ручка. Когда он вошел в квартиру, сорванная лента зацепилась за его плечо.

Гостиная была точно такой, какой он запомнил ее еще вчера, когда приходил сюда вместе с Риццоли. Это посещение, отравленное духом

соперничества, было не из приятных. Руководство расследованием изначально было поручено Риццоли, и она очень болезненно относилась к любым попыткам поколебать ее авторитет, особенно со стороны старших по возрасту коллег-мужчин. Хотя теперь они были единой командой, которая насчитывала уже пять детективов, Мур все равно чувствовал себя лазутчиком на чужой территории и любые свои фразы старался облекать в дипломатичную форму. У него не было ни малейшего желания втягиваться в битву характеров, которую навязывала ему Риццоли. Вчера он очень старался сосредоточиться на осмотре места происшествия, но в присутствии Риццоли ему это плохо удавалось.

Только сейчас, в одиночестве, он мог сконцентрироваться и внимательно изучить обстановку, в которой умерла Елена Ортис. В гостиной он увидел разношерстную мебель, расставленную вокруг плетеного кофейного столика. В углу на столе — компьютер. Бежевый ковер с рисунком из розовых цветов и виноградной лозы. По словам Риццоли, с момента убийства здесь ничего не трогали. За окном уже начинали сгущаться сумерки, но Мур не включал свет. Он долго стоял неподвижно, ожидая, пока настанет полный покой. Ему впервые представилась возможность побыть здесь одному, не отвлекаясь на чужие голоса и лица живых людей. Он представил себе, как постепенно замирают молекулы воздуха, потревоженные его вторжением. Ему хотелось, чтобы комната заговорила с ним.

Он ничего не чувствовал. Ни запаха смерти, ни трепета от недавнего ужаса.

Убийца вошел не через дверь. И он не бродил по квартире, оглядывая свое новое царство смерти. Его внимание было приковано исключительно к спальне.

Мур медленно прошел мимо крошечной кухни в коридор. И тут же почувствовал, как по коже побежали мурашки. У первой же двери он остановился и заглянул в ванную. Включил свет.

«Ночь на четверг жаркая. Настолько жаркая, что по всему городу люди распахнули окна в надежде поймать хоть глоток свежего воздуха. Ты таишься у пожарного выхода, потя в своей темной одежде, и разглядываешь окно ванной комнаты. Не слышно ни звука; женщина спит в своей спальне. Утром ей рано вставать, чтобы идти на работу в цветочный магазин, и в этот час ее сон переходит в самую глубокую фазу. Она не слышит, как ты скребешь шпателем, пытаясь снять москитную сетку».

Мур посмотрел на обои в мелких бутонах красных розочек. Чисто женский рисунок, мужчина никогда не выбрал бы ничего подобного.

Собственно, все в этой ванной говорило о том, что ее хозяйка — женщина, начиная с клубничного шампуня, упаковки «Тампакса» под умывальником и заканчивая аптечным шкафчиком, набитым косметикой. Похоже, девушка была голубоглазой.

«Ты лезешь в окно, и волокна твоей темно-синей рубашки остаются на раме. Полиэфирная ткань. Твои кроссовки сорок первого размера оставляют следы на белом линолеуме пола. В них частички песка, смешанного с кристаллами гипса. Типичная смесь для тротуаров Бостона.

Возможно, ты замираешь, вслушиваясь в темноту. Вдыхая сладкий незнакомый запах женской обители. А может, ты не тратишь время попусту и направляешься сразу к цели. К спальне».

По мере того как Мур следовал маршрутом убийцы, воздух становился гуще, тяжелее. В нем уже угадывалось не ощущение смерти, а ее запах.

Детектив подошел к двери спальни. Теперь волосы на его шее стояли дыбом. Он уже знал, что увидит за дверью. Он думал, что готов к этому, и все же, стоило ему включить свет, как ужас вновь охватил его, совсем как в тот раз, когда он впервые переступил порог этой комнаты.

Кровь уже запеклась. Из службы уборки помещений еще не приходили. Но даже самые сильные моющие средства и килограммы белой краски вряд ли смогут полностью стереть следы кошмара, сотворенного в этих стенах. Казалось, здесь сам воздух пропитан смертельным ужасом.

«Ты заходишь в эту комнату. Окна зашторены, но занавески сделаны из тонкого хлопка, и свет от уличных фонарей струится сквозь ткань прямо на постель, освещая спящую женщину. Конечно, ты должен растянуть этот момент, насладиться зрелищем. Посмаковать задачу, которая стоит перед тобой. Ведь тебе это так приятно, не правда ли? Ты возбуждаешься все больше и больше. Восторг разливается у тебя в крови, словно наркотик, пробуждая каждый нерв, так что вскоре даже кончики пальцев начинают пульсировать от предвкушения».

Елена Ортис даже крикнуть не успела. А может, она и кричала, только ее никто не слышал — ни семья за соседней дверью, ни супружеская пара, что живет этажом ниже.

Убийца принес с собой все необходимое. Клейкую ленту. Тряпку, пропитанную хлороформом. Набор хирургических инструментов. Он пришел полностью подготовленным.

Истязание длилось явно больше часа. По крайней мере, какую-то часть этого времени Елена Ортис находилась в сознании. Судя по тому, что кожа на ее запястьях и щиколотках была содрана, она сопротивлялась. Пока она билась в агонии, ее мочевой пузырь не выдержал, и моча пропитала матрас,

смешавшись с кровью. Операция, которую задумал убийца, была чересчур деликатной, и он не спешил, делал все аккуратно, чтобы взять только то, что хотел, и ничего лишнего.

Он не насиловал ее. Возможно, он был попросту не способен на это.

Когда убийца закончил свою жуткую экзекуцию, женщина была еще жива. Рана в области таза продолжала кровоточить, сердце качало кровь. Как долго это длилось? Доктор Тирни предположил, что не менее получаса. Тридцать минут, которые Елене Ортис, должно быть, показались вечностью.

«А что ты делал в это время? Собирал инструменты? Упаковывал свой приз в приготовленный сосуд? Или же просто стоял рядом, наслаждаясь зрелищем?»

Финальный акт был скорым и деловитым. Мучитель Елены Ортис взял то, что хотел, и теперь пришло время поставить точку. Он подошел к изголовью кровати. Левой рукой схватил свою жертву за волосы, запрокинув ей голову с такой силой, что вырвал прядь. Эти волосы потом обнаружили на подушке и на полу. О событиях последних минут кричали пятна крови. Жертва, полностью парализованная, лежала перед ним, подставив шею, которую он и рассек одним ударом лезвия, от уха до уха. Он перерезал левую сонную артерию и трахею. Хлынула кровь. На стене слева от кровати были густые потеки артериальной крови, перемешанные с кровавой слизью из трахеи. Простыни и подушка насквозь пропитались кровью. Несколько капель, сорвавшихся с лезвия, упали на подоконник.

Елена Ортис еще успела увидеть, как ее собственная кровь фонтаном бьет из шеи, пятная стену ярко-красными брызгами. Она успела вдохнуть кровь поврежденной трахеей, услышать, как она булькает в легких, а потом отхаркнуть алую мокроту в приступе удушающего кашля.

Она была жива достаточно долго, чтобы успеть осознать, что умирает.

«И когда все было кончено, когда прекратилась ее агония, ты оставил нам свою визитку. Ты аккуратно сложил ночную рубашку жертвы и оставил ее на комод. Зачем? Может, это какой-то извращенный знак уважения к женщине, которую ты только что изуродовал? Или ты просто захотел подразнить нас? Показать, что ты хозяин положения?»

Мур вернулся в гостиную и плюхнулся в кресло. В квартире было жарко и душно, но его била дрожь. Он не мог точно сказать, чем был вызван этот озноб — его физическим или моральным состоянием. Ломило ноги и плечи, и Мур предположил, что, возможно, в нем засел вирус. Летний грипп, самый тяжелый. Он вдруг подумал о тех местах, где предпочел бы сейчас находиться. Скажем, в Эдрифте на озере Мэн, где он

сейчас забрасывал бы удочку. Или на морском побережье, окутанном туманом. Да где угодно, только не здесь, где пахнет смертью.

Зуммер пейджера заставил его вздрогнуть. Мур выключил аппарат и почувствовал, как сильно бьется сердце. Он заставил себя успокоиться, потом достал из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Риццоли. — Она ответила сразу, ее фамилия прозвучала как выстрел.

— Вы звонили мне на пейджер.

— Вы почему-то не сообщили мне, что посылали запрос в ПАТП, — сказала она.

— Какой запрос?

— По Диане Стерлинг. Я сейчас просматриваю ее дело.

ПАТП — федеральная Программа анализа тяжких преступлений — представляла собой общенациональный банк данных, куда стекалась информация из полицейских управлений всех штатов, убийцы зачастую повторяли свой собственный почерк преступления, и, используя данные ПАТП, следователи получали возможность по характерным деталям установить личность преступника. Собственно, запрос, инициированный Муром и его тогдашним партнером Расти Стиваком, был делом обычным.

— В Новой Англии похожие преступления не зарегистрированы, — сказал Мур. — Мы просмотрели все дела, в которых фигурировали расчленение, ночное вторжение, связывание клейкой лентой. Ничего общего с почерком убийцы Стерлинг.

— А как насчет серии в Джорджии? Три года назад, четыре жертвы. Одна в Атланте, три в Саванне. Все они есть в базе данных ПАТП.

— Я просмотрел те дела. Это не наш убийца.

— А что вы, Мур, скажете на это? Дора Чикконе, двадцать два года, выпускница Университета Эмори. Жертву сначала парализовали рогипнолом, потом привязали к кровати нейлоновым шнуром...

— Наш парень использует хлороформ и клейкую ленту.

— Но там убийца тоже распорол девушке живот. Вырезал матку. Смертельный удар исполнен так же — глубокая рана на шее. И наконец — обратите внимание — он сложил ее ночную сорочку и оставил на стуле возле кровати. Говорю вам, очень много совпадений.

— Дела в Джорджии закрыты, — сказал Мур. — Вот уже два года как. И тот преступник мертв.

— А что если полиция Саванны проморгала настоящего убийцу? Что если тот парень, которого осудили, не убивал?

— У них был анализ ДНК. Образцы волокон, волос. Плюс ко всему

свидетель. Жертва, которая осталась жива.

— Ах, да. Везунчик. Жертва номер пять. — В голосе Риццоли прозвучали язвительные нотки, что было довольно странно.

— Она опознала убийцу, — сказал Мур.

— И как нельзя более кстати уколошила его.

— Так что, вы хотите арестовать его призрак?

— А вы когда-нибудь беседовали с этой выжившей жертвой? — спросила Риццоли.

— Нет.

— Почему?

— А смысл?

— Смысл в том, что вы могли бы узнать что-нибудь интересное. Например, то, что она покинула Саванну вскоре после нападения. И знаете, где она сейчас проживает?

Даже сквозь треск в телефонной трубке Мур слышал гулкие удары собственного пульса.

— В Бостоне? — тихо спросил он.

— И вы не поверите, когда узнаете, кем она работает.

Глава 3

Доктор Кэтрин Корделл бежала по больничному коридору, и под подошвами ее кроссовок отчаянно скрипел линолеум. Толкнув распашные двери, она ворвалась в отделение скорой помощи.

— Они во второй травме, доктор Корделл! — крикнула медсестра.

— Иду, — отозвалась Кэтрин и, словно управляемый снаряд, полетела во вторую операционную.

Когда она вошла туда, с полдюжину человек устремили на нее взгляды, исполненные облегчения. Она мгновенно оценила ситуацию, увидев разложенные на лотке инструменты, штативы капельниц, на которых, словно тяжелые плоды, висели заготовленные емкости с лактатом Рингера, кровавые бинты и надорванные упаковки стерильного материала, разбросанные по полу. На экране монитора ритмично дергалась синусоида — электрическая модель сердца, пытавшегося убежать от смерти.

— Что у нас тут? — спросила она, когда персонал расступился, пропуская ее вперед.

Хирург-стажер Рон Литтман коротко изложил суть:

— Неизвестный мужчина, жертва наезда на дороге. Доставили к нам без сознания. Зрачки ровные, реагируют, легкие чистые, но живот напряжен. Кишечник молчит. Давление шестьдесят на ноль. Я сделал парацентез. В животе кровь. Мы подключили всю аппаратуру, вливаем лактат Рингера, поднять давление не удастся.

— Первая отрицательная в пути?

— Будет с минуты на минуту.

Мужчина лежал голый на операционном столе, и все интимные части тела были безжалостно выставлены на всеобщее обозрение. На вид ему было за шестьдесят. Он уже был опутан многочисленными трубками и подключен к аппарату искусственного дыхания. Вялые мышцы обвисали на костлявых конечностях, выпирающие ребра напоминали изогнутые лопасти.

«Хроник, — подумала Кэтрин, — скорее всего, рак».

Правые рука и бедро были ободраны и кровоточили после удара об асфальт. В нижней правой части грудной клетки расползся огромный синяк — фиолетовое пятно на белом пергаменте кожи. Проникающих ран не было.

Вооружившись фонендоскопом, она принялась за осмотр пациента,

проверяя показания врача-стажера. В животе действительно было тихо. Никаких звуков — ни урчания, ни клекота. Типичное молчание травмированного кишечника. Прижав мембрану фонендоскопа к груди пациента, она вслушалась в его дыхание, чтобы определить, правильно ли поставлены эндотрахеальная трубка и система вентиляции легких. Сердце стучало, словно кулак, по стенке грудины. Осмотр занял всего несколько секунд, но ей показалось, будто все происходит, как в замедленной съемке, а окружающие застыли во времени, ожидая ее следующего шага.

Раздался возглас медсестры:

— Верхнее упало до пятидесяти!

Время рвануло вперед с пугающей скоростью.

— Дайте мне халат и перчатки, — сказала Кэтрин. — И приготовьте все для лапаротомии.

— Может, отвезем его в реанимацию? — предложил Литтман.

— Все палаты заняты. Мы не можем ждать.

Кто-то подsunул ей бумажный колпак. Она быстро убрала под шапочку свои рыжие, до плеч, волосы и надела маску. Медсестра уже держала наготове стерильный хирургический халат. Кэтрин просунула руки в рукава и натянула перчатки. У нее не было времени на мытье, как не было времени и на колебания. Она отвечала за судьбу неизвестного и не могла подвести его.

На грудь и таз пациента накинули стерильные простыни. Кэтрин схватила с лотка кровоостанавливающий зажим и ловкими движениями зафиксировала края простыней — щелк, щелк.

— Где кровь? — крикнула она.

— Связываюсь с лабораторией, — откликнулась медсестра.

— Рон, ты первый ассистент, — бросила Кэтрин Литтману. Оглядевшись по сторонам, она заметила бледнолицего юношу, стоявшего возле двери. На его именной бирке значилось: «Джереми Барроуз, студент-медик». — Вы второй, — сказала она.

В глазах юноши промелькнула паника.

— Но... я всего лишь на втором курсе. Я здесь просто...

— Можно пригласить еще кого-нибудь из хирургов?

Литтман покачал головой:

— Все заняты. В первой операционной — черепно-мозговая травма, в приемном — помирашка.

— Ладно. — Кэтрин опять оглянулась на студента. — Барроуз, вы ассистируете. Сестра, дайте ему халат и перчатки.

— А что мне нужно делать? Я ведь в самом деле не знаю...

— Послушайте, вы хотите стать врачом? Тогда одевайтесь!

Барроуз залился краской и отвернулся, чтобы надеть халат. Мальчишка явно перепугался, но в любом случае Кэтрин предпочитала иметь дело с такими тихонями, как Барроуз, нежели с высокомерными выскочками. Она знала, как часто больные гибнут из-за чрезмерной самоуверенности врачей.

В селекторе прохрипел голос:

— Вторая травма? Говорит лаборатория. У меня готов гематокрит на неизвестного. Пятнадцать.

«Он истекает кровью», — подумала Кэтрин.

— Нам нужна первая отрицательная немедленно!

— Будет с минуты на минуту.

Кэтрин потянулась к скальпелю. Ощувив приятную тяжесть и гладкую стальную поверхность инструмента, она сразу успокоилась. Скальпель был словно продолжением ее руки, ее плоти. Она сделала короткий вдох, в нос ударил привычный запах спирта и талька. Прижав лезвие к коже, она сделала надрез.

Скальпель прочертил яркую кровавую линию на белой ткани кожи.

— Приготовьте отсос и прокладки, — сказала она. — Живот полон крови.

— Давление едва дотягивает до пятидесяти.

— Первая отрицательная и свежзамороженная плазма здесь! Подвешиваю.

— Кто-нибудь, следите за сердечным ритмом. Говорите мне, что с ним.

— Тахикардия усиливается. Уже сто пятьдесят.

Кэтрин уверенно вела скальпель сквозь слои передней брюшной стенки, не обращая внимания на выступающую кровь; она вообще не отвлекалась на такие мелочи; самое серьезное кровотечение было внутри брюшной полости, и его нужно было остановить. Скорее всего, причиной кровоизлияния была разорванная селезенка или печень.

Брюшина выпирала наружу под давлением скопившейся крови.

— Сейчас хлынет, — предупредила Кэтрин, замерев на мгновение. Хотя она и была готова к возможным последствиям, первый же прокол брюшины вызвал такой мощный фонтан крови, что она слегка запаниковала. Кровь хлынула на простыни, потоком полилась на пол. Халат тоже пропитался кровью, Кэтрин словно окунулась в теплую ванну. А кровь все лилась и лилась.

Она вставила ретракторы, расширяя полость раны. Литтман ввел отсасывающий катетер. Кровь устремилась по трубке в стеклянный резервуар.

— Сушить! — прокричала Кэтрин сквозь шум работающего отсоса. Она затолкала в рану с полдюжину прокладок, которые на глазах окрасились в красный цвет. В считанные секунды прокладки насквозь пропитались кровью. Она вытащила их и вставила новые.

— На мониторе аритмия! — воскликнула медсестра.

— Вот дерьмо! Я уже откачал два литра, — сказал Литтман.

Кэтрин подняла взгляд и увидела, что емкости с кровью и плазмой стремительно опорожняются. Кровь словно вливали в сито. Пробегая по венам, она вытекала из раны, и люди явно не успевали за ней. Никак не удавалось зажать сосуды, утопавшие в море крови, а работать вслепую Кэтрин не могла.

Она вытащила прокладки, тяжелые от крови, вставила новые. Несколько драгоценных секунд ей хватило, чтобы разглядеть источник кровотечения. Кровь хлестала из печени, но место ранения не просматривалось. Казалось, кровоточила вся поверхность этого органа.

— Давление падает! — снова выкрикнула медсестра.

— Зажим! — скомандовала Кэтрин, и инструмент мгновенно оказался в ее руке. — Попробую прием Прингла. Барроуз, еще сушить!

Перепуганный студент потянулся к лотку и опрокинул его. Он в ужасе смотрел, как прокладки падают на пол.

Медсестра вскрыла новую упаковку.

— Они идут в рану, а не на пол! — рявкнула она.

Медсестра и Кэтрин обменялись многозначительными взглядами, одновременно подумав об одном и том же: «И он хочет быть врачом?»

— Куда их класть? — спросил Барроуз.

— Очистите мне полость. Я же ничего не вижу в этой кривице!

Кэтрин дала ему несколько секунд, чтобы он промокнул рану, после чего ей удалось рассечь малый сальник. Перекрыв кровь слева с помощью зажима, она смогла определить, где находится печеночная ножка, через которую проходили печеночная артерия и воротная вена. Это было не более чем временное решение, но, если бы удалось задержать здесь кровь, можно было бы контролировать кровотечение, и тогда они получили бы бесценный выигрыш во времени, чтобы стабилизировать давление, подкачать еще крови и плазмы в кровеносную систему пациента.

Кэтрин крепко стиснула зажим, перекрывая сосуды в ножке.

К ее величайшему разочарованию, кровь продолжала сочиться как ни в чем не бывало.

— Ты уверена, что перекрыла ножку? — спросил Литтман.

— Я знаю, что перекрыла ее. И знаю, что это не забрюшинное

кровотечение.

— Может, воротная вена?

Она схватила с лотка две прокладки. Следующий маневр был ее последним шансом. Положив прокладки на поверхность печени, она сжала орган обеими руками.

— Что она делает? — спросил Барроуз.

— Печеночную компрессию, — ответил Литтман. — Иногда это позволяет перекрыть скрытые разрывы. Предотвратить полную кровопотерю.

Мускулы Кэтрин налились свинцом, пока она отчаянно пыталась удержать давление, повернуть поток вспять.

— Нет, все равно идет, — сказал Литтман. — Не годится.

Кэтрин уставилась в полость раны, где происходило устойчивое накопление крови. «Откуда же она берется, черт возьми?» — подумала она. И вдруг заметила, что кровь равномерно сочится буквально отовсюду. Не только из печени, но также из брюшной стенки, из брыжейки, из всех иссеченных слоев кожи.

Она взглянула на левую руку пациента, которая выскользнула из-под стерильной простыни. Марлевая повязка, наложенная в месте введения внутривенной иглы, намокла от крови.

— Мне нужны тромбоцитарная масса и свежезамороженная плазма. Немедленно! — потребовала она. — И начинайте лить гепарин. Десять тысяч единиц внутривенно сразу и дальше по тысяче в час.

— Гепарин? — изумленно переспросил Барроуз. — Но он же истекает кровью...

— У него коагулопатия потребления, — сказала Кэтрин. — Необходима антикоагуляция.

Литтман тоже смотрел на нее в недоумении.

— Но у нас еще нет лабораторных анализов. Откуда мы можем знать, что у него коагулопатия?

— К тому времени, как мы получим данные, будет уже поздно. Нам необходимо действовать сейчас же! — Кэтрин кивнула медсестре. — Начинайте.

Медсестра ввела иглу в вену. Гепарин был их последней надеждой. Если диагноз Кэтрин был верным, если у пациента действительно был ДВС-синдром, это значило, что в его крови происходил массовый выброс тромбинов, пожиравших все полезные коагуляционные факторы и тромбоциты. Серьезная травма, хроническое онкологическое заболевание или даже инфекция могли спровоцировать такой неконтролируемый шквал

тромбинов. Поскольку при этом уничтожались коагуляционные факторы и тромбоциты, необходимые для свертывания крови, у больного начиналось обильное кровотечение. Чтобы остановить этот процесс, приходилось применять гепарин, антикоагулянт. В высшей степени парадоксальный вариант лечения, и в нем был немалый риск. Если Кэтрин ошиблась в диагнозе, гепарин лишь усилит кровотечение.

«Усилит... Куда уж сильнее!»

У Кэтрин уже ныла спина, руки дрожали от перенапряжения. Капля пота скатилась по щеке и впиталась в марлевую маску.

По селектору вновь прозвучал голос из лаборатории:

— Вторая травма, у меня результаты анализа по неизвестному.

— Говорите, — сказала медсестра.

— Число тромбоцитов упало до тысячи. Протромбиновое время тридцать, присутствуют продукты распада фибринов. Похоже, у вашего пациента убийственная форма коагулопатии потребления.

Кэтрин поймала на себе изумленный взгляд Барроуза.

«На студентов-медиков так легко произвести впечатление».

— Желудочковая тахикардия! Нарастает!

Кэтрин метнула взгляд на монитор. Пилообразная линия с хищными зубцами протянулась через экран.

— Давление?

— Нет. Я его потеряла.

— Начинай непрямой массаж сердца. Литтман, ты отвечаешь за весь ход реанимации.

Хаос нарастал, словно ураган, затягивая всех в свою губительную воронку. В операционную ворвался курьер, доставивший свежезамороженную плазму и тромбоцитарную массу. Кэтрин слышала, как Литтман отдает распоряжения насчет кардиологических препаратов, видела, как медсестра, положив руки на грудную клетку, делает непрямой массаж — со стороны она походила на клюющую заводную птицу. Все их усилия были направлены на то, чтобы обеспечить приток крови к мозгу, не дать ему умереть. Но этими же действиями они провоцировали усиление кровотечения.

Кэтрин заглянула в брюшную полость пациента. Она все еще продолжала компрессию печени, пытаясь сдержать прилив крови. Может, ей это только показалось, или на самом деле кровь, которая до этого лилась рекой, слегка замедлила свой бег?

— Электрошок, — сказал Литтман. — Сто джоулей...

— Нет, подожди. Пульс возвращается!

Кэтрин взглянула на монитор. Синусовая тахикардия! Сердце заработало, но это означало, что оно опять качает кровь в артерии.

— Что у нас с давлением? — крикнула она.

— Давление... девяносто на сорок. Есть!

— Ритм стабильный. Синусовая тахикардия держится.

Кэтрин уставилась на открытую брюшную полость. Кровотечение практически остановилось. Она все еще держала печень в руках, прислушиваясь к устойчивому сигналу монитора. Для нее он был волшебной музыкой.

— Ребята, — произнесла она, — кажется, мы его вытащили.

* * *

Кэтрин сбросила залитый кровью халат и перчатки и последовала за каталкой, на которой неизвестного вывозили из второй операционной. Плечи ее ныли, но это была приятная усталость. Усталость победителя. Медсестры завезли каталку в лифт, чтобы поднять пациента в отделение реанимации хирургии. Кэтрин уже заходила в кабину следом за ними, когда услышала, что ее кто-то окликнул.

Она обернулась и увидела мужчину и женщину, которые шли ей навстречу. Женщина была маленького роста и свирепого вида, жгучая брюнетка с глазами-угольками и прямым, словно луч лазера, взглядом. Она была в строгом синем костюме, отчего выглядела совсем по-военному. Рядом с сопровождавшим ее высоким мужчиной женщина казалась просто карликом. Ее спутнику было явно за сорок: в темных волосах пробивались серебристые пряди. Мужественность и зрелость прочертили мягкие борозды на его все еще красивом лице. Именно его глаза, серые и непроницаемые, остановили взгляд Кэтрин.

— Доктор Корделл? — спросил он.

— Да.

— Я детектив Томас Мур. А это детектив Риццоли. Мы из отдела по расследованию убийств. — Он протянул свое удостоверение, которое, впрочем, могло оказаться и грошовым куском пластика. Кэтрин даже не взглянула на удостоверение, сосредоточившись исключительно на его обладателе.

— Мы можем поговорить с вами наедине? — спросил он.

Она оглянулась на медсестер, которые ждали ее в лифте возле каталки.

— Езжайте, — крикнула она им. — Доктор Литтман сделает все

назначения.

Только после того как двери лифта закрылись, она обратилась к детективу Муру:

— Вы по поводу наезда на пешехода? Думаю, он выживет.

— Нет, мы не по поводу вашего пациента.

— Вы ведь сказали, что вы из отдела убийств?

— Да. — Его тихий голос вызвал у Кэтрин тревогу. Это было нечто вроде мягкого предупреждения подготовиться к самому худшему.

— Вы насчет... О боже, надеюсь, ничего плохого с кем-либо из моих знакомых?

— Речь пойдет об Эндрю Капре. И о том, что произошло с вами в Саванне.

На какое-то мгновение Кэтрин лишилась дара речи. Ноги вдруг стали ватными. Она попятилась к стене, чтобы не упасть.

— Доктор Корделл! — Детектив Мур искренне беспокоился. — С вами все в порядке?

— Я думаю... думаю, нам лучше поговорить в моем кабинете, — прошептала она. И, резко развернувшись, направилась к выходу из операционного отделения. Она шла, не оглядываясь, не проверяя, идут ли за ней детективы; просто шла, стремясь поскорее добраться до спасительной тиши своего кабинета, который находился в смежном здании клиники. Уже оказавшись в лабиринте медицинского центра «Пилгрим», она расслышала их шаги за спиной.

«Что произошло с вами в Саванне?»

Ей совсем не хотелось об этом говорить. Она надеялась, что больше никогда и ни с кем не будет говорить об этом. Но к ней пришли офицеры из полиции, и игнорировать их вопросы было невозможно.

Наконец они дошли до офиса, на двери которого висела табличка:

ПИТЕР ФАЛКО, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
КЭТРИН КОРДЕЛЛ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
ОБЩАЯ И СОСУДИСТАЯ ХИРУРГИЯ

Она вошла в приемную. Секретарь приветствовала ее дежурной улыбкой, которая тут же застыла на губах, стоило ей увидеть землистое лицо Кэтрин и маячивших у нее за спиной незнакомцев.

— Доктор Корделл! Что-то случилось?

— Мы будем в моем кабинете, Хелен. Пожалуйста, не соединяй меня ни с кем.

— Ваш первый пациент будет в десять. Господин Цзянь, после операции по удалению селезенки...

— Отмени.

— Но он едет из Ньюбери. И уже наверняка в пути.

— Хорошо, тогда пусть подождет. Только, пожалуйста, не соединяй меня ни с кем.

Не обращая внимания на ошеломленную Хелен, Кэтрин прошла в свой кабинет, Мур с Риццоли — следом за ней. Она сразу же потянулась за белым халатом. Но его почему-то не оказалось на крючке возле двери, где она всегда его оставляла. Досадная мелочь добавила ей раздражения. Кэтрин огляделась по сторонам в поисках халата, как будто сейчас от него зависела вся ее жизнь. Халат нашелся на дверце шкафа с картотекой, и она испытала странное облегчение, когда надела его и села за рабочий стол. Здесь Кэтрин чувствовала себя в безопасности. Ей было спокойно, она полностью владела собой.

В кабинете царил идеальный порядок — собственно, такой порядок был свойствен ей во всем. Она терпеть не могла неряшливости. Ее папки лежали двумя аккуратными стопками на столе. Книги на полках были расставлены строго по авторам в алфавитном порядке. Компьютер мягко урчал, на мониторе плавали четкие геометрические формы. Кэтрин запахнула халат, чтобы скрыть запачканный кровью топ. Рабочая одежда служила ей дополнительной защитой, еще одним барьером, ограждавшим ее от опасных реалий жизни.

Из-за стола она наблюдала, как Мур и Риццоли оглядывают кабинет, явно оценивая личность его обитателя. Возможно, у них это была чисто профессиональная привычка — проводить короткий визуальный осмотр, прежде чем приступать к разговору. Кэтрин почему-то почувствовала себя уязвимой и незащищенной.

— Я понимаю, что вам очень нелегко возвращаться к этой теме, — сказал Мур, присаживаясь напротив.

— Вы даже не представляете, насколько нелегко. Прошло уже два года. Чем вызван повторный интерес к тем событиям?

— Это связано с двумя нераскрытыми убийствами, которые произошли здесь, в Бостоне.

Кэтрин нахмурилась.

— Но на меня напали в Саванне.

— Да, мы знаем. Существует национальный банк данных по тяжким преступлениям — ПАТП. Так вот, когда мы обратились туда, чтобы отыскать нечто похожее на наши убийства, всплыло имя Эндрю Капры.

Какое-то мгновение Кэтрин молчала, переваривая информацию и набираясь храбрости, чтобы задать следующий вопрос, представлявшийся ей логичным. Ей удалось придать голосу на редкость спокойный тон.

— О каком сходстве идет речь?

— Способ нападения на женщин. Манера подавления их сопротивления. Тип орудия убийства. Характер... — Мур запнулся, пытаясь выразить следующую мысль как можно более деликатно. — Характер расчленения, — тихо закончил он фразу.

Кэтрин обеими руками схватила за край стола, борясь с внезапным приступом тошноты. Взгляд ее упал на аккуратные стопки папок. Краем глаза она заметила полоску синих чернил на рукаве своего халата.

«Как бы ты ни пыталась поддерживать порядок в своей жизни, как бы ни остерегалась ошибок, несовершенства, всегда отыщется какое-то пятнышко, какой-то дефект, ускользнувший от твоего внимания. И застигнет тебя врасплох».

— Расскажите мне о них, — попросила она. — Об этих двух женщинах.

— Мы не вправе разглашать тайну следствия.

— Ну, а все-таки?

— Разве только то, что было напечатано в воскресном «Глобе».

Кэтрин понадобилось не так много времени, чтобы осмыслить все, что он рассказал. Она едва могла поверить в услышанное.

— Эти бостонские убийства... они случились недавно?

— Последнее — в прошлую пятницу.

— Тогда это никак не связано с Эндрю Капрой! И со мной тоже.

— Но есть очень похожие детали.

— Значит, это простое совпадение. Иначе и быть не может. Я думала, вы говорите о старых преступлениях, которые Капра совершил несколько лет тому назад. Но никак не на прошлой неделе. — Она резко отодвинулась от стола. — Не знаю, чем я могу вам помочь.

— Доктор Корделл, наш убийца знает детали, которые никогда не сообщались в средствах массовой информации. Он владеет техникой Капры, о которой известно только следователям из Саванны.

— Тогда, возможно, вам имеет смысл обратиться к этим людям. Тем, которые все знают.

— Вы — одна из них, доктор Корделл.

— Позволю себе напомнить вам, что я была жертвой.

— Вы ни с кем не обсуждали подробности нападения?

— Только со следователями из Саванны.

— Вы не откровенничали с подругами?

— Нет.

— С родными и близкими?

— Нет.

— Есть же у вас кто-то, кому вы доверяете?

— Я никогда и ни с кем это не обсуждала.

Мур устремил на нее недоверчивый взгляд.

— Никогда?

Она отвернулась и прошептала:

— Никогда.

Последовало долгое молчание. После чего Мур мягко спросил:

— Вы когда-нибудь слышали имя Елена Ортис?

— Нет.

— Диана Стерлинг?

— Нет. Это те женщины...

— Да. Это жертвы.

Кэтрин с трудом проглотила слюну.

— Мне незнакомы названные вами имена.

— Вы ничего не знали об этих убийствах?

— Я взяла себе за правило не читать о трагедиях. Для меня это слишком... — Кэтрин устало вздохнула. — Вы должны понять, я вижу слишком много ужасного, оперируя каждый день. Когда я прихожу домой, мне хочется покоя. Я хочу чувствовать себя в полной безопасности. Все, что творится в мире, все эти жестокости и насилие... я не желаю об этом знать.

Мур полез в карман пиджака, достал две фотографии и выложил их перед ней на стол.

— Вы узнаете кого-нибудь из этих женщин?

Кэтрин уставилась на лица. С фотографии, что лежала слева, на нее смотрела улыбающаяся темноглазая женщина, ее волосы развевались на ветру. Вторая была натуральной блондинкой с мечтательным и отстраненным взглядом.

— Темноволосая — это Елена Ортис, — пояснил Мур. — Вторая — Диана Стерлинг. Диана была убита год назад. Эти лица кажутся вам знакомыми?

Кэтрин покачала головой.

— Диана Стерлинг жила в Бэк-Бэй, всего в полумиле от вашего дома. Квартира Елены Ортис находится в двух кварталах к югу от этой больницы. Вы вполне могли когда-нибудь видеть этих женщин. Вы абсолютно

уверены в том, что не узнаете ни одну из них?

— Я не видела их раньше.

Кэтрин отдала фотографии Муру и вдруг заметила, что ее рука дрожит. Разумеется, это не ускользнуло и от его внимания, когда их пальцы соприкоснулись. Она подумала, что Мур вообще многое заметил, на то он и полицейский. Кэтрин так увлеклась своими переживаниями, что совсем упустила из виду этого мужчину. Он был спокойным и вежливым, и она не чувствовала угрозы с его стороны. Только сейчас она поняла, что все это время он пристально изучал ее, пытаясь разглядеть настоящую Кэтрин Корделл. Не серьезного хирурга-травматолога, не холодную рыжеволосую красавицу, а просто женщину.

Теперь заговорила детектив Риццоли. В отличие от Мура, она не пыталась смягчить свои вопросы. Ее интересовали только факты, и она не собиралась тратить время на сантименты.

— Когда вы переехали сюда, доктор Корделл?

— Я покинула Саванну через месяц после случившегося, — ответила Кэтрин в такой же деловой манере.

— Почему вы выбрали Бостон?

— А почему бы и нет?

— Это довольно далеко от Юга.

— Моя мать выросла в Массачусетсе. Каждое лето она привозила нас в Новую Англию. Для меня это было... словом, я как будто вернулась домой.

— Итак, вы живете здесь вот уже более двух лет.

— Да.

— И чем занимаетесь?

Кэтрин нахмурилась, сбита с толку этим вопросом.

— Работаю здесь, в «Пилгрим», с доктором Фалко. В хирургическом отделении.

— Выходит, «Глоб» дал неверную информацию.

— Простите?

— Несколько недель назад я читала статью про вас. Про женщин-хирургов. Там, кстати, была ваша великолепная фотография. Так вот, в статье говорилось, что вы работаете в «Пилгрим» всего год.

Кэтрин выдержала паузу, потом спокойно произнесла:

— Все правильно. После Саванны мне потребовалось какое-то время, чтобы... — Она откашлялась. — Я начала работать с доктором Фалко только в июле прошлого года.

— А что вы можете рассказать о первом годе вашей жизни в Бостоне?

- Я не работала.
- Чем занимались?
- Ничем.

Она смогла выжать из себя только такой ответ — унылый и бестолковый. Не могла же она выплескивать им унижительную правду о том, каким был тот первый год. Дни, переходящие в недели, когда она боялась высунуть нос из своей квартиры. Ночи, когда малейший шорох повергал ее в панику. Медленное и болезненное возвращение в мир, когда простая поездка в лифте или ночное возвращение на машине требовали предельного мужества. Она стыдилась своей трусости, незащищенности, ей до сих пор было стыдно, но гордость не позволяла показать это.

Она посмотрела на часы.

— У меня пациенты. Мне действительно больше нечего добавить.

— Позвольте мне уточнить кое-какие факты. — Риццоли открыла маленький блокнот. — Чуть более двух лет назад, ночью пятнадцатого июня, в вашей квартире на вас было совершено нападение доктором Эндрю Капррой. Этот человек был вам знаком. Он работал врачом-стажером в вашей больнице. — Риццоли взглянула на Кэтрин.

— Вы все знаете не хуже меня.

— Он одурманил вас каким-то лекарством, раздел. Привязал к кровати. Издевался над вами.

— Я не понимаю, зачем вы...

— Он изнасиловал вас.

Слова, хотя и произнесенные тихо, хлестнули, словно пощечина. Кэтрин молчала.

— И это еще не все из того, что он намеревался сделать, — продолжала Риццоли.

«Господи, сделай так, чтобы она замолчала!»

— Он собирался изуродовать вас самым жестоким способом. Так же, как он изуродовал четырех других женщин в Джорджии. Он вспорол им животы. Уничтожил тот орган, который делает женщину женщиной.

— Достаточно, — произнес Мур.

Но Риццоли не унималась.

— Это могло произойти и с вами, доктор Корделл.

Кэтрин покачала головой.

— Зачем вы мне это говорите?

— Доктор Корделл, мое самое большое желание — поймать убийцу, и я думала, что вы захотите помочь нам. Вам же не хочется, чтобы это повторилось с другими женщинами.

— Но я здесь совершенно ни при чем! Эндрю Капра мертв! Вот уже два года как мертв.

— Да, я читала протокол вскрытия.

— Я могу гарантировать, что он мертв, — выпалила Кэтрин. — Потому что я убила этого сукина сына своими собственными руками.

Глава 4

Мур и Риццоли изнывали в машине под струей теплого воздуха, вырывавшейся из кондиционера. Вот уже десять минут они томились в пробке, но в автомобиле пока не становилось прохладнее.

— Налогоплательщики получают то, за что платят, — заметила Риццоли. — Эта машина — суший хлам.

Мур выключил кондиционер и открыл окно. В салон ворвались запахи раскаленного асфальта и выхлопных газов. Он и без того задыхался. Ему было странно, как это Риццоли выдерживает в пиджаке. Мур снял свой сразу же, как только они вышли из дверей медицинского центра «Пилгрим». Он знал, что ей наверняка жарко, поскольку видел капельки пота, поблескивавшие над ее верхней губой — губой, которой, похоже, никогда не касалась губная помада. Риццоли не была дурнушкой, но, в отличие от других женщин, равнодушных к макияжу и побрякушкам, казалось, старательно маскировала собственную привлекательность. Она носила мрачные костюмы, которые совершенно не подходили к ее хрупкой фигурке, а вместо прически на голове была бесформенная копна черных кудряшек. Риццоли была такой, какая есть, и окружающим предлагалось либо принимать ее в этом виде, либо убираться ко всем чертям. Мур понимал, в чем причина такой строгости к себе, — возможно, это помогало ей выжить как женщине-полицейскому. Риццоли по мере сил боролась за свое место под солнцем, пытаясь выстоять в жестокой конкуренции с мужчинами.

Точно так же, как Кэтрин Корделл. Но доктор Корделл выбрала иную стратегию: она держала дистанцию. Во время разговора с ней у Мура возникало ощущение, будто он смотрит на нее сквозь матовое стекло — настолько отстраненной и расплывчатой она казалась.

Именно эта отстраненность и раздражала Риццоли.

— С ней что-то не так, — заметила она. — Чего-то не хватает в плане эмоций.

— В конце концов, она же хирург-травматолог. Ей по роду деятельности положено быть хладнокровной, — возразил Мур.

— Есть хладнокровие, а есть лед. Два года тому назад ее связали, изнасиловали, чуть не изуродовали. А она так спокойно говорит об этом. Мне это кажется странным.

Мур остановился на красный сигнал светофора и уставился на

запруженный перекресток. Пот струйками стекал у него по спине. Он плохо соображал в жару, становился размякшим и тупым. Он уже мечтал о том, чтобы лето поскорее кончилось и пришла зима с ее белоснежной чистотой...

— Эй, — окликнула его Риццоли. — Вы меня слушаете?

— Она очень выдержанная, — произнес он наконец.

«Но совсем не ледяная», — подумал тут же Мур, вспомнив, как дрожала рука Кэтрин, когда она передавала ему фотографии женщин.

Уже сидя за рабочим столом, он, потягивая теплую колу, стал перечитывать статью, напечатанную несколько недель тому назад в «Бостон глоб»: «Женщины, владеющие ножом». Речь шла о трех женщинах-хирургах из Бостона — их триумфах и поражениях, проблемах, с которыми они сталкиваются в своей профессиональной среде. Фотография Корделл была самой удачной. И дело было не только в ее внешней привлекательности; поражал ее взгляд — такой прямой и гордый, словно Кэтрин бросала вызов фотокамере. Ее портрет, как и статья, убеждал в том, что эта женщина полностью управляет своей жизнью.

Мур отложил статью в сторону и задумался о том, каким обманчивым может быть первое впечатление. Как легко замаскировать боль улыбкой, упрямо вздернутым подбородком...

Он открыл другую папку. Глубоко вздохнув, принялся перечитывать отчет следователей из Саванны по делу Эндрю Капры.

Свое первое убийство, из числа известных полиции, он совершил, будучи студентом медицинского факультета Университета Эмори в Атланте. Жертвой стала Дора Чикконе, двадцатидвухлетняя аспирантка того же университета, которая была найдена привязанной к кровати в ее комнате на съемной квартире. При вскрытии в ее теле были обнаружены следы сильнодействующего лекарства рогипнола. Осмотр квартиры не подтвердил факта насильственного вторжения.

Жертва сама пригласила убийцу к себе домой.

Одурманенную наркотиком Дору Чикконе привязали к кровати нейлоновым шнуром, ее крики заглушала клейкая лента на губах. Сначала убийца изнасиловал ее. Потом взялся за скальпель.

Она была жива во время операции.

Закончив экзекуцию, убийца вырезал матку, которую прихватил с собой в качестве сувенира, и нанес смертельный удар: одним взмахом лезвия глубоко рассек шею слева направо. Хотя полиции удалось взять на анализ ДНК из спермы убийцы, никаких других ниточек к нему не было.

Расследование осложнялось тем, что Дора слыла девушкой раскованной, завсегдаем местных баров и частенько приводила домой мужчин из числа первых встречных.

В ту роковую ночь таким мужчиной оказался студент-медик по имени Эндрю Капра. Но это имя привлекло внимание полиции только после того, как три другие женщины были зверски убиты в Саванне, за двести миль от Атланты.

Наконец душной июньской ночью убийства прекратились.

Кэтрин Корделл, старший хирург больницы «Риверлэнд» в Саванне, была разбужена ночью стуком в дверь. Открыв, она увидела на пороге своего дома Эндрю Капру, молодого хирурга-стажера, работавшего под ее руководством. В тот день в больнице она указала Капре на ошибку, которую тот допустил, и теперь он пришел признать свою вину и покаяться. Вежливо попросил разрешения войти и поговорить о волнующем его деле.

За пивом они долго обсуждали работу Капры как начинающего хирурга. Говорили о допущенных ошибках, о пациентах, которые пострадали из-за его беспечности. Кэтрин не скрывала правды и говорила стажеру в глаза все, что думала: Капра явно не справлялся с работой хирурга, и ему не светило приглашение остаться в клинике. В какой-то момент Кэтрин отлучилась из комнаты в туалет, после чего вернулась, чтобы продолжить разговор и допить свое пиво.

Когда она пришла в сознание, то обнаружила, что лежит совершенно голая, привязанная к кровати нейлоновым шнуром.

Полицейский отчет во всех ужасающих подробностях описывал последовавший за этим кошмар.

С фотографий, сделанных в больнице, куда доставили Кэтрин, смотрела женщина с затравленным взглядом, с огромной гематомой на щеке. Одним словом, жертва.

Волевая и собранная дама, которую он увидел сегодня, производила прямо противоположное впечатление.

Сейчас, перечитывая показания Корделл, Мур словно слышал ее голос. Слова больше не принадлежали анонимной жертве, их произносила женщина, чье лицо было ему знакомо.

«Я не знаю, как мне удалось высвободить одну руку. Судя по тому, как ободрано запястье, я, должно быть, вытащила ее из-под шнура. Простите, но я не слишком хорошо помню подробности. Помню только, что мне нужно было дотянуться до скальпеля. Я знала, что его нужно достать из лотка. Перерезать шнур, прежде чем Эндрю вернется...

Помню, я скатилась к краю кровати. Упала на пол, больно ударилась

головой. Потом я пыталась найти пистолет. Это отцовский пистолет. После того как в Саванне была убита третья женщина, он настоял на том, чтобы я держала его у себя дома.

Я помню, как полезла под кровать. Схватила пистолет. И тут же расслышала шаги: Эндрю возвращался в комнату. Потом... не знаю... Должно быть, в этот момент я выстрелила. Да, наверное, так и было. Мне сказали, что я стреляла дважды. Вполне возможно, так оно и было».

Мур прервал чтение, задумавшись над показаниями Корделл. Баллистическая экспертиза подтвердила, что обе пули были выпущены из оружия, зарегистрированного на имя отца Кэтрин, которое было найдено возле кровати. Анализ, сделанный в больнице, показал присутствие в ее крови рогипнола — препарата, вызывающего амнезию, — так что провалы в памяти были вполне естественны. Когда Корделл доставили в отделение скорой помощи, врачи описывали ее состояние как невменяемое, что могло быть следствием как наркотического воздействия, так и контузии от сильного удара. Действительно, только сильный удар по голове мог так изуродовать лицо. Сама Кэтрин не помнила, как и когда она получила тот удар.

Мур принялся рассматривать фотографии с места происшествия. На полу спальни лежал на спине мертвый Эндрю Капра. Выстрелов было два — в живот и в глаз, — и оба с близкого расстояния.

Он долго изучал снимки, отмечая положение тела Капры, разброс кровавых брызг.

Потом перешел к протоколу вскрытия. Перечитал его дважды.

Еще раз посмотрел на фотографию места происшествия.

«Что-то здесь не так, — подумал он. — В показаниях Корделл какая-то ерунда».

На его стол внезапно лег лист протокола. Мур поднял взгляд и с удивлением увидел перед собой Риццоли.

— Читали этот бред? — спросила она.

— Что это?

— Протокол по результатам анализа волоса, изъятых с края раны у Елены Ортис.

Мур пробежал глазами бумагу и, остановившись на заключении, произнес:

— Понятия не имею, что это значит.

В 1997 году многочисленные подразделения бостонской полиции были собраны под одной крышей — в только что отстроенном комплексе «Шредер Плаза» в квартале Роксбери, который прежде имел дурную славу. Полицейские называли свою новую штаб-квартиру не иначе как «мраморным дворцом» — уж очень впечатлял огромный вестибюль, отделанный полированным гранитом. И шутили: «Дайте нам несколько лет, чтобы захламить его как следует, тогда он станет для нас домом». «Шредер Плаза» не имел ничего общего с обшарпанными полицейскими участками, которые обычно показывали в сериалах. Это было суперсовременное здание с огромными окнами и стеклянной крышей. Помещение, в котором разместился отдел по расследованию убийств, с его коврами, покрытиями и компьютерным оснащением, вполне могло сойти за офис крупной корпорации. Что особенно нравилось сотрудникам в «Шредер Плаза» — теперь все службы находились по соседству.

Детективам из отдела убийств достаточно было пройти по коридору в южное крыло здания, чтобы оказаться в криминалистической лаборатории.

В отделе по исследованию волос и волокон Мур и Риццоли наблюдали за тем, как судмедэксперт Эрин Волчко просматривает свою коллекцию конвертов с образцами вещественных доказательств.

— Этот единственный волос — все, что у меня было для исследования, — говорила Эрин. — Но вы не поверите, сколько может рассказать один волосок. Вот, нашла. — Она достала конверт с номером дела Елены Ортис и извлекла из него диапозитив. — Я вам просто покажу, как это выглядит под микроскопом. Балльная оценка приведена в отчете.

— Эти цифры и есть балльная оценка? — спросила Риццоли, разглядывая столбцы кодов.

— Совершенно верно. Каждый код описывает различные характеристики волоса, начиная от цвета и завитка и заканчивая микроскопическими особенностями. Образцу, который я исследовала, присвоен код A01 — темный блондин. Завиток — B01. Волос изогнутый, диаметр завитка менее восьмидесяти. Почти, но не совсем прямой. Длина стержня четыре сантиметра. К сожалению, этот волос находится в фазе телогена, поэтому на нем нет примыкающей ткани эпителия.

— А это значит, что нет ДНК.

— Правильно. Телоген — это конечная стадия роста корня. Волос выпал естественным путем, его не выдергивали. Если бы на корне были клетки эпителия, мы могли бы сделать анализ ДНК. Но на нашем образце таких клеток не обнаружено.

Риццоли и Мур разочарованно переглянулись.

— Но кое-что мы все-таки имеем, — сказала Эрин. — Это, конечно, не ДНК, но в суде можно использовать в качестве доказательной базы. Очень жаль, что у нас нет волос с трупа Стерлинг для сравнения. — Она настроила окуляр микроскопа. — Посмотрите.

Микроскоп имел два окуляра, так что Риццоли и Мур могли одновременно рассматривать образец. Мур видел перед собой лишь волос, покрытый крохотными узелками.

— А что это за шишечки? — спросила Риццоли. — По-моему, какая-то аномалия.

— Это не только аномалия, но еще и большая редкость, — сказала Эрин. — Это состояние называется *trichorrhexis invaginata*, узловая трихоклазия, или «бамбуковый волос». Он и в самом деле напоминает стебель бамбука, не так ли?

— А что это за узелки? — спросил Мур.

— Локальные дефекты волоса, участки утолщения в зонах расщепления. Слабые места, в которых стержень волоса как бы сворачивается, образуя микроскопические шарики или узелки.

— И чем может быть вызвано такое состояние волос?

— Иногда оно развивается вследствие чрезмерного воздействия на волосы. Окрашивание, перманент, обесцвечивание и тому подобное. Но поскольку мы, скорее всего, имеем дело с мужчиной, и к тому же я не обнаружила следов химического воздействия, то можно сделать вывод, что эта аномалия вызвана не внешними факторами, а генетическими отклонениями.

— Например?

— Ну, скажем, синдромом Незертонна. Это аутосомно-рецессивное состояние, влияющее на выработку кератина. Кератин — жесткий волокнистый белок, присутствующий в волосах и ногтях. Кроме того, это внешний слой нашей кожи.

— Значит, если существует генетический сбой и кератин не вырабатывается, происходит ослабление волос?

Эрин кивнула.

— Но это затрагивает не только волосы. У людей, страдающих синдромом Незертонна, могут быть и кожные заболевания. Сыпь, шелушение кожи.

— Можно сказать, что у нашего неизвестного перхоть? — спросила Риццоли.

— Возможны и более очевидные признаки. У некоторых пациентов наблюдается такая тяжелая форма заболевания, как ихтиоз. Кожа

становится настолько сухой, что начинает напоминать шкуру аллигатора.

Риццоли рассмеялась.

— Выходит, мы ищем человека-рептилию! Это значительно сужает круг поисков.

— Совсем не обязательно. Сейчас лето.

— И что?

— Жара и влажность улучшают состояние сухой кожи. В это время года он может выглядеть совершенно нормально.

Риццоли и Мур переглянулись, одновременно подумав об одном и том же.

«Обе жертвы были убиты летом».

— Пока стоит жара, — продолжала Эрин, — он, скорее всего, не выделяется среди окружающих.

— Но сейчас только июль, — заметила Риццоли.

Мур кивнул.

— Сезон охоты только начинается.

Неизвестный наконец обрел имя. Медсестры из отделения реанимации нашли его именную бирку, прикрепленную к связке ключей от дома. Звали его Герман Гвадовски, и было ему шестьдесят девять лет.

Кэтрин стояла в боксе, куда был помещен ее пациент, и методично изучала показания приборов, расставленных вокруг койки. Осциллограф показывал нормальный сердечный ритм. Артериальное давление составляло 110 на 70, а линия венозного давления плавно поднималась и опускалась, словно морская волна. Электроника показывала, что господин Гвадовски был прооперирован успешно.

Но он не просыпается, подумала Кэтрин, посветив ручкой-фонариком сначала в левый зрачок, потом в правый. Почти восемь часов прошло после операции, а пациент по-прежнему был в глубокой коме.

Кэтрин выпрямилась и посмотрела на его грудную клетку, которая ритмично вздымалась, послушно следуя циклу работающего аппарата искусственной вентиляции легких. Да, она не дала ему умереть от полной кровопотери. Но что она спасла на самом деле? Тело, в котором билось сердце, но не функционировал мозг?

Кто-то постучал в стекло. Сквозь стеклянную перегородку бокса она увидела своего партнера, доктора Питера Фалко, который махал ей рукой. Его обычно жизнерадостное лицо выражало озабоченность.

Некоторые хирурги, переступая порог операционной, мечут громы и молнии. Другие высокомерно впадают, надевая хирургические халаты

так, словно это королевская мантия. Есть и холодные профессионалы, для которых пациенты не более чем груда механических деталей, нуждающихся в ремонте.

А еще был Питер. Забавный, жизнелюбивый Питер, который, оперируя, напевал что-то из Элвиса, который устроил в клинике соревнования по запуску бумажных самолетиков, который весело ползал на четвереньках, играя в «Лего» со своими маленькими пациентами. Увидев его хмурое лицо, Кэтрин поспешила выйти из бокса.

— Все в порядке? — спросил он.

— Только что закончила осмотр.

Питер посмотрел на опутанного проводами и трубками Гвадовски.

— Я слышал, ты сделала невозможное. Спасла его от потери крови.

— Не знаю, считать ли это спасением. — Она оглянулась на своего пациента. — Все работает, кроме серого вещества.

Какое-то время оба молчали, наблюдая за тем, как поднимается и опускается грудная клетка Гвадовски.

— Хелен сказала, что к тебе сегодня приходили двое из полиции, — произнес Питер. — Что-то случилось?

— Ничего особенного.

— Опять забыла заплатить за парковку?

Она выдавила из себя смешок.

— Да, и рассчитываю, что ты поможешь мне освободиться под залог.

Они вышли из реанимации и пошли по коридору. Долговязый Питер привычно вышагивал рядом с Кэтрин своей смешной походкой. Уже в лифте он спросил:

— Ты в порядке, Кэтрин?

— А почему ты спрашиваешь? Я что, плохо выгляжу?

— Честно? — Он пристально взгляделся в ее лицо, и под прицелом его голубых глаз она почувствовала себя незащищенной. — Ты выглядишь так, будто нуждаешься в бокале вина и хорошем ужине в ресторане. Как насчет того, чтобы составить мне компанию?

— Заманчивое предложение.

— Но?

— Но думаю, что сегодня я посижу дома.

Питер приложил руки к груди, словно раненный в самое сердце.

— Ты опять сразила меня наповал! Скажи, ну как найти к тебе подход?

Она улыбнулась.

— Сам думай.

— Хорошо, как тебе понравится такое? Сорока принесла мне на хвосте

новость, что в субботу у тебя день рождения. Позволь увезти тебя на моем самолете.

— Не могу. Я дежурю в субботу.

— Ты можешь поменяться с Эймсом. Я ним договорюсь.

— О, Питер, ты же знаешь, что я не люблю летать.

— Только не говори, что у тебя фобия.

— Просто я плохо переношу ситуации, которые не могу контролировать.

— Типичная логика хирурга.

— Мне очень лестна твоя оценка.

— Так что, свидание в небе отменяется? Я не могу повлиять на твое решение?

— Думаю, что нет.

Питер вздохнул.

— Ну, я исчерпал запас идей. Мой репертуар иссяк.

— Я знаю. Ты начинаешь повторяться.

— Вот и Хелен говорит то же самое.

Кэтрин бросила на него удивленный взгляд.

— Хелен дает тебе советы, как выманить меня на свидание?

— Она говорит, что у нее больше нет сил смотреть этот душераздирающий спектакль, в котором мужчина бьется головой о непробиваемую стену.

Они рассмеялись, вышли из лифта и направились к своему офису. Это был искренний смех двух коллег, которые прекрасно знали, что их словесная пикировка — не более чем игра. Поддерживая такого рода отношения, они щадили друг друга, оберегая от возможных обид и душевных травм. Это был легкий и безопасный флирт, освобождавший обоих от каких-либо обязательств. Питер шутливо приглашал Кэтрин на свидания, она в такой же манере отвергала его приглашения, и весь коллектив удачно подыгрывал парочке незадачливых влюбленных.

Была уже половина шестого вечера, и сотрудники разошлись по домам. Питер удалился в свой кабинет, Кэтрин прошла к себе, чтобы повесить халат и взять сумочку. В тот момент, когда она вешала халат на крючок, ей в голову пришла неожиданная мысль.

Она вышла в приемную и заглянула к Питеру. Он просматривал амбулаторные карты; очки для чтения сползли у него на самый кончик носа. В отличие от ее вылизанного кабинета рабочее пространство Питера поражало размахом беспорядка. Здесь царил настоящий хаос. В корзине для мусора высилась гора бумажных самолетиков. На стульях лежали

стопки книг и журналов по хирургии. Одна стена была увита бесконтрольно растущим филодендроном. В его буйных зарослях прятались дипломы Питера — инженера по аэронавтике Массачусетского технологического института и доктора медицины Гарвардского университета.

— Питер... Конечно, это глупый вопрос...

Он взглянул на нее поверх очков.

— Тогда ты обратилась по адресу.

— Ты заходил ко мне в кабинет?

— Следует ли мне вызвать своего адвоката, прежде чем отвечать?

— Да ладно тебе. Я серьезно.

Он выпрямился в кресле и внимательно посмотрел на нее.

— Нет, не заходил. А почему ты спрашиваешь?

— Не бери в голову. Пустяки. — Кэтрин повернулась, чтобы уйти, и услышала, как под Питером скрипнуло кресло.

Он поднялся и последовал за Кэтрин в ее кабинет.

— Что пустяки? — спросил он.

— Я неисправимая перфекционистка. Меня раздражает, когда вещи оказываются не на своих местах.

— Что, например?

— Мой рабочий халат. Я всегда вешаю его на дверь, а он почему-то оказывается на шкафу с картотекой или на стуле. Я знаю, что это не Хелен и не другие секретарши. Я их уже спрашивала.

— Может, уборщица...

— И еще меня бесит, что я не могу найти свой фонендоскоп.

— Он что, до сих пор не нашелся?

— Мне пришлось взять у старшей медсестры.

Нахмурившись, Питер оглядел комнату.

— Да вот же он. На книжной полке.

Питер подошел к стеллажу, где на краю книжного ряда лежал фонендоскоп. Кэтрин молча взяла у него из рук трубку, уставившись на нее, как на диковинку. Как на черную змею, свернувшуюся клубком у нее на ладони.

— Эй, в чем дело?

Кэтрин тяжело вздохнула.

— Кажется, я просто устала.

Она сунула фонендоскоп в левый карман своего халата, где всегда его и держала.

— Ты уверена, что это все? Может, еще что-то не так?

— Мне нужно домой.

Кэтрин вышла из кабинета, Питер последовал за ней.

— Может, это как-то связано с теми полицейскими? Послушай, если у тебя неприятности... если я могу помочь...

— Мне не нужна никакая помощь, спасибо тебе. — Ответ прозвучал прохладнее, чем она рассчитывала, и Кэтрин тут же пожалела об этом. Питер не заслуживал такого отношения.

— Знаешь, мне было бы приятно, если бы ты чаще обращалась ко мне за помощью, — тихо произнес он. — Мы ведь работаем вместе. Мы партнеры. Или ты так не считаешь?

Кэтрин не ответила.

Он направился к своему кабинету.

— Увидимся утром.

— Питер...

— Да?

— Насчет тех офицеров из полиции... И насчет того, зачем они приходили...

— Ты не обязана мне рассказывать.

— Нет, я хочу рассказать. Если я этого не сделаю, ты так и будешь теряться в догадках. Они приходили задать мне несколько вопросов, связанных с расследованием убийства. В четверг ночью была убита женщина. Они думали, что, возможно, я с ней знакома.

— Ты действительно ее знаешь?

— Нет. Это была ошибка, вот и все. — Она вздохнула. — Просто ошибка.

* * *

Кэтрин задвинула дверной засов, который с внушительным грохотом встал на место, накинула цепочку. Еще одна линия обороны от кошмаров, притаившихся за стенами ее квартиры. Забаррикадовавшись, она разулась, положила сумочку и ключи от машины на столик в прихожей и босиком прошла в гостиную, ступая по пушистому белому ковру. В квартире царила приятная прохлада благодаря чуду системы кондиционирования. На улице было градусов тридцать, а в доме температура никогда не поднималась выше двадцати четырех летом и не опускалась ниже двадцати зимой. В жизни было так мало прогнозируемого, определенного, и Кэтрин изо всех сил старалась поддерживать хоть какой-

то порядок в рамках своего жизненного пространства. Она выбрала этот двенадцатипятиэтажный кондоминиум на Коммонуэлт-авеню, поскольку дом был новый, с безопасным подземным гаражом. Пусть он был не столь колоритен, как красно-кирпичные дома исторической застройки в Бэк-Бэй, но зато гарантировал своим жильцам отсутствие проблем с водоснабжением или электропроводкой, которые неизбежно возникали в старых зданиях. Кэтрин же была приверженцем четкости и порядка во всем. Квартиру она содержала в безукоризненной чистоте и, за исключением редких цветочных пятен, интерьер предпочитала белый. Белый диван, белые ковры, белый кафель. Цвет чистоты. Нетронутой. Девственной.

В спальне она разделась, повесила юбку, отложила блузку, которую следовало сдать в химчистку. Переделась в широкие брюки и шелковую рубашку без рукавов. К тому времени, когда Кэтрин босиком прошла на кухню, она обрела прежнее душевное равновесие и вновь ощутила уверенность в себе.

Сегодня днем такой уверенности у нее не было. Визит двух детективов поверг ее в смятение, и всю вторую половину дня она ловила себя на том, что допускает нелепые ошибки. Хватает не те приборы, записывает в амбулаторную карту неверные данные. Все это были лишь мелкие промахи, но они образовали ту рябь на поверхности воды, которая предвещает шторм. За последние два года Кэтрин удалось подавить в себе воспоминания о том, что произошло в Саванне. Правда, иногда, без всякого предупреждения, в памяти всплывал тот или иной эпизод, но она ловко обходила его стороной, обращаясь к другим мыслям. Сегодня Кэтрин не смогла убежать от прошлого. Сегодня она не смогла притвориться, будто Саванны в ее жизни не было.

Кафель под ногами охлаждал босые ноги. Кэтрин приготовила себе «отвертку» с малой дозой водки и, потягивая коктейль, принялась натирать пармезан, резать помидоры, лук и травы. Она с утра ничего не ела, и алкоголь быстро всасывался в кровь. Водка вызвала приятное опьянение и легкое забытие. Кэтрин испытывала удовольствие от плавного скольжения ножа, от запаха свежего базилика и чеснока. Кулинарная терапия.

За окном томился в духоте Бостон, изнывающий от автомобильных пробок и нервных жителей, в то время как она, надежно защищенная стеклопакетами, спокойно готовила соте из помидоров на оливковом масле, наливая в бокал кьянти, ставила на огонь воду для спагетти. Прохладный воздух с тихим свистом вырывался из кондиционера.

Кэтрин поставила на стол спагетти, салат и вино и стала ужинать под

аккомпанемент Дебюсси. Несмотря на голод и усилия, затраченные на приготовление пищи, все казалось безвкусным. Кэтрин заставляла себя есть, но еда застревала в горле, словно она глотала что-то вязкое. Даже второй бокал вина не помог протолкнуть этот ком. Она отложила вилку и уставилась на недоеденный ужин. Музыка накатывала на нее мощными волнами.

Кэтрин уронила лицо в ладони. Поначалу она не могла издать ни звука. Как будто ее горе так долго было закупорено в сосуде, что уже не могло прорваться наружу. Но вот пробился тоненький всхлип, и следом за ним в диком вопле выплеснулась боль, скопившаяся за два года. Кэтрин и сама испугалась такого накала эмоций, поскольку уже не могла обуздать их, как не могла и предсказать, когда же наступит конец. Она рыдала, пока не распухло горло, пока легкие не надорвались от спазмов.

Наконец, когда все слезы были выплаканы, Кэтрин легла на диван и тут же провалилась в глубокий сон.

Она резко проснулась, уже в полной темноте. Сердце колотилось, блузка намочла от пота. Послышался ли ей шум? Или на самом деле треснуло стекло и раздались шаги? Может, от этого она и проснулась? Кэтрин боялась шевельнуться, чтобы не пропустить ни единого звука.

В окне мелькали отсветы автомобильных фар. Гостиная на миг освещалась и вновь погружалась в темноту. Кэтрин прислушалась к свисту кондиционера, к урчанию холодильника на кухне. Никаких посторонних звуков. Ничего, что могло бы вызвать такой ужас.

Она села на диване и, набравшись храбрости, включила лампу. Воображаемые страхи тут же растворились в мягком свете. Кэтрин встала и начала обходить комнаты, включая всюду свет, заглядывая в шкафы. Умом она понимала, что никто не мог проникнуть в ее квартиру, оборудованную мудреной системой сигнализации, надежно запертую на засовы и замки. Но все равно не могла успокоиться, пока не завершила ритуал обхода и не исследовала каждый темный закуток. Лишь убедившись в том, что ее безопасности ничего не угрожает, она позволила себе расслабиться.

Была половина одиннадцатого вечера. Среда.

«Мне необходимо поговорить с кем-нибудь. Одна я не справлюсь с этим».

Кэтрин села к столу, включила компьютер и уставилась на вспыхнувший приветствием экран. Этот пластиковый ящик, напичканный электроникой, был ее терапевтом, единственной отдушиной, куда она могла без опаски излить свою боль.

Она набрала свое имя, SCORD, под которым была зарегистрирована в

Интернете, и, несколько раз щелкнув мышкой, нажав две-три клавиши на клавиатуре, легко нашла дорогу в чат-рум с незатейливым названием «Женская помощь».

На экране появился десяток знакомых ников. Это были прозвища невидимых безымянных женщин, стремящихся в спасительную анонимную гавань киберпространства. Какое-то время Кэтрин просматривала сообщения, которыми обменивались собеседницы, и ей казалось, будто она слышит голоса таких же, как она, глубоко травмированных женщин.

LAURIE45: Ну, и что дальше?

VOTIVE: Я сказала ему, что не готова. Меня еще мучают воспоминания. Я сказала, что, если я ему небезразлична, он должен подождать.

HBREAKER: Молодец.

WINKY98: Не позволяй ему торопить тебя.

LAURIE45: Ну и как он отреагировал?

VOTIVE: Сказал, что я должна просто перешагнуть через ЭТО. Словно я кукла бездушная.

WINKY98: Мужиков тоже нужно изнасиловать!

HBREAKER: У меня ушло два года, прежде чем я смогла оправиться.

LAURIE45: А у меня больше года.

WINKY98: Мужики только и думают, что о своих членах. Главное, чтобы эта ШТУКА получила удовлетворение.

LAURIE45: Уф. Ты сегодня в ударе, Винк.

WINKY98: Возможно. Иногда я думаю, что Лорена Бобитт была права.

HBREAKER: Винк пошла вразнос!

VOTIVE: Мне кажется, что он не хочет ждать. Думаю, он бросит меня.

WINKY98: Ты достойна того, чтобы тебя ждали. Ты ДОСТОЙНА!

На несколько секунд экран опустел. Потом появилась строчка:

LAURIE45: Привет, CCORD. Рада, что ты вернулась.

Кэтрин ответила:

CCORD: Я вижу, мы опять обсуждаем мужчин.

LAURIE45: Да. Почему мы никак не можем уйти от этой надоевшей темы?

VOTIVE: Потому что именно они обижают нас.

Последовала еще одна долгая пауза. Кэтрин глубоко вздохнула и напечатала:

CCORD: У меня был ужасный день.

LAURIE45: Расскажи нам, СС. Что случилось?

Кэтрин казалось, будто она слышит, как в эфире шелестят женские

голоса, нежные и успокаивающие.

CCORD: Сегодня вечером у меня был приступ паники. Я дома, в безопасности, ко мне никто не может проникнуть, и все равно это не отпускает меня.

WINKY98: Не сдавайся. Не позволяй ему превращать тебя в пленницу.

CCORD: Уже поздно. Я в плену. Потому что сегодня вечером я поняла нечто ужасное.

WINKY98: Что такое?

CCORD: Зло не умирает. Никогда. Оно просто обретает новое лицо, новое имя. То, что однажды Зло коснулось нас, не означает, что теперь у нас к нему иммунитет. Молния может ударить и дважды.

Ей никто не ответил.

«Какими бы осторожными мы ни были, зло все равно знает, где мы живем, — подумала Кэтрин. — Оно знает, как найти жертву». Струйка пота пробежала у нее по спине. «И я чувствую его приближение. Оно совсем рядом».

Нина Пептон никуда не ходит, ни с кем не встречается. Вот уже несколько недель она не появляется на работе. Сегодня я позвонил в ее офис в Бруклине, где она работает торговым представителем, и ее коллега сказал мне, что не знает, когда она вернется. Словно раненый зверь таится она в своей пещере, опасаясь выползти из нее с наступлением сумерек. Она знает, какие опасности подстерегают ее в ночи, потому что однажды зло уже коснулось ее, и теперь ей кажется, будто оно просачивается даже сквозь стены ее дома. Шторы на ее окнах плотно задернуты, но ткань тонкая, и я вижу, как она ходит по квартире, взад-вперед, взад-вперед. Она ходит сгорбившись, прижав руки к груди. Ее силуэт словно собрался в шар. Движения порывистые, механические.

Она проверяет замки на дверях, шпингалеты на окнах. Пытается отгородиться от темноты, оставить ее за окном.

В ее маленьком доме, должно быть, совсем нечем дышать. Ночь душная, а в ее окнах не видно кондиционеров. Весь вечер она сидит дома, не открывая окон, несмотря на духоту. Я представляю, как она блестит от пота, изнывает от жары, мечтает впустить в окно свежий воздух, но боится, что вместе с воздухом ворвется и что-то другое.

Она опять проходит мимо окна. Останавливается. Медлит. Внезапно шторы распахиваются. Она тянется к шпингалету, отодвигает его и поднимает окно. Жадно глотает свежий воздух. Она наконец сдалась, уступив жаре.

Нет ничего более волнующего для охотника, чем запах раненого зверя. Я почти чувствую его, этот запах истекающей кровью жертвы, оскверненной плоти. Точно так же, как она вдыхает ночной воздух, я вдыхаю ее запах. Ее страх.

Мое сердце бьется чаще. Я лезу в сумку, чтобы прикоснуться к инструментам. Даже сталь кажется теплой на ощупь.

Она закрывает окно. Несколько глубоких глотков свежего воздуха — это все, что она может себе позволить, прежде чем вернется в свою убогую душную конуру.

Я мирюсь с разочарованием и ухожу, оставляя ее на всю ночь в этой душегубке.

Завтра, говорят, жара усилится.

Глава 5

— Этот неизвестный — типичный пикерист, — подытожил доктор Цукер. — Так называют тех, кто с помощью ножа пытается достичь сексуального удовлетворения. Пикеризм подразумевает нанесение ран или порезов — собственно, любое проникновение в кожу с помощью острого предмета. Нож выступает в роли фаллического символа — субститута мужского полового органа. Вместо нормального полового акта наш неизвестный получает удовлетворение, подвергая жертву боли и устрашению. Его заводит власть над ней. Высшая власть — власть над жизнью и смертью.

Детектив Джейн Риццоли была не из пугливых, но общение с доктором Цукером повергало ее в дрожь. Он напоминал ей бледнолицего и нескладного Джона Малковича, а его голос, больше похожий на шепот, можно было принять за женский. Когда он говорил, его пальцы все время шевелились и скрючивались. Он не служил в полиции, а был психологом-криминалистом из Северо-Восточного университета, и его приглашали для консультаций в бостонское управление. Риццоли уже доводилось однажды работать с ним по убийству, и он еще тогда навеял на нее страх. Дело было даже не в его внешности, а в том, что он слишком глубоко проникал в психологию преступника и получал очевидное удовольствие, блуждая в этом сатанинском измерении. Он наслаждался процессом. Ей казалось, что она улавливает в его голосе подсознательное возбуждение.

Она обвела взглядом присутствовавших на совещании детективов и задалась вопросом, не испытывают ли и они подобные ощущения, но увидела перед собой лишь их усталые лица, тронутые тенью пятичасовой щетины.

На самом деле они все устали. Сегодня ей удалось поспать всего часа четыре, не больше. Утром она проснулась еще затемно, и голова сразу включилась на четвертую передачу, чтобы поспеть за калейдоскопом образов и голосов. Она была настолько поглощена делом Елены Ортис, что даже во сне вела с убитой разговоры, хотя и бессмысленные. Жаль, но никаких откровений или сигналов с того света она не получила, как не было и озарений. И все же Риццоли считала свои сны знаковыми. Они лишний раз подтверждали, как много значило для нее это дело. Руководство расследованием серии убийств, к которому приковано всеобщее внимание, было равнозначно хождению по проволоке без

страховки. Поймай она преступника — и раздастся гром аплодисментов. Оступишься она — и весь мир с удовольствием понаблюдает за ее падением.

Дело было и в самом деле громким. Пару дней назад на первой странице местного таблоида появился заголовок: «Хирург опять режет». Стараниями «Бостон геральд» их убийца получил персональное прозвище, и теперь даже полицейские не называли его иначе, как Хирург.

Видит Бог, она была готова совершить этот опасный трюк, испытать судьбу и тогда либо вознестись, либо рухнуть. Неделю тому назад, впервые появившись в квартире Елены Ортис в качестве ведущего детектива, она сразу поняла, что на этом деле можно сделать карьеру, и ей не терпелось показать себя.

Как быстро все изменилось!

Уже через день ее дело стало составной частью масштабного расследования, возглавляемого начальником отдела лейтенантом Маркеттом. Дело Елены Ортис объединили с делом Дианы Стерлинг, и команда разрослась до пяти детективов, не считая самого Маркетта. Теперь в нее входили: Риццоли и ее напарник Барри Фрост, Мур со своим неуклюжим напарником Джерри Слипером, и пятым был детектив Даррен Кроу. Риццоли была единственной женщиной в команде; на самом деле, единственной женщиной она была и во всем подразделении, и не всем мужчинам это было по душе. Да, она прекрасно ладила с Барри Фростом, хотя временами ее и раздражал его чрезмерный оптимизм. Джерри Слипер был слишком флегматичным, чтобы доставать кого-то или самому реагировать на чьи-либо выпады. А что касается Мура — стоило признать, что, несмотря на первоначальную настороженность, она проникалась к нему все большей симпатией и искренне уважала его спокойную и методичную манеру работы. Главное, что и он, похоже, уважал ее. Когда она говорила, то знала, что Мур внимательно ее слушает.

А вот с пятым детективом, Дарреном Кроу, возникали проблемы. Причем, серьезные. Сейчас он сидел как раз напротив, и на его загорелом лице, как всегда, блуждала издевательская ухмылка. Джейн выросла среди таких вот мальчишек. С накачанными мышцами, многочисленными подружками и чрезмерным самомнением.

Они с Кроу презирали друг друга.

На стол выложили стопку документов. Риццоли взяла свой экземпляр и обнаружила, что это психологический портрет преступника, который только что составил доктор Цукер.

— Я знаю, кому-то из вас мои выводы покажутся надуманными, — сказал Цукер. — Позвольте объяснить логику моих рассуждений. Нам

известно следующее об этом субъекте. Он проникает в дом жертвы через открытое окно. Прodelывает это ночью, примерно между полуночью и двумя часами. Он застаёт сонную жертву врасплох. Сразу же усыпляет ее хлороформом. Раздевает. Привязывает к кровати, используя клейкую ленту, которой заматывает щиколотки и запястья. Для надёжности укрепляет ленту на бедрах и талии. Наконец, он заклеивает жертве рот. Полный контроль — вот чего он добивается. Когда жертва вскоре просыпается, она не может ни двинуться, ни закричать. Она как будто парализована, и в то же время она не спит и осознаёт все, что происходит с ней дальше.

— А дальше происходит то, что и в самом страшном сне трудно представить. — Голос Цукера стал совсем уж монотонным. Когда очередь дошла до самых жутких деталей, он опустил до шепота, и все подались вперед, стараясь не пропустить ни слова.

— Убийца начинает резать, — говорил Цукер. — Как следует из протокола вскрытия, он не торопится, делает все методично. Он очень щепетилен. Слой за слоем он надрезает нижнюю часть живота. Сначала кожу, затем подкожный слой, фасцию, мышцы. Чтобы предотвратить кровотечение, он накладывает швы. Он ищет и удаляет только нужный ему орган. Ничего лишнего. А нужна ему матка.

Цукер оглядел своих слушателей, наблюдая за их реакцией. Взгляд его остановился на Риццоли, единственной из присутствующих, кто обладал органом, о котором шла речь. Она дерзко уставилась на него, возмущенная тем, что он выделил ее именно по половому признаку.

— Какой из этого можно сделать вывод, детектив Риццоли?

— Он ненавидит женщин, — ответила она. — Он вырезает именно то, что делает женщину женщиной.

Цукер кивнул, и его улыбка вызвала у нее содрогание.

— То же самое Джек-Потрошитель проделал с Энни Чепман. Забирая матку, он уничтожает в своей жертве женщину. Он забирает у нее власть, которой она наделена от природы. Его не интересуют ни ее драгоценности, ни деньги. Он хочет только одного, и, как только приз оказывается у него в руках, он переходит к финальной части. Но сначала он берет паузу, которая предшествует полному удовлетворению. Вскрытие обеих женщин показало, что он останавливается в этой точке. Возможно, проходит около часа, пока женщина продолжает медленно истекать кровью, которая скапливается в ране. Что он делает в это время?

— Получает удовольствие, — тихо произнес Мур.

— Ты имеешь в виду, мастурбирует? — спросил Даррен Кроу с привычной для него грубостью.

— Ни на одном месте преступления не обнаружено эякулята, — заметила Риццоли.

Кроу смерил ее взглядом, в котором явственно читалось: «Ну не умница ли?»

— Отсутствие э-я-ку-лята, — произнес он, саркастически выделяя каждый слог, — не исключает возможность мастурбации.

— Я не думаю, что он на самом деле мастурбировал, — сказал Цукер. — Именно этот субъект ни на минуту не утратит контроль над ситуацией, находясь в незнакомой обстановке. Думаю, он подождет, пока окажется в безопасном месте, где ему никто не помешает в полной мере получить сексуальное удовлетворение. Все на месте преступления подтверждает, что главное для него — контроль. Смертельный удар он наносит уверенно и властно. Он перерезает горло жертвы одним махом. А после этого проводит финальный ритуал.

Цукер полез в свой портфель и достал две фотографии с места преступления, которые выложил на стол. На одной была заснята спальня Дианы Стерлинг, на другой — Елены Ортис.

— Он аккуратно складывает их ночные сорочки, которые оставляет возле трупа. Мы знаем, что проделывал он это уже после расчленения, поскольку пятна крови обнаружены на внутренних складках.

— Зачем он это делает? — спросил Фрост. — В чем здесь символика?

— Еще одно проявление контроля, — сказала Риццоли.

Цукер кивнул.

— Конечно. Этим ритуалом он демонстрирует, что полностью владеет ситуацией. Но можно сказать, что он и сам подвластен ритуалу, Это порыв, противостоять которому он не в силах.

— А если бы ему что-то помешало исполнить его? — спросил Фрост. — Предположим, его вспугнули?

— Это вызвало бы в нем злость и раздражение. Возможно, он был бы вынужден немедленно броситься на поиски новой жертвы. Но до сих пор ему всегда удавалось завершить задуманное. И каждое убийство приносило ему удовлетворение на длительный период. — Цукер оглядел собравшихся. — Должен вам сказать, что мы имеем дело с самым сложным типом преступника. Между его вылазками интервал в один год — это исключительная редкость. Он в течение многих месяцев выслеживает новую добычу. Мы можем сбиться с ног, разыскивая его, в то время как он будет отсиживаться где-то и, не торопясь, готовиться к следующему убийству. Он очень осторожен. Организован. Он практически не оставляет после себя следов. — Цукер посмотрел на Мура, ожидая подтверждения

правильности своих выводов.

— Ни на одном месте преступления не обнаружено ни отпечатков пальцев, ни ДНК, — подтвердил Мур. — Все, что мы имеем, — это единственный волос, застрявший в ране Ортис. И несколько темных волокон полиэстера, оставшихся на оконной раме.

— Я так понимаю, что нет и свидетелей, — уточнил доктор Цукер.

— По делу Стерлинг мы опросили около тысячи трехсот человек. По делу Ортис на сегодняшний день опрошено сто восемьдесят человек. Никто не видел преступника. Никто не заметил ничего подозрительного.

— Зато у нас есть уже три признания, — встрял Кроу. — Самозванные убийцы пришли к нам с улицы. Мы сняли с них показания и отпустили с Богом. — Он рассмеялся. — Психи.

— Этот убийца далеко не псих, — заметил Цукер. — Не удивлюсь, если он производит впечатление вполне нормального человека. Мне представляется, что это белый мужчина лет под тридцать или чуть больше тридцати. Аккуратный, ухоженный, с интеллектом выше среднего. Почти наверняка имеет высшее образование — возможно, окончил колледж или даже университет. Два места преступления находятся в миле друг от друга, и убийства были совершены в такое время суток, когда общественный транспорт уже прекращает работу. Выходит, он передвигается на автомобиле. Машина у него чистая и в хорошем состоянии. Скорее всего, у него никогда не было проблем с душевным здоровьем, но не исключено, что в юности он имел опыт разбойного нападения или склонность к созерцанию эротических сцен. Если у него есть работа, то наверняка такая, которая требует и ума, и аккуратности. Мы знаем, что он тщательно планирует преступления, и это подтверждается тем фактом, что он всегда имеет при себе набор инструментов — скальпель, шовный материал, клейкую ленту, хлороформ. Плюс контейнер, в котором уносит домой свой сувенир. Впрочем, им может быть обычный целлофановый пакет на молнии. Он работает в такой сфере, которая требует внимания к деталям. И поскольку очевидно, что он обладает познаниями в области анатомии и хирургическими навыками, можно с большой долей вероятности предположить, что мы имеем дело с профессиональным медиком.

Риццоли и Мур переглянулись, оба подумав об одном и том же. В Бостоне на душу населения врачей приходилось больше, чем где бы то ни было.

— Поскольку он умен, — продолжал Цукер, — то знает, что мы наблюдаем за местом преступления. И он будет изо всех сил сопротивляться искушению вернуться. Но искушение, несомненно, есть,

так что стоит понаблюдать за домом Ортис, по крайней мере, еще какое-то время. Он также достаточно умен, чтобы не выбирать жертву из числа тех, кто живет по соседству. Он, скорее, «гастролер», а не «мародер». Охотится он за пределами своей округи. Но, пока данных у нас маловато, я не могу составить географический профиль, указав те районы города, на которых вам следует сосредоточить свое внимание.

— И сколько данных вам еще нужно? — спросила Риццоли.

— Минимум пять.

— Вы хотите сказать, что вам нужно еще пять трупов?

— Программа составления географического профиля, которой я пользуюсь, требует, как минимум, пяти эпизодов. Я пробовал работать, ограничиваясь четырьмя, и иногда удавалось предсказать место жительства преступника, но в этом случае существует вероятность просчета. Нам необходимо знать как можно больше о его перемещениях. О местах, в которых он совершает убийства, куда стремится. Каждый убийца действует в пределах какой-то своей комфортной зоны. Они охотятся, как плотоядные животные. У каждого своя территория, свои норы, где они прячут добычу. — Цукер обвел взглядом невозмутимые лица детективов. — Пока мы слишком мало знаем об этом преступнике, чтобы делать какие-то прогнозы. Так что стоит сосредоточиться на жертвах. Кто они были, почему он выбрал именно их.

Цукер опять полез в свой портфель и достал две папки; на одной было выведено «Стерлинг», на другой — «Ортис». Он вывалил на стол с десяток фотографий. Это были снимки обеих женщин, сделанные при жизни, мелькали среди них и детские фотографии.

— Вы, возможно, не видели этих фотографий. Я попросил их у родственников покойных, просто чтобы мы могли понять историю жизни этих женщин. Вглядитесь в их лица. Попробуйте угадать, какими они были людьми. Почему убийца выбрал именно их? Где он их увидел? Что в них было такого, что привлекло его внимание? Смех? Улыбка? А может, походка?

Он принялся зачитывать текст, отпечатанный на листе бумаги:

— Диана Стерлинг, тридцать лет. Блондинка, глаза голубые. Рост сто пятьдесят семь сантиметров, вес пятьдесят семь килограммов. Род занятий: турагент. Место работы: Ньюбери-стрит. Место жительства: Малборо-стрит, Бэк-Бэй. Выпускница Смит-колледжа. Родители оба адвокаты, живут в собственном доме стоимостью в два миллиона долларов в Коннектикуте. Бойфренды: на момент смерти нет.

Он отложил лист и взял со стола другой:

— Елена Ортис, двадцать два года. Испанка. Брюнетка, глаза карие. Рост сто пятьдесят два сантиметра, вес сорок семь килограммов. Род занятий: продавщица в семейном цветочном магазине в Саут-Энд. Место жительства: квартира в Саут-Энд. Образование: средняя школа. Всю свою жизнь прожила в Бостоне. Бойфренды: на момент смерти нет.

Он поднял взгляд.

— Две женщины, которые жили в одном городе, но вращались в совершенно разных мирах. Покупки они делали в разных магазинах, ели в разных ресторанах, общих друзей у них не было. Как их находит наш убийца? Где он их находит? Они не только отличаются друг от друга, но не похожи и на типичных жертв сексуального насилия. Большинство преступников нападают на самых незащищенных членов общества — проституток или любительниц передвигаться автостопом. Как любой хищник, они атакуют животное, которое находится на краю стада. Так почему же он выбрал именно этих двух? — Цукер покачал головой. — Я не знаю.

Риццоли посмотрела на разложенные снимки, и взгляд ее остановился на фотографии Дианы Стерлинг. Лучезарно улыбающаяся девушка, свежееиспеченная выпускница престижного Смит-колледжа, в берете и плаще. «Золотая» девушка. «Каково это — быть „золотой“?» — подумала Риццоли. Ей трудно было представить. Младшая сестра двух красивых и крепких братьев, Джейн росла под обстрелом их колкостей и насмешек и отчаянно боролась за право состоять в их компании. Разумеется, Диана Стерлинг, с ее аристократическими скулами и лебединой шеей, понятия не имела, что значит быть вышвырнутой из братства дворовой шпаны. Она не знала, каково это, когда тебя презирают.

Внимание Риццоли привлекла золотая цепочка с кулоном на шее Дианы. Она взяла фотографию и присмотрелась внимательнее. Чувствуя, как забилося сердце, она огляделась по сторонам, пытаясь угадать, заметил ли кто-то еще то, что заметила она. Но никто из коллег не смотрел ни на нее, ни на фотографии; все взгляды были сосредоточены на докторе Цукере.

А он между тем развернул карту Бостона. Сквозь паутину городских улиц проступали две заштрихованные зоны: одна включала в себя район Бэк-Бэй, другая — Саут-Энд.

— Это известные нам по двум жертвам места, в которых орудовал убийца. Кварталы, в которых проживали и работали жертвы. Повседневная жизнь каждого из нас протекает в знакомых нам окрестностях. У психологов даже есть на этот счет поговорка: «Куда мы ходим,

определяется тем, что мы знаем; и то, что мы знаем, определяется тем, куда мы ходим». Это одинаково верно и для жертв, и для преступников. На этой карте хорошо видно, в каких разных мирах жили эти две женщины. Они даже не соприкасаются. Нет ни одной точки, в которой их жизни могли бы пересечься. Вот это меня больше всего и озадачивает. В этом ключ к расследованию. Что объединяет Стерлинг и Ортис?

Взгляд Риццоли вновь упал на фотографию. На золотой кулон, свисавший с шеи Дианы.

«Я могу и ошибаться. Я ничего не могу сказать, пока не буду уверена, иначе опять дам повод Даррену Кроу высмеять меня».

— А вам известно, что в этом деле есть и другой поворот? — произнес Мур. — Доктор Кэтрин Корделл.

Цукер кивнул.

— Оставшаяся в живых жертва из Саванны.

— Некоторые подробности, касающиеся почерка Эндрю Капры, не были преданы огласке и остались тайной следствия. Например, использование кетгута в качестве шовного материала. Сложенные ночные сорочки жертв. Тем не менее наш неизвестный в точности воспроизводит именно эти детали.

— Убийцы на самом деле прекрасно общаются друг с другом. Это своего рода братство.

— Капры нет на свете вот уже два года. Он не может ни с кем общаться.

— Но пока был жив, он мог поделиться своими навыками с нашим неизвестным. Я надеюсь, именно этим все объясняется. Потому что альтернатива гораздо страшнее.

— Что наш убийца имел доступ к секретным материалам полиции Саванны? — уточнил Мур.

Цукер кивнул.

— Что означало бы его принадлежность к правоохранительным структурам.

В комнате воцарилось молчание. Риццоли не смогла удержаться и обвела взглядом своих коллег: все они были мужчины. Она задумалась над тем, какого мужчину может привлечь работа в полиции. Мужчину, который любит силу и власть, оружие и большие полномочия, дающие право контролировать других.

«Именно то, о чем мечтает наш неизвестный».

Когда был объявлен перерыв, Риццоли дождалась, пока ее коллеги покинут зал заседаний, и подошла к Цукеру.

— Можно я на некоторое время возьму эту фотографию? — спросила она.

— А я могу спросить, чем вызван такой интерес к ней?

— Да есть одна идеяка.

Цукер растянул губы в зловещей улыбке в духе Джона Малковича.

— Поделитесь со мной?

— Я не делюсь своими идеями.

— Плохая примета? — еще шире улыбнулся Цукер.

— Просто защищаю свою территорию.

— Но вы же работаете в команде.

— Забавная штука — эта командная работа, — усмехнулась Джейн. — Идеи мои, а лавры достаются кому-то другому. — С фотографией в руке она вышла из комнаты и тотчас пожалела о последней реплике. Но ее уже давно достали коллеги-мужчины, их язвительные шуточки и колкости, дополнявшие общую картину неприязненного к ней отношения. Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал опрос соседки Елены Ортис, который они проводили вместе с Дарреном Кроу. Кроу постоянно перебивал Риццоли, чтобы задать свои вопросы. Когда она попросила его удалиться и впредь следить за своим поведением, он выпалил классическое мужское оскорбление:

— Я так понимаю, что попал на критические дни.

Нет уж, она собиралась держать свои идеи при себе. Если ее подозрения не подтвердятся, тогда никто во всяком случае не поднимет ее на смех. А если окажется, что она попала в точку, тогда уж она утрет всем нос.

Джейн вернулась на свое рабочее место, чтобы еще раз рассмотреть выпускное фото Дианы Стерлинг. Потянувшись за лупой, она вдруг обратила внимание на бутылку минеральной воды, которую всегда держала на столе, и все в ней закипело, когда она увидела, что туда запихнули.

«Не реагируй, — приказала она себе. — И виду не показывай, будто тебя это задело».

Стараясь не смотреть на бутылку с водой и отвратительный предмет, болтавшийся внутри, она направила лупу на шею Дианы Стерлинг. В комнате воцарилась неестественная тишина. Она чувствовала на себе

взгляд Даррена Кроу, который так и ждал, когда же она взорвется.

«Не дождешься, мерзавец. На этот раз у тебя не пройдет».

Она сосредоточилась на ожерелье Дианы. Эта деталь поначалу ускользнула от ее внимания, что было неудивительно — настолько притягательным было лицо девушки, ее красивые высокие скулы, изящно изогнутые брови. Теперь она присмотрелась к двум кулонам, подвешенным на тонкой цепочке. Один кулон был в форме замочка, а второй был крохотным ключиком. «Ключ к сердцу», — мелькнуло у нее в голове.

Риццоли порылась в папках и отыскала фотографии с места убийства Елены Ортис. Вооружившись лупой, она стала рассматривать тело жертвы. Под слоем засохшей на шее крови ей удалось различить тонкую змейку золотой цепочки; кулоны не просматривались.

Она потянулась к телефону и набрала номер судмедэксперта.

— Доктора Тирни не будет до конца дня, — ответила его секретарь. — Могу я вам чем-то помочь?

— Я по поводу вскрытия, которое он делал в прошлую пятницу. Елена Ортис.

— Да?

— На убитой было ювелирное украшение, когда ее доставили в морг. Оно до сих пор у вас?

— Сейчас проверю.

Риццоли ждала, постукивая карандашом по столу. Бутылка с водой стояла прямо перед ней, но она упорно ее не замечала. Злость уступила место возбуждению. Азарту охотника, идущего по следу.

— Детектив Риццоли? — снова раздался голос секретаря.

— Я слушаю.

— Личные вещи забрали родственники. Пару золотых сережек, ожерелье, кольцо.

— Кто расписался в получении?

— Анна Гарсия, сестра жертвы.

— Спасибо. — Риццоли положила трубку и взглянула на часы. Анна Гарсия жила в Денвере, и ехать к ней предстояло в самый час «пик»...

— Вы не знаете, где Фрост? — спросил Мур.

Риццоли подняла глаза и очень удивилась, увидев, что он стоит возле ее стола.

— Нет. Не знаю.

— Куда он мог запропаститься?

— Я не держу его на поводке, — пожав плечами, ответила она.

Последовала пауза.

Потом Мур спросил:

— Что это?

— Фотографии с места убийства Ортис.

— Нет. Что это за штука в бутылке?

Она опять подняла голову и увидела, что он хмурится.

— Вы что, не узнаете? Это же тампон. Кое-кто здесь отличается слишком тонким чувством юмора. — При этом она красноречиво посмотрела в сторону Даррена Кроу, который предпочел отвернуться, чтобы не прыснуть от смеха.

— Я разберусь с этим, — сказал Мур и взял со стола бутылку.

— Эй! — воскликнула она. — Да черт с ней, Мур. Забудьте!

Между тем детектив уже зашел в кабинет лейтенанта Маркетта.

Сквозь стеклянную перегородку она увидела, как он поставил бутылку на стол начальника отдела. Тот обернулся и посмотрел в сторону Риццоли.

«Ну вот, опять. Теперь они будут говорить, что эта стерва не понимает шуток».

Джейн схватила свою сумку, собрала фотографии и вышла из офиса.

Она была уже возле лифтов, когда ее окликнул Мур:

— Риццоли!

— Я сама могу за себя постоять! — огрызнулась она.

— Да, но вы просто сидели за столом, а эта... штука была перед вами.

— Тампон. Неужели так трудно произнести это слово вслух?

— Почему вы на меня злитесь? — Мур недоуменно развел руками. — Я ведь пытаюсь защитить вас.

— Послушайте, Святой Томас, знаете, как это бывает с женщинами? Я пожалуюсь, я же и получу по мозгам. И в моем личном деле появится запись: «Не умеет работать в мужском коллективе». На моей репутации будет поставлено клеймо: Риццоли нюня, Риццоли размазня.

— Напротив, они почувствуют себя победителями, если вы не станете жаловаться.

— Я уже пробовала разную тактику. Бесполезно. Так что впредь не надо делать мне никаких одолжений, договорились? — Она набросила сумку на плечо и вошла в лифт.

Лишь только двери лифта закрылись, ей захотелось взять свои слова обратно. Мур не заслуживал такой отповеди. Он всегда был вежлив, настоящий джентльмен, а она в запальчивости бросила ему в лицо прозвище, которым его дразнили за глаза в отделе, — Святой Томас. Полицейский, который никогда не шел по трупам, не ругался, не терял самообладания.

И были еще печальные обстоятельства его личной жизни. Два года назад у его жены Мэри случилось кровоизлияние в мозг. Полгода она пролежала в коме, но Мур до последнего дня не терял надежды на выздоровление. Прошло полтора года после смерти Мэри, а он, казалось, так и не смирился с утратой. По-прежнему носил обручальное кольцо, держал на столе ее фотографию. Риццоли часто наблюдала, как рушились семьи у полицейских, видела, как быстро обновлялась галерея женских образов на столах многих ее коллег-мужчин. На столе Мура оставалась Мэри с застывшей навеки улыбкой.

Святой Томас? Риццоли скептически покачала головой. Если на земле и были настоящие святые, то уж точно не из числа полицейских.

* * *

Один хотел, чтобы он жил, другая хотела его смерти, и оба наперебой клялись ему в своей любви, соревнуясь в том, кто любит сильнее. Сын и дочь Германа Гвадовски сидели друг против друга по разные стороны отцовской кровати, и никто не хотел уступать.

— Не ты один заботился об отце, — говорила Мэрилин. — Я готовила ему еду. Убирала его дом. Я возила его к врачу каждый месяц. Ты вообще-то хоть иногда навещал его? У тебя всегда находилось множество других важных дел.

— Я живу в Лос-Анджелесе, черт побери, — огрызнулся Иван. — У меня бизнес.

— Но хотя бы раз в год можно было прилететь. Неужели это было так сложно?

— Ну вот я и прилетел.

— О да. Господин Большая Шишка прилетает, чтобы спасти положение. Раньше тебя нельзя было отвлекать подобными мелочами. Но теперь ты хочешь быть первым.

— До сих пор не верю, что ты вот так запросто готова отпустить его.

— Я не хочу, чтобы он страдал.

— А может, ты хочешь, чтобы он перестал сосать деньги со своего банковского счета?

Лицо Мэрилин окаменело.

— Ты просто ублюдок.

Кэтрин больше не могла слушать это и предпочла вмешаться:

— Здесь не место для таких разговоров. Пожалуйста, не могли бы вы

оба выйти из палаты?

Какое-то мгновение брат и сестра с молчаливой враждебностью смотрели друг на друга, выжидая, кто выйдет первым, словно это и должно было определить проигравшего. Наконец Иван поднялся, и его устрашающего вида фигура в строгом костюме прошествовала к выходу. Его сестра Мэрилин, с виду напоминавшая усталую домохозяйку, коей она, собственно, и была, легонько сжала руку отца и последовала за братом.

В коридоре Кэтрин изложила родственникам печальные факты:

— Ваш отец находится в коме с первого же дня после несчастного случая. На сегодня у него отказывают почки. Они уже были поражены давним диабетом, а травма усугубила ситуацию.

— А насколько ухудшило его состояние хирургическое вмешательство? — спросил Иван. — Какую анестезию вы ему делали?

Кэтрин с трудом поборолa вспыхнувшее возмущение и ровным голосом произнесла:

— Он был без сознания, когда поступил к нам. Анестезия здесь ни при чем. Но повреждение тканей дает дополнительную нагрузку на почки, и у вашего отца они отказали. Помимо этого, у него был рак простаты, который уже затронул и кости. Даже если он очнется, эти проблемы останутся.

— Вы хотите, чтобы мы отказались от продолжения лечения, не так ли? — спросил Иван.

— Я просто хочу, чтобы вы еще раз подумали и решили, что, если его сердце остановится, нам не нужно его реанимировать. Мы можем дать ему возможность тихо и спокойно уйти.

— Другими словами, дать ему умереть.

— Да.

Иван фыркнул.

— Позвольте мне кое-что сказать вам о моем отце. Он не из тех, кто сдается. И я сам такой же.

— Ради всего святого, Иван, сейчас речь идет не о том, чтобы победить или проиграть! — вмешалась Мэрилин. — Вопрос в том, когда отпустить его.

— А ты так торопишься с этим? — обрушился Иван на сестру. — При первых же признаках трудностей малышка Мэрилин всегда сдавалась, рассчитывая на то, что папочка выручит. Меня-то он никогда не выручал.

В глазах Мэрилин заблестели слезы.

— Ты ведь сейчас думаешь вовсе не об отце. А о том, чтобы остаться победителем.

— Нет, я просто хочу, чтобы ему дали шанс побороться за жизнь. —

Иван посмотрел на Кэтрин. — Я хочу, чтобы для моего отца было сделано все необходимое. Надеюсь, это понятно.

Глядя вслед брату, Мэрилин утирала с лица слезы.

— Как он может говорить, что любит отца, если ни разу не приехал к нему? — Она посмотрела на Кэтрин. — Послушайте, я не хочу, чтобы моего отца реанимировали. Вы можете записать это в его карту?

Это была своего рода этическая дилемма, перед которой пасовал каждый врач. Хотя Кэтрин была солидарна с Мэрилин, последние слова брата содержали недвусмысленную угрозу.

— Я не могу изменить предписание, пока вы с братом не договоритесь по этому вопросу, — сказала она.

— Он никогда не согласится. Вы сами слышали.

— Тогда вам придется еще раз поговорить с ним, — как можно мягче проговорила Кэтрин. — Убедить его.

— Вы боитесь, что он подаст на вас в суд, да? Поэтому не хотите изменить предписание.

— Я вижу, что он настроен очень воинственно...

Мэрилин печально кивнула.

— Так он и побеждает. Причем всегда.

«Я могу заштопать, залатать тело, — подумала Кэтрин. — Но не могу склеить эту разбитую семью».

Когда полчаса спустя она выходила из клиники, ей все еще вспоминалась эта встреча, исполненная боли и враждебности. Был вечер пятницы, и впереди ее ждал свободный уик-энд, но она почему-то не испытывала радости по этому поводу. Сегодня жара была еще сильнее, чем вчера, и она стремилась поскорее окунуться в прохладу своей квартиры, налить себе ледяного чаю и усесться перед телевизором, настроенным на канал «Дискавери».

Она стояла на перекрестке, ожидая зеленого сигнала светофора, когда вдруг взгляд ее выхватил название поперечной улицы. Уорсестер-стрит.

На этой улице жила Елена Ортис. Адрес жертвы упоминался в статье, напечатанной в «Бостон глоб», которую Кэтрин наконец заставила себя прочитать.

Светофор мигнул. Неожиданно для самой себя, она свернула на Уорсестер-стрит. Она никогда раньше не ездила этим маршрутом, но сейчас что-то неумолимо тянуло ее вперед. Ей непременно захотелось увидеть то место, где побывал убийца, дом, в котором ее собственные ночные кошмары стали явью для другой женщины. Ладони увлажнились, а сердце билось все чаще по мере того, как возрастали цифры на табличках с

номерами домов.

У дома Елены Ортис она остановила машину.

В самом здании не было ничего примечательного, ничего, что кричало бы о смерти и ужасе. Кэтрин видела перед собой обычное трехэтажное строение из кирпича.

Она вышла из машины и окинула взглядом окна верхних этажей. В какой из этих квартир проживала Елена? Может, в той, с полосатыми шторами? Или в этой, за ширмой вьющихся растений? Она подошла к подъезду и просмотрела имена жильцов. В доме было шесть квартир; табличка против квартиры 2А пустовала. Имя Елены Ортис уже было стерто, выведено из списка живых. Никто не хотел лишнего напоминания о смерти.

Если верить «Глоб», убийца проник в квартиру через пожарный выход. Вернувшись на боковую улицу, Кэтрин разглядела стальную лестницу, примыкавшую к стене дома со стороны тенистой аллеи. Сделав несколько шагов вперед, она вдруг резко остановилась. По коже поползли мурашки. Она оглянулась назад: по улице проехал грузовик, трусцой пробежала женщина в спортивном костюме. Какая-то пара садилась в свою машину. Ничего подозрительного, и все-таки она не могла унять приступ паники.

Она вернулась к своей машине, закрыла двери и, вцепившись в руль, принялась повторять про себя: «Все в порядке. Все в порядке». Когда из вентилятора подул прохладный воздух, Кэтрин почувствовала, что успокаивается. Наконец, вздохнув, она откинулась на спинку сиденья.

И опять потянулась взглядом к дому Елены Ортис.

Только тогда она заметила машину, припаркованную в тени аллеи. И табличку с номерным знаком на заднем бампере.

POSEY5.

В следующее мгновение она уже рылась в сумочке в поисках визитной карточки детектива. Дрожащими пальцами она набрала номер его телефона.

— Детектив Мур, — ответил он по-деловому.

— Это Кэтрин Корделл, — произнесла она. — Вы приходили ко мне на днях.

— Да, доктор Корделл.

— Скажите, Елена Ортис ездила на зеленой «Хонде»?

— Простите?

— Мне нужно знать номер ее машины.

— Боюсь, я не совсем понимаю...

— Просто скажите мне! — Ее резко прозвучавшая просьба, больше

похожая на ультиматум, удивила его. В трубке повисла долгая пауза.

— Сейчас проверю, — сказал он и, видимо, отложил трубку в сторону. Фоном звучали далекие мужские голоса, звонки телефонов. Вскоре он вернулся на линию.

— Это заказной буквенный номерной знак, — сообщил он. — Думаю, он имеет отношение к семейному цветочному бизнесу.

— ПОУЗИ ПЯТЬ, — прошептала она.

Пауза.

— Да, — подтвердил он наконец, и голос его прозвучал как-то странно. В нем была тревога.

— Тогда, в разговоре, вы спрашивали, знала ли я Елену Ортис.

— И вы сказали, что нет.

Кэтрин судорожно глотнула воздух.

— Я ошиблась.

Глава 6

Она нервно вышагивала по приемному отделению пункта скорой помощи; лицо ее было бледным и напряженным, а медные волосы напоминали нечесаную гриву. Когда в дверях показался детектив Мур, она взглянула на него с нетерпением.

— Я была права? — спросила она.

Он кивнул.

— Действительно, под псевдонимом Поузи Пять она была зарегистрирована в Интернете. Мы проверили ее компьютер. А теперь расскажите мне, как вы это узнали.

Кэтрин оглядела приемный покой, в котором, как всегда, царила суматоха, и предложила:

— Пройдемте в кабинет дежурного врача.

Комната, в которую она его привела, напоминала темную маленькую пещеру: окна здесь не было, а обстановкой служили кровать, стул и рабочий стол. Для измученного после дежурства врача, мечтающего отоспаться, комната казалась просто райским уголком. Но Муру стало неловко от такой тесноты, и он задался вопросом, не смущает ли и ее эта вынужденная близость. Они оба огляделись по сторонам, выискивая, куда бы присесть. В конце концов она устроилась на кровати, а он подвинул себе стул.

— На самом деле я никогда не видела Елену, — начала Кэтрин. — Я даже не знала, что ее так зовут. Мы заходили в один и тот же чат-рум. Вы знаете, что это такое?

— Ну, что-то вроде живого общения через компьютер.

— Да. Группа людей, которые в одно и то же время выходят в режим «онлайн», могут пообщаться. Это приватный сайт, предназначенный только для женщин. Чтобы попасть туда, нужно знать пароли. И на экране монитора вы видите только псевдонимы. Никаких реальных имен и лиц, так что анонимность гарантируется. Это дает определенную свободу, и можно без опаски обмениваться секретами. — Она сделала паузу. — Вы никогда не пользовались подобным сайтом?

— Боюсь, это не по мне — беседовать с невидимками.

— Иногда, — тихо произнесла она, — невидимка — единственный человек, с которым вы можете говорить.

Он услышал глубокую боль в ее словах и не нашелся, что сказать. Она

глубоко вздохнула и устремила взгляд не на него, а на свои руки, сложенные на коленях.

— Мы встречаемся раз в неделю, по средам, в девять вечера. Я захожу на сайт чат-рума, набирая позывные СПТС, а потом: «Женская помощь». И вот я там. Я общаюсь с другими женщинами, отправляя им сообщения через Интернет. Они появляются на экране, где мы все можем их видеть.

— СПТС? — переспросил Мур. — Я так понимаю, что это...

— Синдром посттравматического стресса. Клинический термин, объясняющий душевное состояние таких женщин.

— О какой травме мы говорим?

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Изнасилование.

Слово как будто повисло в воздухе, накаляя его одним своим звучанием. Жестокий смысл его был равнозначен физическому удару.

— Вы заходите туда из-за Эндрю Капры, — мягко произнес он. — Из-за того, что он сделал с вами.

Она смутилась и отвела взгляд. Потом еле слышно прошептала:

— Да. — И опять уставилась на свои руки.

Мур наблюдал за ней, чувствуя, как закипает в нем злость на того, кто посмел надругаться над этой женщиной. Капра оскорбил не только ее тело, но и душу. Ему вдруг стало любопытно, какой она была до того, что с ней произошло. Была ли она мягче, дружелюбнее? Или всегда сторонилась людей, оставаясь холодной, словно цветок, схваченный морозом?

Кэтрин выпрямилась и, собравшись с духом, продолжила:

— Так и состоялось мое заочное знакомство с Еленой Ортис. Я действительно не знала ее настоящего имени. Для меня она была всего лишь Поузи Пять.

— И сколько женщин заходит на этот сайт? — поинтересовался Мур.

— Раз на раз не приходится. Некоторые вдруг исчезают. Появляются новые имена. В любой из вечеров нас может быть от трех до десяти.

— А как вы узнали о существовании этого сайта?

— Из брошюры о жертвах изнасилования. Ее распространяют в городских клиниках и женских консультациях.

— Итак, можно сказать, что все эти женщины из Бостона и его пригородов?

— Да.

— А Поузи Пять, она регулярно посещала сайт?

Кэтрин на какое-то мгновение задумалась.

— Она периодически появлялась в течение последних двух месяцев.

Она мало говорила, но я видела ее имя на экране и знала, что она участвует в разговоре.

— Она рассказывала о том, что с ней случилось?

— Нет. Просто слушала. Мы посылали ей приветствия. Она благодарила. Но о себе ничего не рассказывала. Как будто боялась. Или просто стыдилась откровенничать.

— Выходит, вы не знаете, была ли она когда-то на самом деле изнасилована.

— Я знаю, что была.

— Откуда?

— Потому что Елене Ортис оказывали помощь в этом пункте скорой помощи.

Он удивленно уставился на нее.

— Вы нашли ее историю болезни?

Она кивнула.

— Мне пришло в голову, что после изнасилования ей, возможно, понадобилась медицинская помощь. Эта больница — ближайшая к ее дому. Я проверила по компьютеру. В нем хранятся имена всех пациентов, которых осматривали в этом пункте скорой помощи. Там было и ее имя. — Она встала. — Я покажу вам эту запись.

Мур последовал за ней обратно в приемное отделение. Был вечер пятницы, и в коридоре скопилось немало пациентов с различными травмами. Типичный любитель расслабиться алкоголем прижимал к разбитой физиономии ледяной компресс. Рядом с ним сидел подросток, не успевший проскочить на желтый сигнал светофора. В общем, привычная армия покалеченных горожан. Клиника «Пилгрим» была самым загруженным центром скорой помощи в Бостоне, и Мур, пробираясь сквозь строй медсестер и больных, лавируя среди каталок и свежих луж крови на полу, чувствовал себя так, будто оказался в эпицентре вселенского хаоса.

Кэтрин провела его в регистратуру — помещение размером со шкаф, сплошь уставленное стеллажами.

— Вот здесь временно хранятся листки первичного приема, — сказала Кэтрин. Она сняла с полки регистрационный журнал, помеченный «7 мая — 14 мая». — Каждый раз, когда пациент обращается в пункт скорой помощи, заполняется так называемый листок первичного приема. Обычно это одна страница, содержащая пометки врача и его рекомендации по лечению.

— А медицинская карта не заполняется? — уточнил Мур.

— Если это разовый прием, медицинская карта вообще не заводится.

Единственная запись остается на этом листке. Потом они поступают в наш центр обработки информации, где их сканируют и сохраняют на диске. — Она открыла журнал с записями за период с 7 по 14 мая. — Вот он.

Он встал у нее за спиной и заглянул в папку поверх ее плеча. Запах ее волос мгновенно отвлек его внимание, и ему пришлось одернуть себя, заставив сосредоточиться на деле. Визит был датирован 9 мая, часом ночи. Имя пациента, адрес и банковские реквизиты были отпечатаны сверху; остальная часть бланка была заполнена от руки. Типичные каракули врача, подумал он, отчаянно пытаюсь разобрать слова, но ему удалось прочесть лишь первый абзац, написанный рукой медсестры:

«22-летняя женщина, испанского происхождения, подверглась сексуальному насилию два часа назад. Аллергии нет, лекарств не принимала. Кровяное давление 105/70, пульс 100. Температура 37,2».

Остальной текст был неразборчив.

— Вам придется перевести это для меня, — попросил он.

Кэтрин обернулась к нему, и их лица вдруг оказались так близко, что он уловил ее дыхание.

— Вы не можете прочесть? — спросила она.

— Я могу читать по протекторам шин и пятнам крови. А это — увы.

— Это почерк Кена Кимбалла. Я узнаю его подпись.

— Я даже не могу определить, написано ли это по-английски, — полушутя проговорил Мур.

— Для любого врача это вполне читаемо. Просто нужно знать коды.

— Этому учат в медицинской школе?

— Да, наряду с тайнописью и дешифровкой.

Было странно обмениваться островами по столь мрачному сюжету, и тем более странно слышать их из уст доктора Корделл. Это был первый проблеск женщины, спрятанной в своей скорлупе. Женщины, которой она была до того, как в ее жизнь вторгся Эндрю Капра.

— В первом абзаце запись о физическом осмотре пациентки, — объяснила она. — Врач пользуется медицинской стенографией. ГУГГН означает: голова, уши, глаза, горло, нос. У нее был синяк на левой щеке. В легких чисто, сердечной аритмии не отмечено.

— Что значит?..

— Нормально.

— А разве врач не может просто написать: «Сердце в норме»? — удивленно поднял брови Мур.

— А почему полицейские говорят «транспортное средство», вместо того чтобы просто сказать «автомобиль»?

Он кивнул:

— Принято.

— Живот мягкий, плоский, без органомегалии. Другими словами...

— Нормальный.

— Вы быстро схватываете. Далее он описывает состояние... малого таза, где уже есть отклонения от нормы. — Кэтрин сделала паузу. Когда она вновь заговорила, голос ее звучал заметно тише, и в нем уже не было и тени юмора. Она вздохнула, словно собираясь с силами, чтобы продолжить. — Во влагалище была кровь. Царапины и синяки на внутренней части бедер. Характер разрыва вагины указывает на то, что это был насильственный половой акт. На этом, как пишет доктор Кимбалл, он был вынужден закончить осмотр.

Мур сосредоточился на последнем абзаце. Его он смог прочитать, поскольку запись не была закодирована.

«Пациентка пришла в волнение. Отказалась от составления акта по факту изнасилования и от дальнейшего осмотра. После ультразвука и сдачи анализа на венерические заболевания она оделась и ушла, не дожидаясь вызова представителя властей».

— Выходит, факт изнасилования зафиксирован не был, — сказал он. — Вагинального мазка не делали. Образцы на ДНК не отбирали.

Кэтрин молчала. Она стояла, опустив голову, крепко сжимая в руках скоросшиватель.

— Доктор Корделл! — Он тронул ее за плечо. Кэтрин резко дернулась, словно от ожога, и он тотчас убрал руку. Она подняла взгляд, и Мур увидел ярость в ее глазах. В этот момент от нее исходила такая сила, что позавидовал бы любой мужчина.

— Изнасилована в мае, растерзана в июле, — произнесла она. — Как прекрасен мир для женщины, не так ли?

Какое-то время они стояли молча. Потом Мур произнес:

— Мы беседовали со всеми членами ее семьи. Никто даже не упомянул об изнасиловании.

— Значит, она им не рассказывала.

«И сколько таких женщин, хранящих молчание? — задался он вопросом. — Сколько из них держат свою боль в тайне от тех, кого любят?» Глядя на Кэтрин, он думал о том, что и она была вынуждена искать утешения в компании незнакомых людей.

Она достала из папки листок, чтобы он мог сделать фотокопию. Держа его в руке, он обратил внимание на имя врача, и ему пришла в голову еще одна мысль.

— А что вы можете сказать о докторе Кимбалле? — спросил он. — Ну, о том, кто осматривал Елену Ортис?

— Блестящий врач.

— Он обычно дежурит в ночную смену?

— Да.

— Вы не знаете, он дежурил в ночь на прошлый четверг?

Ей понадобилось какое-то мгновение, чтобы оценить смысл этого вопроса. Когда же ей стала ясна подоплека, она была потрясена.

— Вы ведь не думаете...

— Это рутинный вопрос. Мы изучаем все предыдущие контакты жертвы.

Но вопрос был далеко не рутинным, и она это знала.

— Эндрю Капра был врач, — тихо произнесла Кэтрин. — Неужели вы считаете, что еще один доктор...

— Мы не исключаем такой возможности.

Она отвернулась и судорожно вздохнула.

— В Саванне, когда происходили все эти убийства, я полагала, что не знаю убийцу. Мне казалось, что если я когда-нибудь встречу его, то непременно узнаю. Почувствую. Эндрю Капра дал мне понять, как горько я ошибалась.

— Такова банальная сторона зла.

— Именно это я и усвоила. — Кэтрин горько усмехнулась. — Зло может явиться в самом заурядном обличье. И человек, с которым я каждый день встречаюсь, здороваюсь, оказывается, вынашивает коварные планы за моей спиной. — И добавила, уже совсем тихо: — Фантазирует о самых изощренных способах убийства.

Сгущались сумерки, когда Мур возвращался к своей машине, но дневная жара еще напоминала о себе тяжелыми испарениями, поднимавшимися с асфальта. Ночь не обещала комфортного сна. И опять по всему городу будут распахнуты окна в квартирах женщин навстречу хилым порывам ветерка. И ночным монстрам.

Он остановился и повернул назад, к больнице. Ярko-красный крест над пунктом скорой помощи горел, словно маяк в ночи. Символ надежды и исцеления.

«Может, это и есть твоя территория охоты? То самое место, куда приходят женщины, чтобы залечить свои раны?»

Из темноты, вспыхивая огнями, выплыла карета скорой помощи. Он подумал о том, сколько разных людей проходит за день через приемный покой. Лаборанты, врачи, санитары, уборщицы...

«И полицейские».

Больше всего ему не хотелось рассматривать эту версию, и все-таки ее нельзя было сбрасывать со счетов. Профессия блюстителя порядка могла быть притягательной для того, кому доставляло удовольствие охотиться на людей. Оружие, нагрудный знак были весомыми символами превосходства над другими. И разве это не проявление высшей власти — право истязать и убивать? Для такого охотника весь мир — это огромная долина, кишущая добычей.

Ему остается только выбирать.

Казалось, дети были повсюду. Риццоли стояла в кухне, где пахло кислым молоком и тальком, ожидая, пока Анна Гарсиа закончит вытирать с пола яблочный сок. Начинаящий ходить малыш жался к ноге Анны; второй в это время вытаскивал из кухонного шкафа крышки от кастрюль и хлопал ими друг о друга, изображая игру на тарелках. На высоком стуле сидел карапуз, улыбавшийся сквозь маску из шпинатного пюре. А по полу ползал еще один кроха, выискивая что-нибудь опасное и запретное, что можно засунуть в свой маленький жадный ротик. Риццоли не любила детей, и ей было неуютно в их окружении. Она чувствовала себя, словно Индиана Джонс в змеиной яме.

— Это не все мои, — поспешила объяснить Анна, нагнувшись над раковиной. Малыш по-прежнему волочился за ней, словно якорная цепь. Она отжала грязную губку и сполоснула руки. — Мой только этот. — Она указала на прилипшего к ней мальчугана. — Тот, с крышками, и который на стуле — дети моей сестры Люп. А ползает ребенок моей кузины, я нянчу его. Раз уж я все равно сижу дома со своими, так почему бы не присмотреть?

«Логика сумасшедшей», — подумала Риццоли. Но, что самое интересное, Анна вовсе не выглядела несчастной. Она как будто не замечала повисшей у нее на ноге гири, ее не раздражал грохот крышек. В ситуации, которая для Риццоли обернулась бы нервным срывом, Анна выглядела женщиной, которая точно знает, где ее место, и вполне им довольна. Риццоли подумала о том, что когда-нибудь и Елена Ортис, будь она живой, превратилась бы в такую же наседку. Настоящая мать большого семейства, с удовольствием подтирающая пол на кухне. Анна была очень похожа на свою младшую сестру, отличаясь разве что более пухлой комплекцией. А когда она обернулась и солнечный свет упал ей на лицо, у Риццоли возникло жуткое ощущение, будто она видит перед собой ту женщину, чей труп недавно осматривала в морге.

— С этими маленькими проказниками я совершенно ничего не успеваю, — посетовала Анна. Она подняла болтавшегося на ноге малыша и ловко посадила его на бедро. — Так, давайте посмотрим. Вы ведь пришли насчет цепочки. Сейчас я принесу шкатулку с украшениями. — Она вышла из кухни, и Риццоли запаниковала, оставшись наедине с тремя ребятишками. На ее колено легла липкая ладошка, и, посмотрев вниз, она увидела, что ползающий малыш жуёт отвороты ее брюк. Она легонько отпихнула его и отодвинулась подальше от беззубого рта.

— Вот она, — сказала Анна, вернувшись со шкатулкой, которую поставила на кухонный стол. — Мы не захотели оставлять это в ее квартире, ведь там постоянно толкутся разные уборщицы. Братья решили, что мне следует держать ее у себя, пока семья не решит, что делать с драгоценностями. — Она подняла крышку, и зазвучала нежная мелодия «Где-то моя любовь». Анна, казалось, тут же растворилась в музыке. Она сидела, не двигаясь, и глаза ее медленно наполнялись слезами.

— Госпожа Гарсиа!

Женщина сглотнула слезы.

— Извините. Должно быть, это мой муж поставил. Я не ожидала услышать...

Прозвучали последние сладостные ноты, и музыка смолкла. В тишине Анна уставилась на украшения, скорбно склонив голову. С печальной неохотой она открыла одно из отделений, выстланных бархатом, и извлекла оттуда ожерелье.

Риццоли почувствовала, как забилося сердце, когда она взяла из рук Анны украшение. Цепочка была в точности такой, какой запомнилась ей еще в морге, когда она увидела ее на шее Елены, — крохотный замочек и ключик на тонкой золотой нити. Она перевернула замочек и увидела на обратной стороне клеймо: 18 карат.

— Откуда у вашей сестры это ожерелье?

— Не знаю.

— А вам не известно, давно ли оно у нее появилось?

— Это, должно быть, что-то новое. Я никогда его не видела до того дня...

— Какого дня?

Анна с трудом проглотила слюну. И тихо произнесла:

— Того дня, когда я забрала это из морга. Вместе с другими украшениями.

— На ней также были серьги и кольцо. Их вы видели раньше?

— Да. Она давно их носила.

— Но не цепочку.

— Почему вы все время спрашиваете об этом? Какое это имеет отношение к... — Анна запнулась, и в глазах ее промелькнул ужас. — О Боже! Вы думаете, это он надел на нее цепочку?

Малыш, сидевший на высоком стуле, почувал неладное и возвестил этом воплем. Анна спустила своего сына на пол и поспешила взять на руки плачущего мальчика. Прижав его к груди, она отвернулась от ожерелья, словно пытаясь защитить ребенка от зловещего талисмана.

— Пожалуйста, заберите это, — прошептала она. — Я не хочу оставлять эту вещь в своем доме.

Риццоли положила цепочку в пластиковый пакетик на молнии.

— Я оставлю вам расписку.

— Нет, так забирайте! Я не против, чтобы вы оставили ее у себя.

Риццоли все равно написала расписку и положила ее на кухонный стол возле детской тарелки с остатками шпинатного пюре.

— Мне необходимо задать вам еще один вопрос, — мягко произнесла она.

Анна продолжала ходить по кухне, взволнованно качая ребенка.

— Пожалуйста, просмотрите содержимое шкатулки вашей сестры, — попросила Риццоли. — Скажите мне, если чего-то не хватает.

— Вы уже спрашивали меня об этом на прошлой неделе. Все на месте.

— Дело в том, что не так легко обнаружить отсутствие какой-нибудь вещицы. Как правило, в поле зрения попадают предметы, нам незнакомые. Мне нужно, чтобы вы еще раз осмотрели шкатулку. Пожалуйста.

Анна с трудом подавила вздох. Она неохотно присела к столу, держа ребенка на коленях, и уставилась в шкатулку. Она вытаскивала украшения одно за другим и выкладывала их на стол. Это был скудный ассортимент отдела бижутерии универмага. Горный хрусталь, бисер, искусственный жемчуг. Елена явно тяготела к ярким и безвкусным стекляшкам.

Анна выложила последний предмет — колечко из бирюзы. На какое-то время она задумалась, и по ее лицу пробежала тень.

— Браслет, — произнесла она.

— Что за браслет?

— Здесь должен быть браслет с маленькими амулетами в виде лошадок. Она носила его постоянно, пока училась в университете. Елена была помешана на лошадях... — Анна подняла на нее удивленный взгляд. — Это же дешевая безделушка! Из олова. Зачем она ему понадобилась?

Риццоли посмотрела на пакетик, в котором лежала цепочка — цепочка,

некогда принадлежавшая Диане Стерлинг. В этом она уже не сомневалась.

«Теперь я точно знаю, где мы найдем браслет Елены. На запястье следующей жертвы».

* * *

Риццоли стояла на крыльце дома Мура, с торжествующим видом помахивая пакетиком с ожерельем.

— Оно принадлежало Диане Стерлинг. Я только что разговаривала с ее родителями. Они и не догадывались, что оно пропало, пока я им не позвонила.

Он взял у нее пакетик, но не стал открывать его. Просто держал в руках, уставившись на золотую цепочку, свернувшуюся змейкой в пластиковом футляре.

— Это физическая связь между обоими убийствами, — сказала она. — Он забирает сувенир от одной жертвы и оставляет его следующей.

— Не могу поверить, что мы упустили эту деталь.

— Эй, мы не упустили ее.

— ВЫ не упустили ее. — Он удостоил ее таким взглядом, что Джейн почувствовала себя выше ростом футов на десять. Мур был не из тех, кто мог хлопнуть по плечу или разразиться шумной хвалебной речью. Она вообще не слышала, чтобы он повышал голос, даже когда сердился или волновался. Но вот такой взгляд, когда он одобрительно повел бровью, а губы дрогнули в полуулыбке, был для нее дороже всяких похвал.

Зардевшись от удовольствия, она потянулась к пакету с едой, которую прихватила по дороге.

— Хотите поужинать? Я заехала в китайский ресторанчик, тут неподалеку, купила нам ужин.

— Совсем не обязательно было это делать.

— Но я все-таки сделала. Мне кажется, я должна перед вами извиниться.

— За что?

— За сегодняшнее. Эта глупость с тампоном. Вы вступились за меня как настоящий мужчина. А я все неправильно истолковала.

Повисла неловкая пауза. Они стояли на крыльце, не зная, что сказать, — два человека, еще только притирающиеся друг к другу и пытающиеся преодолеть первые трудности общения.

Потом он улыбнулся, и его обычно мрачное лицо стало заметно

моложе.

— Я умираю с голоду, — сказал он. — Несите сюда эту еду.

Рассмеявшись, она зашла в дом. Риццоли была здесь впервые и с интересом разглядывала обстановку, обращая внимание на характерные признаки женского присутствия. Ситцевые занавески, акварели с цветами на стенах. Она не ожидала увидеть такое. Черт возьми, в его доме было куда больше женского, чем в ее квартире.

— Пойдемте на кухню, — предложил он. — Мои бумаги там.

Он провел ее через гостиную, и она увидела маленькое пианино.

— Ба! Вы играете? — спросила она.

— Нет, это Мэри. Мне медведь на ухо наступил.

«Это Мэри». В настоящем времени. Джейн вдруг поняла, почему в доме так по-женски уютно: в нем все еще существует Мэри в настоящем времени, и дом просто ждет, когда вернется хозяйка. Фотография жены Мура стояла на пианино, и с нее смотрела загорелая женщина со смеющимися глазами и растрепанными на ветру волосами. Мэри, чьи ситцевые занавески все еще висели на окнах дома, в который она никогда не вернется.

На кухне Риццоли выставила сумку с едой на стол, заваленный бумагами. Мур принялся разгребать папки и нашел ту, которую искал.

— Здесь запись об осмотре Елены Ортис в пункте скорой помощи, — сказал он, вручая ей папку.

— Корделл нарыла?

Он иронично улыбнулся.

— Похоже, меня окружают женщины, куда более компетентные, нежели я сам.

Она раскрыла папку и увидела фотокопию бланка, исписанного каракулями доктора.

— У вас есть перевод этой абракадабры?

— Здесь фактически изложено то, о чем я вам уже рассказал по телефону. Незарегистрированное изнасилование. Не собраны образцы, нет проб ДНК. Даже семья Елены была не в курсе.

Риццоли закрыла папку и положила ее на прежнее место.

— Позор, Мур. Эта свалка выглядит так же, как и мой обеденный стол. Даже места нет, где можно поесть.

— У вас тоже вся жизнь в этом? — спросил он, расчищая стол.

— А из чего вообще-то состоит жизнь? Сон. Еда. Работа. Впрочем, иногда, если повезет, мне удастся еще часок перед сном провести в компании любимого Дейва Леттермана.

— А как насчет бойфрендов?

— Бойфренды? — Она фыркнула и принялась выкладывать картонные упаковки с едой, салфетки и палочки. — Ах, да! Кажется, мне удалось всех их разогнать. — Только произнеся это, она осознала, что ляпнула лишнее. И поспешила добавить: — Я не жалею. Если мне нужно работать в выходные, то, по крайней мере, никто не скулит по этому поводу. Я не выношу нытиков.

— Ничего удивительного, ведь вы полная их противоположность. Что предельно ясно дали мне понять сегодня.

— Да ладно. Я, кажется, извинилась за это.

Он достал из холодильника два пива и сел за стол напротив нее. Она никогда не видела его таким — в рубашке с закатанными рукавами, расслабленным. Таким он ей нравился. Не строгий Святой Томас, а простой парень, с которым можно поболтать по душам, посмеяться. Парень, который, если бы только захотел пустить в ход свое обаяние, мог свести с ума любую женщину.

— Знаете, не нужно все время казаться жестче, чем вы есть на самом деле, — неожиданно сказал Мур.

— Нет, нужно.

— Почему?

— Потому что они считают меня слабой.

— Кто они?

— Типы вроде Кроу. Лейтенант Маркетт.

Он пожал плечами.

— Всегда найдутся такие.

— Почему получается так, что я постоянно плетусь в хвосте, работая с ними? — Она открыла свою банку с пивом и сделала глоток. — Именно поэтому я вам первому рассказала про ожерелье. Вы не из тех, кто норовит присвоить себе чужую славу.

— Мне становится грустно, когда начинают спорить о том, кто был первым.

Джейн взяла палочки и принялась за цыпленка «кунг пао». Щедро сдобренный специями соус обжигал рот — именно такие блюда она любила. Она не поморщилась, даже когда очередь дошла до острого перца.

— Еще в управлении по борьбе с наркотиками я вела по-настоящему громкое дело и была единственной женщиной в команде, остальные пятеро были мужчины. Когда мы раскрыли дело, состоялась большая пресс-конференция. Телекамеры, и все прочее. И знаете что? Перечислили имена всех, кто работал, а меня не назвали. Никого не забыли, кроме меня. — Она

отхлебнула еще немного пива. — Я сделаю все, чтобы подобное больше не повторилось. Вам, мужчинам, легче — вы можете полностью сосредоточиться на расследовании, сборе доказательств. А мне приходится тратить массу сил на то, чтобы заставить вас услышать мой голос.

— Я прекрасно вас слышу, Риццоли.

— Вы приятное исключение из правила.

— А как же Фрост? Разве у вас с ним проблемы?

— Фрост просто овца. — Риццоли поморщилась от невольно вырвавшейся колкости. — Жена здорово его вымуштровала.

Оба рассмеялись. Достаточно было хоть раз послушать жалкий лепет Барри Фроста: «Да, дорогая; нет, дорогая», — когда он беседовал по телефону с женой, чтобы уже не сомневаться в том, кто в доме Фростов хозяин.

— Поэтому он никогда не сделает карьеры, — сказала она. — Нет в нем огонька. Слишком хороший семьянин.

— Разве хороший семьянин — это плохо? Я, например, жалею, что мне не удалось стать таким.

Джейн отвлеклась от мяса по-монгольски и заметила, что он смотрит не на нее, а на ожерелье. В его голосе она уловила боль и растерялась, не зная, что сказать в ответ. А потом решила, что лучше ничего не говорить.

Она испытала облегчение, когда он вернул разговор в прежнее русло. В их профессиональной среде убийство всегда было самой безопасной темой.

— Здесь что-то не так, — сказал он. — Я никак не могу понять, в чем смысл этого ритуала.

— Он оставляет себе сувениры. Обычное дело.

— Но какой смысл в сувенире, который ты собираешься передать кому-то другому?

— Некоторые преступники имеют привычку дарить ворованные украшения своим женам или подругам. Их почему-то заводит, когда они видят свой подарок на шее возлюбленной, а тайна его происхождения будоражит кровь.

— Но наш герой действует иначе. Он оставляет сувенир на месте СЛЕДУЮЩЕГО преступления. Он не стремится завладеть памятной вещью. Ему не нужно подпитывать свое возбуждение воспоминаниями о прошлом убийстве. Я не вижу здесь эмоционального аспекта.

— Может, это символ собственности? Как у собаки, которая метит свою территорию. Он использует украшение, которым метит следующую жертву.

— Нет. Не то. — Мур взял пакетик с цепочкой, взвесил его на ладони, словно это могло помочь ему угадать предназначение странного сувенира.

— Главное, что мы вычислили, по какой схеме он действует, — сказала она. — И теперь точно знаем, чего ожидать на месте следующего убийства.

Он взглянул на нее.

— Вы только что ответили на вопрос.

— Какой?

— Он метит не жертву. Он метит место преступления.

Риццоли опешила. Она сразу уловила разницу.

— Боже! Помечая место...

— Это не сувенир. И не символ собственности. — Он отложил в сторону цепочку — филигранную золотую нить, которая хранила следы прикосновения двух убитых женщин.

Риццоли содрогнулась.

— Это визитная карточка, — тихо произнесла она.

Мур кивнул.

— Хирург говорит с нами.

* * *

Край сильных ветров и опасных приливов.

Так Эдит Гамильтон описывает греческий порт Авлиду в своей книге «Мифы и легенды. Боги и герои Древней Греции и Древнего Рима». Здесь лежат руины древнего храма Артемиды, богини охоты. Именно в Авлиде тысячная армада греческих судов готовилась к нападению на Трою. Но задул северный ветер, и корабли никак не могли выйти в море. Ветер не ослабевал несколько дней подряд, и в стане греческого войска под предводительством царя Агамемнона началось брожение. Прорицатель открыл вождям греков причину злых ветров: богиня Артемида разгневалась на Агамемнона за то, что он убил ее священную лань. Лишь тогда смирится богиня Артемида над греками, когда Агамемнон принесет ей в жертву свою прекрасную дочь Ифигению.

И он послал за Ифигенией, объявив, что готовит ей грандиозную свадьбу с Ахиллесом. Она и не догадывалась, что едет на гибель.

Те противные ветры не дули в тот день, когда мы с тобой брели по берегу моря вблизи Авлиды. Было тихо, и море было подобно зеленому зеркалу, а песок, словно белый пепел, обжигал наши ступни. О, как мы завидовали греческим мальчишкам, которые босиком бегали по

раскаленному пляжу! Хотя песок не щадил нашу бледную кожу, мы блаженствовали от этого дискомфорта, потому что нам хотелось стать такими же, как те мальчишки с задубевшими подошвами. Мозоли появляются только через боль и долгую ходьбу.

Вечером, когда стало прохладнее, мы отправились в храм Артемиды.

Мы брели среди удлиняющихся теней и вскоре вышли к алтарю, где была принесена в жертву Ифигения. Невзирая на ее мольбы и крики: «Отец, пощади меня!», охранники волокли девушку к жертвеннику. Ее распластали на камне, оголив белую шею. Древнегреческий драматург Еврипид пишет, что все воины уставились в землю, не желая видеть, как прольется кровь девственницы. Не желая быть свидетелями кошмара.

Но я бы наблюдал! И ты тоже. С таким же удовольствием.

Я представляю себе это молчаливое войско. Слышу, как бьют барабаны, но это не веселый свадебный танец, а похоронный марш. Я вижу скорбную процессию, медленно приближающуюся к месту жертвоприношения. Девушку, белую, словно лебедь, в окружении воинов и жрецов. Барабанный бой смолкает.

Они несут ее, надрывающуюся от крика, к алтарю.

В моем представлении именно Агамемнон держит в руках жертвенный нож, ибо какая же это жертва, если не ты сам пускаешь кровь? Я вижу, как он подходит к камню, где распластана его любимая дочь, и ее нежное тело выставлено на всеобщее обозрение. Она умоляет оставить ей жизнь, но это бесполезно.

Жрец хватает ее за волосы и запрокидывает ей голову, подставляя горло. Под белой кожей пульсирует артерия, словно указывая место, куда следует нанести удар. Агамемнон встает возле дочери, смотрит в любимое лицо. В ее жилах течет его кровь. В ее глазах отражаются его глаза. Обрекая ее на смерть, он убивает свою плоть.

Вот он заносит нож. Воины замирают, словно статуи, под священной сенью деревьев. Подрагивает пульс на шее девушки.

Артемиды требует жертвы, и Агамемнон должен принести ее.

Он прижимает нож к горлу дочери и глубоко вонзает его.

Брызжет фонтаном кровь, проливаясь на него горячим дождем.

Ифигения еще жива, ее глаза закатываются в ужасе, а кровь все хлещет из шеи. В человеческом теле пять литров крови, и нужно время, чтобы выкачать такой объем из единственной поврежденной артерии. Пока бьется сердце, кровь продолжает вытекать. В течение каких-то секунд, а может, минуты или больше, мозг еще функционирует. И конечности сотрясаются в судорогах.

Когда сердце отбивает свой последний удар, Ифигения видит, как меркнет небо, и чувствует тепло крови на своем лице.

Как говорят древние, почти в тот же час северный ветер стих. Артемида была удовлетворена. Наконец греческие корабли смогли выйти в море, войско повело сражение, и Троя пала. В масштабе такого кровопролития убийство одной юной девственницы — ничто.

Но когда я думаю о Троянской войне, мне вспоминается не деревянный конь и не скрежет мечей, и даже не тысяча черных кораблей под парусами. Нет, я вижу перед собой безжизненное тело девушки, вижу ее отца, который стоит рядом, сжимая в руках окровавленный нож.

Благородного Агамемнона со слезами на глазах.

Глава 7

— Пульс есть, — сказала медсестра.

Кэтрин уставилась на мужчину, лежавшего на операционном столе. От ужаса у нее пересохло в горле. Железный штырь длиной не менее фута торчал из груди несчастного. Одному студенту-медику уже стало плохо от этого зрелища, а трое медсестер стояли, испуганно разинув рты. Штырь глубоко засел в грудной клетке и ритмично вздымался в такт сердцебиению.

— Что у нас с давлением? — спросила Кэтрин.

Ее голос, казалось, привел всех в движение. Руку пациента тут же обмотали лентой аппарата для измерения давления и принялись закачивать воздух.

— Семьдесят на сорок. Пульс поднялся до ста пятидесяти!

— Открывайте обе капельницы на полную!

— Готовьте торакотомию...

— Кто-нибудь, срочно вызовите сюда доктора Фалко. Мне понадобится помощь. — Кэтрин надела стерильный халат и натянула перчатки. Ее ладони уже были скользкими от пота. Тот факт, что штырь пульсировал, говорил о том, что его конец проник близко к сердцу или, хуже того, уже впился в него. Самое неверное, что она могла сделать, — это вытащить инородный предмет. Тогда откроется дыра, и пациент в считанные минуты скончается от полной кровопотери.

Бригада скорой помощи, прибывшая на вызов, приняла правильное решение: они начали внутривенное вливание, интубировали жертву и доставили в операционную со штырем в груди. Остальное теперь зависело от врача.

Кэтрин уже потянулась за скальпелем, когда двери в операционную шумно распахнулись. Она подняла взгляд и вздохнула с облегчением, увидев Питера Фалко. Он замер на мгновение, глядя на грудную клетку пациента, из которой, словно кол, загнанный в сердце вампира, торчал металлический стержень.

— Не каждый день такое увидишь, — сказал он.

— Давление на пределе! — крикнула медсестра.

— На обходной анастомоз времени нет. Я начинаю, — сообщила Кэтрин.

— Я с тобой. — Питер обернулся и непринужденным тоном произнес:

— Могу я попросить халат?

Кэтрин быстро сделала передненааружный разрез, который должен был обеспечить доступ к жизненно важным органам грудной полости. Сейчас, когда рядом был Питер, она чувствовала себя спокойнее. И дело было даже не в лишней паре умелых рук, а в самом Питере. В том, как он входил в операционную и молниеносно оценивал ситуацию. В том, что никогда не повышал голоса, не поддавался панике. У него было на пять лет больше, чем у нее, опыта работы на передовой травматологической хирургии, и в самых безнадежных ситуациях, подобных этой, его мастерство было особенно очевидным.

Питер занял свое место у операционного стола напротив Кэтрин, и его голубые глаза сосредоточились на сделанном ею разрезе.

— Отлично, док. Нам еще не смешно?

— Пупки надорвали от смеха.

Он приступил к делу. Его руки и руки Кэтрин работали слаженно, вторгаясь в грудную клетку едва ли не с грубой силой. Они не раз оперировали вместе, их действия были отработаны до автоматизма. Каждый четко знал, что от него потребуется в следующий момент.

— Что за история? — спросил Питер. Брызнула кровь, и он спокойно щелкнул гемостатическим зажимом, перекрывая источник кровотечения.

— Строительный рабочий. Оступился и упал на стройплощадке, напоролся на штырь.

— Подпортил тебе день рождения. Ретрактор, пожалуйста.

— Ретрактор.

— Как у нас с кровью?

— Ждем первую отрицательную, — ответила медсестра.

— Доктор Мурата здесь?

— Его бригада вот-вот будет, чтобы начать шунтирование.

— Что ж, дело за малым. Что с нашим пульсом?

— Синусовая тахикардия, сто пятьдесят. Одиночные экстрасистолы.

— Верхнее упало до пятидесяти!

Кэтрин бросила взгляд на Питера.

— Мы не дотянем до шунтирования, — сказала она.

— Тогда давай посмотрим, что нам остается.

Когда они заглянули в открытую полость, воцарилась внезапная тишина.

— О Боже, — пробормотала Кэтрин. — Он в предсердии.

Кончик штыря проколол сердечную стенку, и с каждым сокращением мышцы выплескивалась свежая кровь, скапливаясь в грудной полости.

— Если мы вытащим штырь, здесь будет настоящий потоп, — сказал Питер.

— Он и так потерял много крови.

— Верхнее едва улавливается! — воскликнула медсестра.

— Хо-кей, — произнес Питер. В его голосе не было и намека на панику. И ни тени испуга. Он обратился к одной из медсестер: — Не могли бы вы передать мне катетер Фолея с баллоном на тридцать кубиков?

— Простите, доктор Фалко, вы сказали — Фолея?

— Именно. Для дренирования мочевого пузыря.

— И нам понадобится шприц с десятью кубиками солевого раствора, — сказала Кэтрин. — Стойте рядом, будете вводить. — Им с Питером не нужно было объяснять что-либо друг другу; они без слов понимали, в чем состоит замысел.

Питеру передали катетер Фолея, предназначенный для дренирования мочевого пузыря. Они же собирались использовать его в совершенно иных целях.

Он взглянул на Кэтрин:

— Ты готова?

— Начали.

У нее бешено забился пульс, когда Питер взялся за железный штырь. Она смотрела, как он осторожно вытаскивал его из сердечной стенки. Как только штырь был вынут, из места прокола хлынула кровь. В тот же миг Кэтрин вставила в рану катетер.

— Накачивайте баллон! — отдал команду Питер.

Медсестра ввела шприц, впрыскивая десять кубиков солевого раствора в баллон катетера.

Питер оттянул катетер, втискивая баллон и прижимая его к внутренней стенке предсердия. Поток крови остановился. Лишь тонкая струйка сочилась из отверстия.

— Параметры? — выкрикнула Кэтрин.

— Систола по-прежнему на пятидесяти. Принесли плазму. Подвешиваем.

Кэтрин взглянула на Питера и увидела, как он подмигнул ей из-за стекол защитных очков.

— Разве не весело было? — сказал он. И потянулся за зажимом с кардиальной иглой. — Хочешь исполнить почетную миссию?

— Спрашиваешь.

Он передал ей иглодержатель. Ей предстояло стянуть края раны, затем вытащить катетер и залатать дыру полностью. Накладывая глубокие швы,

она чувствовала на себе одобрительный взгляд Питера. Чувствовала, как горит ее лицо в предвкушении успеха. В душе она уже знала: этот пациент будет жить.

— Вот бы каждый день так начинать, правда? — сказал он. — Вспарыванием грудных клеток.

— Этот день рождения я никогда не забуду.

— Мое предложение на вечер остается в силе. Как ты на это смотришь?

— Я же на дежурстве.

— Я договорюсь с Эймсом, он тебя прикроет. Давай, соглашайся. Поужинаем, потанцуем.

— Мне казалось, ты приглашал полетать на самолете, — иронично заметна она.

— Все, что пожелаешь. Можем даже разориться на сэндвичи с ореховым маслом. Я прихвачу и газировки.

— Я всегда знала, что ты транжира.

— Кэтрин, я серьезно.

Уловив перемену в его голосе, она подняла голову и встретила его твердый взгляд. Она вдруг заметила, что кругом все притихли, с интересом прислушиваясь к их разговору, гадая, устоит неприступная доктор Корделл перед чарами доктора Фалко или наконец сдастся.

Она сделала еще один стежок, думая о том, насколько ей нравится Питер как коллега, насколько она уважает его, а он ее. Она не хотела это менять и бездумным шагом в сторону близости ставить под угрозу бесценные дружеские отношения.

Но как же она соскучилась по тем временам, когда могла наслаждаться вечерними мероприятиями! Когда вечер был событием, которого она ждала, а не боялась.

В операционной было по-прежнему тихо. Все замерли в ожидании.

Наконец, она подняла на него взгляд.

— Заезжай за мной в восемь.

* * *

Кэтрин налила себе бокал мерло и, стоя у окна, потягивала вино. С улицы до нее доносился смех, и она видела людей, прогуливающих по Коммонуэлт-авеню. Модная Ньюбери-стрит была совсем рядом, и летним вечером пятницы этот район Бэк-Бэй как магнитом притягивал туристов.

Кэтрин выбрала Бэк-Бэй именно по этой причине; ей было спокойнее, когда вокруг много людей, пусть даже незнакомых. Звуки музыки и смех создавали у нее ощущение, что она не одна, не изолирована от внешнего мира.

Между тем она стояла одна, закупоренная в квартире, пила свой одинокий бокал вина и пыталась убедить себя в том, что готова выйти в этот мир — тот, что шумел за окном.

«Мир, который украл у меня Эндрю Капра».

Кэтрин прижала ладонь к стеклу, как будто для того, чтобы разбить его вдребезги, открыв тем самым путь на свободу из этой стерильной тюрьмы.

Она залпом допила вино и поставила бокал на подоконник. «Я не останусь жертвой, — подумала она. — Я не позволю ему победить».

Потом прошла в спальню и принялась за ревизию своего гардероба. Достав из шкафа зеленое шелковое платье, она примерила его. Когда она надевала его в последний раз? Она даже не помнила.

Из соседней комнаты донеслось радостное приветствие: «Вам почта!» Она не стала подходить к компьютеру и направилась в ванную, чтобы заняться макияжем. «Боевая раскраска», — думала она, нанося тушь на ресницы, подкрашивая губы помадой. Это была своеобразная маска, призванная защитить ее от мира. С каждым взмахом кисточки она обретала все больше уверенности в себе. Вскоре в зеркале появилась с трудом узнаваемая женщина. Вот уже два года она не видела себя такой.

— С возвращением, — пробормотала она и улыбнулась.

Она выключила свет в ванной и прошла в гостиную, заставляя свои ноги привыкать к пытке высокими каблуками. Питер опаздывал; была уже четверть девятого. Она вспомнила про электронную почту, позывные которой слышала из спальни, и, подойдя к компьютеру, открыла почтовый ящик.

В нем было одно сообщение, отправителем которого значился SavvyDoc, а темой — «Лабораторный отчет». Она открыла файл.

«Доктор Корделл, прилагаю фотографии некоей патологии, которая вас заинтересует».

Подписи не было.

Она подвела стрелку к символу команды «загрузить», но что-то ее остановило, и палец на какое-то мгновение завис над клавишей мыши. Она не знала отправителя по имени SavvyDoc и обычно не загружала в компьютер файлы от неизвестных. Но это сообщение явно имело отношение к ее работе, тем более что было адресовано лично ей.

Она кликнула команду «загрузить».

На экране материализовалась цветная фотография.

Кэтрин, словно ужаленная, вскочила со стула, опрокинув его на пол. Она пятилась назад, зажимая рукой рот, чтобы не закричать.

Потом бросилась к телефону.

* * *

Томас Мур стоял на пороге ее квартиры, пристально глядя ей в лицо.

— Фотография еще на экране?

— Я ее не трогала.

Она отступила в сторону, и он вошел — как всегда, с деловым видом, настоящий полицейский. Внимание его тут же привлек мужчина, стоявший возле компьютера.

— Это доктор Питер Фалко, — представила его Кэтрин. — Мой партнер по хирургической практике.

— Доктор Фалко, — приветствовал его Мур, и мужчины пожали друг другу руки.

— Мы с Кэтрин собирались пойти поужинать вечером, — сказал Питер. — Меня задержали в больнице. Я прибыл незадолго до вас, и... — Он сделал паузу и посмотрел на Кэтрин. — Я так понимаю, ужин отменяется?

Она ответила вялым кивком.

Мур сел к компьютеру. Монитор оживился, и по экрану поплыла яркая тропическая рыбка. Он щелкнул мышкой.

На экране появилась фотография.

Кэтрин тут же отвернулась и встала у окна, обхватив себя руками стараясь заблокировать в памяти образ, который только что видела на мониторе. Она слышала, как Мур что-то печатал на клавиатуре. Потом позвонил кому-то по телефону и сказал: «Я только что отправил файл. Получили?» Темнота за окном показалась ей странно тихой. «Неужели уже так поздно?» — подумала она. Глядя на пустынную улицу, она отказывалась верить, что всего час назад была готова выйти в эту ночь и окунуться в мир.

Сейчас ей хотелось только одного: запереть все двери и спрятаться.

— Кто, черт возьми, мог отправить тебе такое? Это омерзительно, — сказал Питер.

— Я даже не хочу говорить об этом, — ответила она.

— Ты никогда раньше не получала ничего подобного?

— Нет.

— Тогда при чем здесь полиция?

— Пожалуйста, замолчи, Питер. Я не хочу это обсуждать!

Пауза.

— Я так понимаю, ты не хочешь обсуждать это со мной, — с напряжением в голосе проговорил он.

— Не сейчас. Не сегодня.

— Но с полицией ты будешь это обсуждать?

— Доктор Фалко, — вмешался Мур, — действительно будет лучше, если вы сейчас уйдете.

— Кэтрин, ты этого хочешь?

Она уловила обиду в его голосе, но не обернулась.

— Да, я этого хочу, Питер. Пожалуйста.

Он не ответил. Только когда хлопнула дверь, она поняла, что Питер ушел.

Повисло долгое молчание.

— Вы не рассказывали ему про Саванну? — спросил Мур.

— Нет. Мне не хватило смелости.

«Изнасилование — тема слишком интимная, и стыдно обсуждать ее. Даже с человеком, который хорошо к тебе относится».

Она спросила:

— Кто эта женщина на картинке?

— Я надеялся, вы мне расскажете.

Кэтрин покачала головой.

— Я даже не знаю, кто послал это.

Стул скрипнул под ним, когда он встал. Она почувствовала его руку на своем плече; его тепло передавалось ей сквозь зеленый шелк. Она так и не переоделась и до сих пор расхаживала в вечернем наряде. Вся эта затея с выходом в свет теперь казалась ей полным бредом. Что она себе вообразила? Что сможет опять стать такой же, как все? Что окончательно излечилась?

— Кэтрин, — произнес Мур. — Вы должны рассказать мне про это фото.

Его пальцы крепче сжали ее плечо, и до нее вдруг дошло, что он назвал ее по имени. Он стоял так близко, что она чувствовала его теплое дыхание на своих волосах, и ей почему-то было совсем не страшно. Прикосновение любого другого мужчины она сочла бы домогательством, а нежное участие Мура наполняло ее покоем.

Она кивнула.

— Я попытаюсь.

Он подвинул еще один стул, и они вдвоем сели перед компьютером. Она с трудом заставила себя сосредоточиться на фотографии.

У женщины были кудрявые волосы, и они разметались по подушке тугими спиральками. Губы скрывались под серебристой полоской клейкой ленты, но глаза с красными от вспышки фотокамеры зрачками были широко раскрыты, и взгляд был осмысленным. Фотография показывала только верхнюю часть ее обнаженного тела. Но видно было, что женщина привязана к кровати.

— Вы ее узнаете? — спросил Мур.

— Нет.

— Есть что-нибудь в этой фотографии, что кажется вам знакомым? Может быть, комната, мебель?

— Нет, но...

— Что?

— Он и со мной проделал то же самое, — прошептала она. — Эндрю Капра фотографировал меня. Привязанную к кровати... — Она с трудом сглотнула слюну, чувствуя, как ее заливают краской стыда, словно это ее тело было так бесстыдно выставлено взгляду Мура. Она поймала себя на том, что держит руки на груди, будто пытаясь защитить их от дальнейшего насилия.

— Этот файл был передан в семь-пятьдесят пять вечера. Имя отправителя — SavvyDoc, вам оно не знакомо?

— Нет. — Кэтрин опять уставилась на женщину, которая, в свою очередь, смотрела на нее своими ярко-красными зрачками. — Она проснулась. Она понимает, что он собирается делать. Он ждет этого момента. Он хочет, чтобы ты была в сознании, чтобы чувствовала боль. Ты должна бодрствовать, иначе он не получит удовольствия... — Хотя речь шла об Эндрю Капре, она невольно перешла на настоящее время, как будто Капра все еще был жив.

— Откуда он мог знать адрес вашей электронной почты? — спросил Мур.

— Я даже не знаю, кто он.

— Он прислал это вам, Кэтрин. Он знает, что произошло с вами в Саванне. У вас есть какие-нибудь предположения, кто бы это мог быть?

«Только один человек, — подумала она. — Но он мертв. Эндрю Капра мертв».

У Мура зазвонил сотовый. Она чуть не спрыгнула со стула.

— Господи, — пробормотала она, переводя дыхание, и села на место.

Он откинул крышку телефона.

— Да, я сейчас с ней... — Какое-то мгновение он слушал и вдруг посмотрел на Кэтрин. Его пристальный взгляд встревожил ее.

— Что такое? — спросила Кэтрин.

— Это детектив Риццоли. Она говорит, что отследила источник отправки почты.

— И кто же это сделал?

— Вы.

С точно таким же успехом он мог бы вклеить ей пощечину. От шока она лишилась дара речи и смогла лишь покачать головой.

— Имя SavvyDос было зарегистрировано сегодня вечером, с использованием вашего счета в «Америка онлайн», — сказал он.

— Но я держу два отдельных счета. Один для личного пользования...

— А другой?

— Для деловой переписки, которую я веду... — Она замолчала. — Офис. Он воспользовался компьютером в моем офисе.

Мур снова приложил трубку телефона к уху.

— Вы все поняли, Риццоли? — И после паузы добавил: — Встретимся там.

Детектив Риццоли ждала их у дверей офиса Кэтрин. В коридоре уже собралась небольшая группа людей — охранник здания, два офицера полиции и несколько мужчин в штатском. Детективы, предположила Кэтрин.

— Мы обыскали кабинет, — сказала Риццоли. — Он давно ушел.

— Выходит, он все-таки был там? — спросил Мур.

— Включены оба компьютера. Имя SavvyDос до сих пор значится в окошке регистрации в «Америка онлайн».

— Как он получил доступ?

— Следов взлома на двери нет. Помещения убирают люди из хозяйственной службы, у которой контракт с клиникой, так что на руках имеется сразу несколько мастер-ключей. Плюс к этому в офисе свой штат служащих.

— Да, бухгалтер, администратор и два ассистента, — сказала Кэтрин.

— И еще вы и доктор Фалко.

— Да.

— Значит, еще шесть ключей, которые могли быть утеряны или позаимствованы, — тут же отреагировала Риццоли. Кэтрин не симпатизировала этой женщине, и ей было интересно, взаимна ли ее неприязнь.

Риццоли жестом пригласила их пройти в офис.

— Давайте пройдемся по комнатам, доктор Корделл, и посмотрим, все ли на месте. Только ни к чему не прикасайтесь, договорились? Ни к двери, ни к компьютеру. Мы снимем с них отпечатки пальцев.

Кэтрин взглянула на Мура, и он ободряющим жестом обнял ее за плечи. Они вместе вошли в приемную.

Она быстро оглядела комнату ожидания для пациентов, затем прошла в секретариат, где работали служащие офиса. Компьютер бухгалтера был включен. Дисковод был пуст; незваный гость не оставил после себя флоппи-дисков.

Кончиком шариковой ручки Мур нажал на клавишу мыши, чтобы убрать с экрана заставку, и на мониторе появилась панель регистрации в «Америка онлайн». «SavvyDoc» все еще фигурировало в окошке «выбранное имя».

— Как вам кажется, в этой комнате ничего не изменилось? — спросила Риццоли.

Кэтрин покачала головой.

— Хорошо. Пройдемте в ваш кабинет.

Сердце билось все чаще, пока она шла по коридору, минуя два помещения для осмотра больных. Наконец она переступила порог своего кабинета. И тотчас взгляд ее устремился на потолок. Онемев от изумления, она отпрянула назад, чуть не столкнувшись с Муром. Он успел подхватить ее и помог удержаться на ногах.

— Здесь мы его и обнаружили, — сказала Риццоли, показывая на фонендоскоп, свисавший с лампы верхнего света. — Просто болтался. Я так понимаю, вы его там не оставляли.

Кэтрин покачала головой. И еле слышно выдавила из себя:

— Он бывал здесь и прежде.

Риццоли тут же вцепилась в нее взглядом.

— Когда?

— В последние несколько дней. Я обнаруживала пропажу каких-то вещей. Или они лежали не на месте.

— Каких вещей?

— Фонендоскопа. Медицинского халата.

— Осмотритесь, — сказал Мур, нежно подталкивая ее вперед. — Что-нибудь еще изменилось?

Она окинула взглядом книжные полки, рабочий стол, шкаф с картотекой. Это было ее личное пространство, и она организовала его в строгом порядке. Она знала, где и что должно находиться.

— Компьютер включен, — сказала она. — Я всегда выключаю его, когда ухожу с дежурства.

Риццоли щелкнула мышью, и высветился экран «Америка онлайн» с электронным именем Кэтрин «Scord» в графе пользователя.

— Вот так он и узнал адрес вашей электронной почты, — сказала Риццоли. — Для этого ему понадобилось всего лишь включить ваш компьютер.

Она уставилась на клавиатуру.

«Ты прикасался к этим клавишам. Сидел на моем стуле».

Голос Мура вернул ее к действительности.

— Вы не замечаете никакой пропажи? — спросил он. — Скорее всего, это какая-то маленькая вещица, что-то очень личное.

— Откуда вы знаете?

— Это его почерк.

Значит, такое уже было с другими женщинами, подумала она. С другими жертвами.

— Это может быть то, что вы носили, — сказал Мур. — Чем пользовались только вы. Какое-нибудь украшение. Расческа, брелок.

— О Боже. — Она бросилась к верхнему ящику стола.

— Эй! — остановила ее Риццоли. — Я же сказала, ничего не трогать.

Но Кэтрин уже сунула руку в ящик, судорожно выискивая что-то среди ручек и карандашей.

— Его здесь нет.

— Чего нет?

— Я держу в ящике запасной комплект ключей.

— Какие там ключи?

— Второй ключ от моей машины. От моей раздевалки... — У нее пересохло в горле. — Если он лазил в раздевалку, значит, у него был доступ и к моей сумке. — Она посмотрела на Мура. — К ключам от моего дома.

Когда Мур вернулся в офис, эксперты уже обрабатывали поверхности порошком для снятия отпечатков пальцев.

— Уложили ее в кроватку? — спросила Риццоли.

— Она будет спать в комнате дежурного врача в операционном отделении. Я не хочу, чтобы она возвращалась домой, пока там не поменяют замки.

— Будете лично этим заниматься?

Мур нахмурился — мысли Риццоли ясно читались на ее лице, и они ему не понравились.

— Какие-то проблемы?

— Она красивая женщина.

«Знаю я, к чему ты клонишь», — подумал он и устало вздохнул.

— Немножко травмированная. Немножко ранимая, — продолжала Риццоли. — Черт возьми, именно это вызывает в мужчинах желание броситься на защиту.

— Разве не в этом состоит наша работа?

— А речь идет только о работе?

— Я не намерен говорить об этом, — сказал он и вышел из офиса. Риццоли последовала за ним в коридор и, словно бульдог, продолжала кусать его за пятки.

— Она фигурантка в деле, Мур. Мы не знаем, насколько она откровенна с нами. Только не говорите мне, что вы на нее не запали.

— Я не запал.

— Я же не слепая.

— И что вы видите?

— Я вижу, как вы смотрите на нее. И как она смотрит на вас. Я вижу перед собой полицейского, который теряет объективность. — Она сделала паузу. — Полицейского, которому могут причинить боль.

Если бы она повысила голос или съязвила, он мог бы ответить в том же духе. Но последние слова она произнесла тихо, и он не смог заставить себя злиться.

— Я бы не сказала это кому-то другому, — продолжала Риццоли. — Но вы мне кажетесь отличным парнем. Будь на вашем месте Кроу или какой другой дурак, я плевать бы хотела, пусть страдает, рвет себе сердце. Но я не хочу, чтобы такое произошло с вами.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга. И Мур вдруг слегка устыдился того, что злоупотребляет простодушием Риццоли. Как бы ни восхищался он ее острым умом, безудержным стремлением к успеху, прежде всего он видел в ней бесцветную дурнушку, неказистую в своих бесформенных штанах. В каком-то смысле он был ничем не лучше Даррена Кроу и тех сопляков, которые совали тампоны в ее бутылки с водой. Он не заслуживал ее восхищения.

Позади них кто-то вежливо кашлянул, и, обернувшись, они увидели эксперта, стоявшего в дверях.

— Никаких отпечатков, — сказал он. — Я обработал оба компьютера. Клавиатуры, мыши, дисководы. Все тщательно протерто.

У Риццоли зазвонил телефон. Открывая крышку, она пробормотала:

— А чего можно было ожидать? Мы ведь имеем дело не с идиотом.

— Что с дверями? — спросил Мур.

— Пальчики есть, — сказал эксперт. — Но, учитывая, сколько здесь за день проходит народу — и пациентов, и персонала, мы все равно не сможем их идентифицировать.

— Эй, Мур, — сказала Риццоли, захлопывая крышку телефона. — Пошли отсюда.

— Куда?

— В штаб-квартиру. Броуди хочет продемонстрировать нам чудеса пикселей.

* * *

— Я запустил файл с фотографией в программу «Фотошоп», — начал Шон Броуди. — Файл занимает три мегабайта, и это означает, что в нем очень много деталей. Преступник не купился на дешевую картинку. Он послал качественный снимок, на котором пропечатано все, вплоть до ресниц жертвы.

Двадцатитрехлетний юнец с нездоровым цветом лица, Броуди считался техническим гением Бостонского полицейского управления. Он сидел, сгорбившись, перед компьютером, и рука его, казалось, срослась с мышью. Мур, Риццоли, Фрост и Кроу стояли у него за спиной, уставившись поверх него на монитор. Манипулируя изображением на экране, Броуди фыркал от восторга или закатывался мерзким смехом, похожим на вой шакала.

— Это полноформатное фото, — сказал Броуди. — Жертва привязана к кровати. Она не спит, глаза открыты, виден эффект «красных глаз» от плохого качества вспышки. Рот, похоже, заклеен изолентой. Теперь смотрите: вот здесь, в левом нижнем углу картинки, просматривается край ночного столика. И будильник, который стоит на двух книгах. Сейчас сделаю увеличение, и — видите время?

— Два-двадцать, — сказала Риццоли.

— Правильно. Теперь вопрос: дня или ночи? Поднимемся в верхнюю часть фото, где можно разглядеть угол окна. Шторы задернуты, но все-таки края ткани стыкуются неплотно, и просматривается щель. Солнечный свет не проникает. Если часы показывают правильное время, то можно сказать, что снимок был сделан в два-двадцать ночи.

— Да, но в какой день? — спросила Риццоли. — Это могло быть и вчера ночью, и год назад. Черт, мы даже не знаем, Хирург ли это фотографировал.

Броуди метнул на нее недовольный взгляд:

— Я еще не закончил.

— Хорошо, что еще?

— Давайте спустимся чуть ниже. Проверим правое запястье женщины. Его скрывает клейкая лента. Но видите то темное пятнышко? Как вы думаете, что это такое? — Он придвинул стрелку, кликнул мышью, и фрагмент увеличился.

— Все равно ни на что не похоже, — сказал Кроу.

— Хорошо, еще немного увеличим. — Он кликнул еще раз. Темное пятно приняло узнаваемую форму.

— Боже, — произнесла Риццоли. — Похоже на крохотную лошадку. Это же браслет Елены Ортис!

Броуди с ухмылкой обернулся к ней.

— Ну, не молодец ли я?

— Это он! — воскликнула Риццоли. — Хирург.

— Вернитесь к ночному столику, — попросил Мур.

Броуди вернул полноформатное изображение и двинул стрелку в левый нижний угол.

— На что вы хотите посмотреть?

— У нас есть часы, которые показывают два-двадцать. И те две книги, что под часами. Посмотрите на их корешки. Видите, как обложка верхней книги отражает свет?

— Да.

— Она в прозрачной пластиковой обложке.

— Допустим... — сказал Броуди, явно не понимая, к чему он клонит.

— Увеличьте корешок верхней книги, — попросил Мур. — Посмотрим, можно ли прочесть название.

Броуди подвел стрелку и кликнул.

— Похоже, это одно слово, — сказала Риццоли. — Я вижу букву «о».

Броуди кликнул еще раз, приближая изображение.

— Слово начинается на букву «в», — с уверенностью произнес Мур. — И еще. — Он ткнул пальцем в экран. — Видите этот маленький белый квадрат в самом низу?

— Я знаю, что вы имеете в виду! — взволнованно воскликнула Риццоли. — Давайте же скорее, нам нужно это чертово название.

Броуди кликнул в последний раз.

Мур уставился на экран, вглядываясь в название книги. Он вдруг резко развернулся и подошел к телефону.

— Я что-то ничего не понимаю, — недоуменно произнес Кроу.

— Книга называется «Воробей», — сказал Мур. — А этот квадратик на корешке — бьюсь об заклад, это шифр книги.

— Книга из библиотеки, — пояснила Риццоли. На линии раздался голос:

— Оператор.

— Говорит детектив Томас Мур, Бостонское полицейское управление. Мне нужен экстренный контактный номер Бостонской публичной библиотеки.

— Иезуиты в космосе, — произнес Фрост, сидевший на заднем сиденье. — Вот о чем эта книга.

Включив «мигалку», они гнали на большой скорости по Центральной улице. Мур за рулем. Две патрульные машины прокладывали им дорогу.

— Моя жена любительница такого жанра, — продолжал Фрост. — Я помню, она мне рассказывала про этого «Воробья».

— Так это научная фантастика? — спросила Риццоли.

— Да нет, скорее, философские размышления на религиозную тему. Какова природа Бога? В общем, что-то в этом роде.

— Тогда мне не стоит читать, — сказала Риццоли. — Я и так знаю все ответы. Я католичка.

Мур взглянул на название улицы и сказал:

— Мы совсем рядом.

Адрес, по которому они ехали, находился в западной части Бостона, в Джамайка-Плейн, между парком Франклина и пригородом Бруклина. Женщину звали Нина Пейтон. Неделю назад она взяла экземпляр книги «Воробей» в филиале Бостонской публичной библиотеки в Джамайка-Плейн. Из всех читателей Бостона и его окрестностей, которые имели на руках экземпляры этой книги, Нина Пейтон была единственной, кто в два часа ночи не подошел к телефону.

— Вот он, — сказал Мур, когда передняя патрульная машина свернула направо на Элиот-стрит. Он последовал за ней и, проехав еще один квартал, затормозил.

Полицейская «мигалка» освещала ночное небо причудливыми голубыми вспышками, когда Мур, Риццоли и Фрост вошли в ворота и направились к дому. Внутри горел слабый свет.

Мур взглянул на Фроста, и тот, понимающе кивнув, обошел дом сзади.

Риццоли постучала в дверь и крикнула:

— Полиция!

Последовала долгая пауза. Внезапно по рации затрещал голос Фроста:

«Здесь вырезана сетка с заднего окна!»

Мур и Риццоли переглянулись, и решение было принято без слов.

Рукояткой фонарика Мур разбил стеклянную панель рядом с входной дверью, просунул руку и изнутри открыл замок.

Риццоли первой ворвалась в дом, двигаясь короткими перебежками, пригнувшись, держа пистолет наготове. Мур шел следом, и обостренные адреналином рефлексy мгновенно фиксировали обстановку. Деревянный пол. Открытый шкаф. Кухня прямо, гостиная справа. Зажженная настольная лампа.

— Спальня, — сказала Риццоли.

— Вперед!

Они пошли по коридору, Риццоли первая, вращая головой во все стороны, минуя ванную, вторую спальню — обе пустые. Дверь в конце коридора была чуть приоткрыта; они не могли видеть, что за ней, поскольку в комнате было темно.

Чувствуя, как взмокли руки, сжимавшие пистолет, ощущая каждый удар пульса, Мур подошел к двери. Толкнул ее ногой.

Запах крови — горячий и гнилой — окатил его удушливой волной. Он нашарил выключатель и щелкнул им. Еще до того как изображение легло на сетчатку глаза, он знал, что увидит. И все равно оказался не готов к открывшемуся взору ужасу.

Вспоротый живот женщины зиял кровавой полостью. Петли кишок вывалились из раны и уродливо свисали с края кровати. Кровь, сочившаяся из открытой раны на шее, скапливалась в огромную лужу на полу.

Муру казалось, будто прошла вечность, прежде чем он осмыслил увиденное. Только после того как все детали отпечатались в сознании, он смог проанализировать их значение. Кровь свежая. Рана еще кровоточит. Отсутствие фонтана артериальной крови на стене. На полу море темной, почти черной крови.

Он тотчас бросился к телу, ступая прямо в кровавую лужу.

— Эй! — закричала Риццоли. — Вы нарушаете обстановку!

Он прижал пальцы к шее жертвы.

Труп открыл глаза.

«Слава Богу. Она еще жива».

Глава 8

Кэтрин ворочалась на жесткой кровати, изнывая от страха; сердце отчаянно билось, и нервы были натянуты до предела. Она смотрела в темноту, стараясь унять панику.

Кто-то постучал в дверь.

— Доктор Корделл? — Кэтрин узнала голос одной из медсестер пункта скорой помощи. — Доктор Корделл!

— Да! — сказала Кэтрин.

— К нам везут пациента с тяжелой травмой! Обширная кровопотеря, ранения живота и шеи. Я знаю, что сегодня ночью по травме дежурит доктор Эймс, но он задерживается. Вы бы могли помочь доктору Кимбаллу!

— Скажи ему, что сейчас буду. — Кэтрин включила настольную лампу и посмотрела на часы. 2:45 ночи. Она спала всего три часа. Зеленое шелковое платье все еще висело на спинке стула. Оно выглядело чужим, как будто позаимствованным из жизни другой женщины.

Хирургический костюм, который она перед сном надела как пижаму, был влажным от пота, но переодеваться было некогда. Она быстро собрала спутанные волосы в конский хвост и подошла к умывальнику, чтобы сбрызнуть лицо холодной водой. Женщина, которую она увидела в зеркале, напоминала жертву контузии.

«Сосредоточься. Пора покончить со страхом. Надо работать».

Она сунула босые ноги в кроссовки, которые достала из своего шкафа в больничной раздевалке, и, сделав глубокий вдох, вышла из комнаты.

— Будут через две минуты! — оповестила ее медсестра. — Из «скорой» сообщили, что пульс едва прощупывается.

— Доктор Корделл, оперировать будем в первой травме.

— Кто в бригаде?

— Доктор Кимбалл и двое стажеров. Слава Богу, вы здесь. У доктора Эймса что-то случилось с машиной, и он никак не доберется.

Кэтрин влетела в операционную. С первого взгляда ей стало ясно, что бригада готовится к худшему. К капельницам уже были подвешены три емкости с лактатом Рингера. Курьер стоял возле двери, чтобы бегом доставить пробирки с кровью в лабораторию. Двое врачей-стажеров замерли по обе стороны операционного стола с внутривенными катетерами в руках, а Кен Кимбалл, дежурный врач пункта скорой помощи, уже

надорвал стерильную упаковку лапаротомического лотка.

Кэтрин надела хирургическую шапочку, просунула руки в рукава стерильного халата. Медсестра завязала халат сзади и подала ей первую перчатку. Каждая новая деталь одежды словно прибавляла ей авторитета, и она чувствовала себя все более сильной и уверенной в себе. Здесь, в операционной, она была спасительницей, а не жертвой.

— Что за история? — спросила она Кимбалла.

— Нападение. Травма шеи и живота.

— Огнестрел?

— Нет. Колотые раны.

Кэтрин замерла, надевая вторую перчатку. Она почувствовала нарастающее волнение.

«Шея и живот. Колотые раны».

— «Скорая» въезжает! — крикнула из коридора медсестра.

— Ночь — самое время для ненависти, — сказал Кимбалл и вышел встретить пациента.

Кэтрин, уже в стерильной одежде, осталась на месте. В палате вдруг стало очень тихо. Ни врачи-стажеры, топчущиеся у стола, ни медсестра, которой предстояло подавать Кэтрин инструменты, не проронили ни слова. Все были сосредоточены на том, что происходило за дверью.

В коридоре раздался громкий крик Кимбалла:

— Давай, быстро, быстро!

Дверь распахнулась, и в операционную вкатили носилки. Кэтрин мельком увидела пропитанные кровью простыни, спутанные темные волосы. Лицо женщины скрывал пластырь, который удерживал на месте трубку аппарата искусственного дыхания.

На «раз-два-три!» санитары переложили пациентку на операционный стол.

Кимбалл откинул простыню, открыв тело жертвы.

В этом хаосе никто не расслышал судорожного вздоха Кэтрин. Никто не заметил, как она отшатнулась от носилок. Она уставилась на шею жертвы с наложенной давящей повязкой, которая уже насквозь пропиталась кровью. Потом перевела взгляд на живот, с которого как раз снимали такую же повязку, и струйки крови уже текли на простыни. Даже когда все вокруг засуетилось, подсоединяя капельницы и стимулятор сердечной деятельности, закачивая воздух в легкие, Кэтрин стояла, словно парализованная ужасом.

Кимбалл снял с живота повязку. Петли кишок вывалились и плюхнулись прямо на стол.

- Верхнее шестьдесят, едва прощупывается! Синусовая тахикардия...
- Я не могу вставить капельницу! У нее вены ни к черту!
- Ставь подключичку!
- Дай мне еще один катетер.
- Черт, ничего не видно, все в крови.
- Доктор Корделл! Доктор Корделл!

Все еще словно в тумане, Кэтрин повернулась к медсестре, которая только что звала ее, и увидела, что та хмурится, глядя на нее поверх хирургической маски.

— Прокладки нужны?

Кэтрин сглотнула. Сделала глубокий вдох.

— Да. Прокладки. И отсос... — Она вновь устремила взгляд на пациентку. Молодая женщина... И тут же вспомнилась другая операционная, в Саванне, когда она сама лежала на столе.

«Я не позволю тебе умереть. Я не отдам тебя ему».

Она схватила с лотка тампоны и гемостатический зажим. Теперь она была само внимание, в ней опять проснулся профессионал. Богатый опыт хирургической практики автоматически подсказывал, что делать. В первую очередь она занялась раной на шее и отодрала давящую повязку. Темная кровь хлынула на пол.

— Сонная артерия! — сказал один из врачей-стажеров.

Кэтрин прижала губку к ране и сделала глубокий вдох.

— Нет, если бы сонная артерия, женщина уже была бы мертва. — Она обернулась к медсестре. — Скальпель.

Инструмент тут же оказался в ее руке. Кэтрин сделала паузу, готовясь к тонкой операции, потом приложила кончик скальпеля к шее, быстро прорезала кожу и повела инструмент выше, к челюсти, обнажая шейную вену.

— Он не добрался до сонной артерии, — сказала она. — Но все-таки задел яремную вену. Ее травмированная стенка уперлась в мягкие ткани шеи. — Она отложила скальпель и взяла щипцы. — Стажер, приложите тампон. Нежно!

— Вы собираетесь делать реанастомоз?

— Нет, мы просто обрежем кончик. У нее будет вспомогательный дренаж. Мне необходимо обнажить часть вены, чтобы наложить шов. Сосудистый зажим.

Инструмент тут же оказался у нее в руке.

Кэтрин поставила зажим и щелкнула им, перекрывая открытый сосуд. После этого она с облегчением вздохнула и бросила взгляд на Кимбалла.

— Так, один источник кровотечения перекрыли. Потом я его зашью.

Она переключилась на брюшную полость. К тому времени Кимбалл и второй врач-стажер очистили полость с помощью отсоса и прокладок, и теперь ничто не мешало работать. Кэтрин аккуратно отложила в сторону петли кишок и уставилась в открытую рану. То, что она увидела, повергло ее в ярость.

Подняв голову, она встретила взглядом с Кимбаллом, который явно был шокирован увиденным.

— Кто же это сотворил такое? — тихо произнес он. — С кем мы имеем дело, черт возьми?

— С чудовищем, — сказала она.

* * *

— Жертва все еще в операционной. И пока жива. — Риццоли резко захлопнула крышку сотового телефона и посмотрела на Мура и доктора Цукера. — Теперь у нас есть свидетель. Наш убийца становится беспечным.

— Дело не в беспечности, — сказал Мур. — Просто он заторопился. Ему не хватило времени довести дело до конца. — Мур стоял возле двери спальни, изучая пятна крови на полу. Кровь, еще свежая, поблескивала в свете ламп.

«Она не успела засохнуть. Хирург ушел отсюда совсем недавно».

— Фотография была отправлена Корделл по электронной почте в семь-пятьдесят пять вечера, — сказала Риццоли. — Часы на фотографии показывали время два-двадцать ночи. — Она показала на будильник, стоявший на ночном столике. — Время на часах установлено правильное. А это значит, что он фотографировал прошлой ночью. Он держал жертву живой в этом доме более суток.

«Растягивая удовольствие».

— Он наглеет, — заметил доктор Цукер, и в его голосе прозвучали настораживающие нотки восхищения. Тем самым он как будто признавал, что противник у них достойный. — Он не только держит жертву живой в течение всего дня; он даже оставляет ее здесь на время, чтобы отправить электронную почту. Наш мальчик играет с нами в психологические игры.

— Или с Кэтрин Корделл, — сказал Мур.

Сумочка жертвы лежала на комоде. Мур, в перчатках, принялся просматривать содержимое.

— Бумажник с тридцатью четырьмя долларами. Две кредитные карты. Карточка члена AAA (Автомобильной ассоциации Америки). Именной бейдж служащего отдела продаж компании «Лоуренс Сайентифик Саплайз». Водительские права на имя Нины Пейтон, двадцать девять лет, рост 157 сантиметров, вес 55 килограммов. — Он перевернул водительские права. — Донор органов.

— Думаю, один из них она только что отдала, — сказала Риццоли.

Мур расстегнул молнию на боковом кармане.

— Здесь ежедневник.

— Да? — заинтересовалась Риццоли.

Он открыл блокнот на странице текущего месяца. Там было пусто. Он пролистал назад, пока не нашел запись, сделанную восемью неделями ранее: «Заплатить аренду». Он полистал дальше и увидел другие записи: «Д. рождения Сиды», «Химчистка», «Концерт 8:00», «Совещание для персонала». Все это были будничные мелочи, из которых, собственно, и состоит жизнь. Но почему записи так внезапно оборвались восемь недель тому назад? Он подумал о женщине, которая писала эти слова, аккуратно выводя буквы синими чернилами. О женщине, которая, возможно, ждала, когда подойдет очередь чистой страницы декабря, мечтала о Рождестве и снеге, не думая, разумеется, о том, что может не дожить до этого.

Он закрыл ежедневник, и на него нахлынула такая печаль, что на мгновение перехватило дыхание, и он не мог вымолвить ни слова.

— В простынях ничего не осталось, — сказал Фрост, обыскивая постель. — Ни хирургических нитей, ни инструментов — ничего.

— Для человека, который так спешил, — заметила Риццоли, — он, пожалуй, чересчур хорошо прибрался. И смотрите, у него нашлось время сложить ночную сорочку. — Она показала на хлопковую сорочку, которая была аккуратно сложена на стуле. — Это никак не вяжется с тем, что он торопился.

— Но он оставил свою жертву живой, — сказал Мур. — Это самая непростительная ошибка.

— Что-то не вяжется, Мур. Он складывает ночную сорочку, убирает за собой. И вдруг проявляет такую беспечность, оставляя живого свидетеля? Он слишком умен, чтобы делать такие ошибки.

— Даже самые умные могут напортачить, — сказал Цукер. — Тед Банди под конец совсем утратил осторожность.

Мур посмотрел на Фроста.

— Это ты звонил жертве по телефону?

— Да. Когда мы обзванивали всех по списку, что нам дали в

библиотеке. Я позвонил в этот дом примерно в два или два-пятнадцать. Включился автоответчик. Я не стал оставлять сообщение.

Мур оглядел комнату, но не увидел автоответчика. Он вышел в гостиную, и там на столике в углу стоял телефонный аппарат. В нем имелся определитель номера, и кнопка памяти была испачкана кровью.

Кончиком карандаша он нажал на кнопку, и информация о последнем звонке высветилась на экране: «Полиция Бостона, 2:14».

* * *

— Может, это его и испугнуло? — предположил Цукер, который прошел в гостиную следом за ним.

— Он был здесь, когда звонил Фрост. На кнопке определителя номера кровь.

— Итак, зазвонил телефон. А наш неизвестный еще не закончил. Он не получил удовлетворения. Но телефонный звонок среди ночи определенно обеспокоил его. Он вышел сюда, в гостиную и увидел, откуда был звонок. Звонили из полиции, пытаясь связаться с жертвой. — Цукер задумался. — Что бы сделали в этом случае вы?

— Убрался бы отсюда как можно быстрее.

Цукер кивнул, по его губам скользнула легкая улыбка.

«Для тебя все это — игра», — подумал Мур. Он подошел к окну и выглянул на улицу, которая превратилась в яркий kaleidoscope вспыхивающих огней. Перед домом выстроился целый автопарк из патрульных машин. Прибыла и пресса; а фургончики местных телеканалов уже настраивали свои спутниковые антенны.

— Он не успел получить удовольствие, — сказал Цукер.

— Но он же завершил экзекуцию, — возразил Мур.

— Нет, это не главное. Так, легкое напоминание о его визите. Он приходил сюда не за тем, чтобы взять орган. Он пришел испытать настоящее блаженство: почувствовать, как из женщины капля за каплей вытекает жизнь. Но на этот раз ему не повезло. Ему помешали, и он испугался приезда полиции. Он недостаточно долго наблюдал за тем, как умирает его жертва. — Цукер выдержал паузу. — Новая добыча будет найдена очень скоро. Убийца раздражен, и напряжение становится невыносимым. А значит, он уже в поиске следующей жертвы.

— Или уже выбрал ее, — сказал Мур. И подумал: «Кэтрин Корделл».

Первые проблески рассвета осветили небо. Вот уже сутки Мур не спал

и держался только на кофе. И все-таки, глядя на розовеющее небо, он испытывал не усталость, а новый приступ волнения. Между Кэтрин и Хирургом определенно существовала какая-то связь, которую он никак не мог разгадать. Словно невидимая нить привязывала Кэтрин к этому чудовищу.

— Мур.

Он обернулся и увидел Риццоли, во взгляде которой угадывалось радостное волнение.

— Только что позвонили из отдела преступлений на сексуальной почве, — сообщила она. — Наша жертва — весьма невезучая дама.

— В каком смысле?

— Два месяца назад Нина Пейтон была изнасилована.

Новость ошеломила Мура. Он вспомнил пустые страницы в дневнике жертвы. Восемь недель назад записи прервались. Видимо, тогда жизнь Нины Пейтон в корне изменилась.

— Есть протокол по факту изнасилования?

— И не только, — сказала Риццоли. — Были собраны улики.

— Две жертвы изнасилования? — удивился доктор Цукер. — Неужели все так просто?

— Вы думаете, насильник вернулся, чтобы убить их?

— Не исключено. Десять процентов серийных насильников впоследствии возвращаются к своим жертвам. Это своеобразный способ продлить мучение. Навязчивая идея.

— Насилие как прелюдия убийства. — Риццоли фыркнула от отвращения. — Прелестно.

Муру внезапно пришла в голову новая идея.

— Вы сказали, что были собраны улики? Значит, делали и вагинальный мазок?

— Да. ДНК скоро расшифруют.

— Кто брал мазок? Она обращалась в пункт скорой помощи? — Он был почти уверен в том, что она ответит: «Да, в „Пилгрим“».

Но Риццоли покачала головой.

— Нет, не в пункт скорой помощи. Она обращалась в женскую клинику «Форест-Хиллз». Это недалеко отсюда.

* * *

На стене в приемной клиники висел огромный плакат с изображением

женских половых путей с впечатляющим заголовком: «Женская красота совершенна». Хотя Мур и готов был согласиться с тем, что женское тело есть воплощение прекрасного, при виде столь откровенной диаграммы он почувствовал себя грязным развратником. Он заметил, что несколько женщин, ожидавших в приемной, поглядывали на него, словно газели на хищника. То, что его сопровождала Риццоли, казалось, не меняло отношения к нему как к врагу.

Он испытал облегчение, когда администратор наконец сказала:

— Она сейчас вас примет, детективы. Последняя комната направо.

Риццоли первой вышла в коридор, увешанный тематическими плакатами: «10 признаков оскорбительного поведения партнера». «Как распознать изнасилование?». С каждым шагом Мур все сильнее ощущал себя виноватым за всех мужчин сразу. Риццоли, конечно, были неведомы эти муки совести, она здесь была на своей территории. Территории женщин. Она постучала в дверь с табличкой: «Сара Дейли. Старшая медсестра».

— Войдите.

Женщина, которая встала им навстречу, была молодой и стильной. Под белым халатом скрывались голубые джинсы и черная майка, а ее мальчишеская стрижка подчеркивала темные озорные глаза и высокие скулы. Но вот от чего Мур никак не мог отвести взгляд — так это от маленького золотого колечка в левой ноздре. Во время беседы у него было такое ощущение, будто он обращается именно к этому колечку.

— После вашего звонка я еще раз просмотрела ее медицинскую карту, — сказала Сара. — Я знаю, что был составлен полицейский протокол об изнасиловании.

— Мы его читали, — сказала Риццоли.

— И с чем связан ваш визит?

— Прошлой ночью на Нину Пейтон было совершено нападение в ее доме. Сейчас она в критическом состоянии.

Первой реакцией медсестры был шок. И тут же ему на смену пришла ярость. Мур распознал это по тому, как вздернулся ее подбородок и сверкнули глаза.

— Это был он?

— Он?

— Ну, тот мужчина, который изнасиловал ее?

— Мы не исключаем такую возможность, — сказала Риццоли. — К сожалению, жертва находится в коме и не может говорить.

— Не называйте ее «жертвой», — раздражено проговорила

медсестра. — У нее есть имя.

Риццоли тоже вскинула подбородок, и Мур догадался, что она на взводе. Начало беседы нельзя было назвать удачным. Он поспешил вмешаться:

— Мисс Дейли, речь идет о невероятно чудовищном преступлении, и нам необходимо...

— Ничего невероятного не бывает, — возразила Сара. — Во всяком случае, когда мы имеем в виду то, что мужчины проделывают с женщинами. — Она взяла со стола папку и протянула ему. — Ее медицинская карта. Наутро после изнасилования она пришла в клинику. Я видела ее в тот день.

— И вы же осматривали ее?

— Я делала все. И беседовала, и осматривала. Я взяла вагинальные мазки и подтвердила, что при осмотре под микроскопом обнаружена сперма. Я вычесала лобковые волосы, собрала образцы ногтей — все, что нужно в таких случаях. Дала ей противозачаточную пилюлю.

— Она не обращалась в пункт скорой помощи за другими анализами?

— Женщина, которая к нам приходит, получает всю необходимую помощь в этих стенах, причем от одного врача. Ей совсем ни к чему этот парад лиц. Так что я сама беру кровь на анализ и отправляю в нашу лабораторию. И я же делаю необходимый звонок в полицию. Если, конечно, жертва этого хочет.

Мур открыл папку и увидел заполненную анкету пациента. В ней значились дата рождения Нины Пейтон, ее адрес, телефон, место работы. Следующая страница была исписана мелким почерком. Первая запись была датирована 17 мая.

«Причина обращения: сексуальное изнасилование.

История со слов потерпевшей: 29-летняя белая женщина полагает, что подверглась сексуальному насилию. Прошлой ночью, пребывая в баре „Грамерси“, она почувствовала себя плохо и, по ее словам, пошла в дамскую комнату. Что было дальше, не помнит...»

— Она проснулась дома, в своей постели, — сказала Сара. — Как добралась домой, не помнила. Не помнила, как разделась. И уж точно не помнила, как могла порвать на себе блузку. Как бы то ни было, в постели она оказалась совершенно голая. Бедра были испачканы, как ей показалось, спермой. Один глаз заплыл, и на обоих запястьях были синяки. Она довольно быстро догадалась о том, что произошло. И у нее была такая же реакция, как у всех других жертв насилия. Она подумала: «Я сама виновата. Нельзя быть такой беспечной». Вот так всегда у женщин. — Она

в упор посмотрела на Мура. — Мы во всем виним себя, даже если подонком оказался мужчина.

Выслушав такую гневную отповедь, Мур не нашелся с ответом. Он уткнулся в медицинскую карту и стал читать протокол медицинского осмотра.

«Пациентка пребывает в прострации, говорит монотонно. Она пришла без сопровождения, пешком...»

— Она все повторяла про ключи от своей машины, — сказала Сара. — Она выглядела избитой, один глаз припух. Ни на что не реагировала, только твердила о том, что потеряла ключи от машины и ей нужно их найти, иначе она не сможет добраться на работу. Мне не сразу удалось прервать этот однообразный монолог и заставить ее говорить со мной. Эта женщина прежде не знала горя. Она была образованна, независима. Работала торговым представителем в компании «Лоуренс Сайентифик Саплайз». Каждый день общалась с людьми. И вот она оказалась здесь, практически невменяемая. Одержимая навязчивой идеей найти эти идиотские ключи от машины. В конце концов, мы открыли ее сумку и поискали во всех карманах. Ключи нашлись. Только после этого она смогла сосредоточиться и рассказать мне о том, что с ней произошло.

— И что она рассказала?

— Примерно около девяти вечера она пошла в бар «Грамерси», где должна была встретиться с подругой. Подруга так и не появилась, и Нина какое-то время пробыла там. Выпила мартини, поболтала с какими-то парнями. Послушайте, я была в этом баре, по вечерам там полно народу. Женщина вполне может чувствовать себя в безопасности. — И добавила, уже с оттенком горечи: — Как будто есть такое место, где можно чувствовать себя в безопасности.

— А она помнила того мужчину, который отвез ее домой? — спросила Риццоли. — Нам действительно нужно это знать.

Сара посмотрела на нее.

— Вы все про этого насильника? Те двое полицейских из отдела сексуальных преступлений тоже интересовались только им.

Мур, видя, как бесится Риццоли, понимал, что обстановка накаляется. И поспешил ответить:

— Детективы сказали, что она не смогла описать его.

— Они допрашивали ее при мне. Она сама попросила меня остаться, так что всю историю я выслушала дважды. Они все выпрашивали у нее, как он выглядел, а она не могла вспомнить. Она действительно ничего не помнила.

Мур перевернул еще одну страницу в медицинской карте.

— Вы видели ее еще раз, в июле. Всего неделю назад.

— Она пришла, чтобы сделать повторный анализ крови. Тест на ВИЧ может оказаться положительным через шесть недель. Это еще одна жуткая сторона злодеяния. Сначала тебя изнасилуют, а потом узнаешь, что тебя еще и наградили смертельной болезнью. Эти шесть недель становятся настоящей пыткой для женщин, которые не знают, есть у них СПИД или нет. Они страдают, думая о том, что, возможно, в их крови уже размножается коварный вирус. Когда они приходят на повторный анализ, мне приходится выступать в роли психотерапевта. Заверять в том, что я позвоню сразу же, как только получу на руки результат анализа.

— Вы не делаете анализы здесь?

— Нет. Мы отправляем их в лабораторию «Интерпат».

Между тем Мур добрался до последней страницы карты, где были приведены результаты анализов: «ВИЧ-тест: отрицательный. Сифилис: отрицательный». Страница была тонкой, почти прозрачной. «Почему-то самые важные новости поступают к нам именно на таких хлипких листочках, — подумал он. — Телеграммы. Экзаменационные баллы. Анализы крови».

Он закрыл медицинскую карту и положил на стол.

— Когда вы увидели Нину во второй раз — в тот день, когда она пришла на повторный анализ крови, — как она вам показалась?

— Вы хотите знать, была ли она по-прежнему травмированной?

— Не сомневаюсь в этом.

От его спокойного ответа ярость Сары словно улетучилась. Она откинулась на спинку кресла — будто, лишенная злости, утратила и жизненные силы. Какое-то мгновение она обдумывала его вопрос.

— Когда я увидела Нину во второй раз, она была похожа на ходячую смерть.

— Как это?

— Она сидела на том стуле, где сейчас сидит детектив Риццоли, и у меня было такое чувство, что я вижу сквозь нее, будто она прозрачная. После изнасилования она так и не вышла на работу. Думаю, ей тяжело было видеть людей, особенно мужчин. Она была парализована странными фобиями. Боялась пить водопроводную воду и вообще все, что не было герметично упаковано. Напиток должен был обязательно находиться в запаянной бутылке или банке, куда нельзя впрыснуть яд. Она боялась, что мужчины, увидев ее, сразу поймут, что она была изнасилована. Она была уверена, что насильник оставил сперму на ее простынях и одежде, и

каждый день часами стирала. Та Нина Пейтон, которой она была когда-то, умерла. Вместо нее я видела перед собой призрак. — У Сары дрогнул голос, и она уставилась на Риццоли, представляя на ее месте другую женщину. Сколько таких женщин прошло перед ней — разные лица, разные призраки, но все с глубокой душевной травмой.

— Она не говорила о том, что ее преследуют? Что насильник вновь появился в ее жизни?

— Насильник никогда не исчезает из вашей жизни. Пока вы живете, вы принадлежите ему. — Сара сделала паузу. И добавила, с горечью: — Может быть, на этот раз он просто пришел предъявить права на свою собственность.

Глава 9

Викинги приносили в жертву не девственниц, а шлюх.

В год 922 от Рождества Христова арабский дипломат ибн Фадлан оказался свидетелем такого жертвоприношения в племенах, которые он назвал русами. Он описал их как высоких и светловолосых мужчин атлетического телосложения. Из Швеции они спускались вниз по русским рекам к южным рынкам Хазарии и Халифата, где торговали янтарем и мехами в обмен на шелк и серебро Византии. Именно на этом торговом пути, в местечке под названием Булгар, в излучине реки Волги, готовили умершего знатного викинга в его последний путь в Валгаллу.

Ибн Фадлан был свидетелем этих похорон.

Лодку покойника вытащили на берег и подняли на постамент из березовых бревен. На палубе соорудили шатер и в нем ложе, которое накрыли греческой парчой. Труп спустя десять дней после погребения был эксгумирован.

К удивлению ибн Фадлана, почерневшая плоть не смердела.

Выкопанный труп обрядили в дорожные одежды: брюки и носки, сапоги и тунику, парчовый кафтан с золотыми пуговицами. Его усадили на ложе, подложив под спину подушки. Вокруг разложили хлеб, мясо, лук, хмельной напиток, ароматные растения. Потом забили собаку и пару лошадей, петуха и курицу, и их тоже снесли в шатер, чтобы служили покойнику в Валгалле.

И, наконец, привели юную рабыню.

Все десять дней, что покойник лежал в земле, девушку предавали блуду. Одурманенную хмелем, ее таскали из палатки в палатку, и она удовлетворяла похоть каждого. Она ложилась, расставив ноги бесконечной веренице потных, стонущих мужчин, и ее истасканное тело превратилось в общий сосуд, куда сливалась сперма соплеменников. Так оскверняли ее, портили, готовя к жертвоприношению.

На десятый день ее привели к лодке в сопровождении старухи, которую называли Ангелом Смерти. Девушка сняла с себя браслеты и кольца. Крепко выпила, чтобы забыться. После чего ее впустили в шатер, где сидел покойник.

Там, на парчовом ложе, ее опять изнасиловали. Шесть раз подряд шестеро мужчин передавали друг другу ее тело как кусок мяса. И когда все было кончено, когда все шестеро насытились ею, девушку уложили рядом с

мертвым господином. Двое мужчин держали ее за ноги, двое — за руки, а Ангел Смерти мастерил петлю на ее шее. Когда мужчины туго затянули петлю, Ангел подняла широкий кинжал и вонзила его в грудь жертвы.

Снова и снова впивался в грудь кинжал, разбрызгивая кровь, как семя, воспроизводя сцену недавнего насилия. Имитируя ожесточенную звериную случку, финальным актом которой становится смерть.

* * *

— Ей потребовалось массивное переливание крови и свежзамороженной плазмы, — сказала Кэтрин. — Сейчас давление стабилизировалось, но она все еще без сознания и подключена к аппарату искусственного дыхания. Вам придется набраться терпения, детектив. И надеяться на то, что она проснется.

Кэтрин и детектив Даррен Кроу стояли за стеклянной перегородкой бокса, в котором лежала Нина Пейтон, и наблюдали за колебанием трех линий на сердечном мониторе. Кроу ждал за дверями операционной, пока шла операция, потом дежурил возле пациентки в реанимации и вот теперь возле бокса отделения интенсивной терапии. Его роль не ограничивалась лишь охраной; он рвался допросить свидетельницу, и за последние несколько часов успел порядком надоесть всему медицинскому персоналу, требуя постоянных отчетов о состоянии потерпевшей и слоняясь возле бокса.

Вот и сейчас он повторил вопрос, который задавал все утро:

— Она будет жить?

— Основные показатели состояния организма стабильны — это все, что я могу сказать.

— Когда я смогу поговорить с ней?

Кэтрин устало вздохнула.

— Вы, похоже, не понимаете, в каком критическом состоянии она находилась. Она потеряла более трети объема крови еще до того, как попала сюда. Возможно, функции мозга нарушены из-за такого сбоя в кровоснабжении. Когда она придет в сознание, если вообще придет, вполне вероятно, что ей не удастся ничего вспомнить.

Кроу заглянул сквозь стеклянную перегородку.

— Тогда она бесполезна для нас.

Кэтрин смотрела на него с нарастающей антипатией. Он так беспокоился о Нине Пейтон, но всего лишь как о свидетеле, который мог

быть полезен следствию. Ни разу за все утро он не назвал ее по имени. Для него она была лишь «жертва» или «свидетель», Глядя на нее сквозь стекло, он видел не женщину, а средство достижения цели.

— Когда ее переведут из бокса? — спросил он.

— Еще слишком рано говорить об этом.

— А нельзя ее перевести в отдельную палату? Если мы запрем дверь, ограничим доступ к ней персонала, тогда никто не узнает, заговорила ли она.

Кэтрин прекрасно знала, к чему он клонит.

— Я не позволю использовать свою пациентку как наживку. Она должна оставаться в этом боксе для круглосуточного наблюдения. Видите эти линии на мониторе? Это ЭКГ, центральное венозное давление и артериальное давление. Я должна видеть любое изменение в ее состоянии. Бокс — единственное место, где это можно сделать.

— Скольких женщин мы спасем, если остановим его сейчас? Вы об этом подумали? Кому как не вам, доктор Корделл, знать, на что обречены будущие жертвы.

Она рассвирепела. Он нанес удар в самое больное место. То, что сделал с ней Эндрю Капра, было настолько личным, интимным делом, что она не отваживалась обсуждать его даже с отцом. Детектив Кроу вновь разбередил старую рану.

— Она может быть единственным шансом поймать его, — настаивал Кроу.

— Это все, на что вам хватило ума? Использовать коматозную женщину в качестве приманки? Подвергать опасности других пациентов клиники, приглашая убийцу явиться сюда?

— А почему вы исключаете возможность того, что он уже здесь? — проворчал Кроу и с этим удалился.

«Уже здесь». Кэтрин не смогла удержаться от того, чтобы не оглядеться по сторонам. Медсестры, как обычно, сновали между пациентами. Группа врачей-хирургов собралась возле мониторов. Процедурная сестра тащила лоток с трубками для кровопускания и шприцами. Сколько людей проходило через двери клиники каждый день? И много ли было среди них тех, о ком она могла сказать, что знает этого человека и доверяет ему? Да никого. Эндрю Капра открыл ей жестокую правду: чужая душа потемки.

— Доктор Корделл, вас к телефону, — окликнул ее дежурный.

Кэтрин прошла на пост медсестры и взяла трубку.

Звонил Мур.

— Я слышал, вам удалось вытащить ее с того света.

— Да, она все еще жива, — бесстрастно произнесла Кэтрин. — Но говорить она пока не может.

Последовала пауза.

— Я так понимаю, что звоню не вовремя.

Она опустила на стул.

— Простите. Я только что беседовала с детективом Кроу, а потому настроение у меня не самое радужное.

— Боюсь, он производит такое впечатление на всех женщин.

Они оба рассмеялись усталым смехом, который растопил всякую враждебность между ними.

— Как вы, Кэтрин? Держитесь?

— Были некоторые тревожные моменты, но, думаю, мне удалось ее стабилизировать.

— Нет, я имел в виду вас. Вы в порядке?

Это было больше, чем проявление вежливости; в его голосе она уловила искреннюю заботу и растерялась, не зная, что сказать. Она лишь понимала, как это приятно, когда о тебе заботятся. И чувствовала, как полыхают щеки после его слов.

— Вы ведь не поедете домой? — спросил он. — Пока вам не поменяют замки.

— Я так злюсь из-за этого. Он отобрал у меня единственное место, где я чувствовала себя в безопасности.

— Мы снова сделаем его безопасным. Я прослежу за тем, чтобы замки поменяли сегодня же.

— В субботу? Да вы просто волшебник.

— Нет. Просто у меня есть великолепный замок «Ролодекс».

Кэтрин откинулась на спинку стула, расслабив плечи. Вокруг все бурлило, в то время как ее сейчас интересовал только один человек, чей голос успокаивал, придавал сил.

— А как вы? — спросила она.

— Боюсь, мой рабочий день только начинается. — Он отвлекся чтобы ответить на чей-то вопрос — кажется, насчет того, куда складывать вещдоки. Слышны были и другие голоса. Она представила его в спальне Нины Пейтон, где все напоминало о недавнем ужасе. А между тем голос его был спокойным и невозмутимым.

— Вы позвоните мне, как только она проснется? — спросил Мур.

— Детектив Кроу кружит тут, как стервятник. Уверена, он узнает это раньше, чем я.

— Как вы думаете, она проснется?

— Если честно? — произнесла Кэтрин. — Не знаю. Я твержу об этом детективу Кроу, но он и слышать не хочет.

— Доктор Корделл! — позвала медсестра, дежурившая в боксе Нины Пейтон. Ее интонации сразу насторожили Кэтрин.

— В чем дело?

— Вы должны сами посмотреть.

— Что-то случилось? — забеспокоился Мур.

— Не вешайте трубку. Я пойду проверю. — Она встала со стула и прошла в бокс.

— Я протирала ее влажной губкой, — сказала медсестра. — Ее принесли из операционной всю в крови. Я перевернула ее на бок и увидела это. Сзади на левом бедре.

— Покажите.

Медсестра взялась за плечо и бедро пациентки и повернула ее на бок.

— Вот, — тихо произнесла она.

Страх сковал Кэтрин. Она уставилась на веселое послание, написанное черным фломастером на коже Нины Пейтон.

«С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ. КАК ТЕБЕ МОЙ ПОДАРОК?»

Мур отыскал ее в больничном кафе. Она сидела за угловым столиком, спиной к стене, что было естественно для человека, который знает о существующей угрозе и предпочитает получить удар в лицо. Она все еще была в хирургическом костюме, а волосы затянуты в конский хвост; на ненакрашенном лице выделялись заострившиеся черты и глаза, мерцавшие тревожным блеском. Она устала не меньше, чем он, но страх обострил ее чувства, придавал настороженности, и она, словно дикая кошка, следила за каждым его движением, пока он шел к столику. Перед ней стояла недопитая чашка кофе. «Которая по счету?» — подумал он. Когда она потянулась к чашке, он заметил, что рука у нее дрожит. Это была не уверенная рука хирурга, а рука насмерть перепуганной женщины. Он сел напротив нее.

— У вашего дома всю ночь будет дежурить патрульная машина. Вы получили новые ключи?

Она кивнула.

— Да, слесарь завез их мне. Сказал, что поставил лучшие в мире замки.

— Все будет в порядке, Кэтрин.

Она уставилась в свою чашку.

— Это послание было адресовано мне.

— Мы этого не знаем.

— Вчера у меня был день рождения. Он знал. И знал, что у меня дежурство.

— Если это он написал.

— Не надо делать из меня дуру. Вы знаете, что это он.

Выдержав паузу, Мур удрученно кивнул.

Какое-то время они сидели молча. Близился вечер, и большинство столиков уже были свободны. Официанты убирали подносы, гремели посудой. Одинокая кассирша распаковала новую упаковку с мелочью, и монеты шумно посыпались в ящик кассы.

— Что в моем кабинете? — спросила Кэтрин.

— Он не оставил отпечатков пальцев.

— Выходит, у вас на него ничего нет.

— Ничего, — признался Мур.

— Он, как воздух, входит в мою жизнь и выходит из нее. Никто его не видит. Никто не знает, как он выглядит. Я могу поставить решетки на все окна и все равно буду бояться заснуть.

— Вам не обязательно возвращаться домой. Я отвезу вас в отель.

— Неважно, где я спрячусь. Он все равно узнает, где я. По какой-то необъяснимой причине он выбрал меня. И дал мне понять, что я следующая.

— Я так не думаю. Это было бы величайшей глупостью с его стороны — предупреждать свою следующую жертву. А Хирург далеко не глуп.

— Почему тогда он дал мне знак? Зачем писать на... — Она с трудом сглотнула слюну.

— Это можно истолковать и как вызов нам. Он нашел способ подразнить полицию.

— Тогда этот ублюдок должен был написать вам! — Ее голос прозвучал так громко, что медсестра, наливавшая себе кофе, обернулась и уставилась на нее.

Раскрасневшись, Кэтрин встала из-за стола. Ей было стыдно за эту вспышку, и она молчала, когда они вместе выходили из больницы. Ему хотелось взять ее за руку, но он подумал, что она еще больше разозлится, приняв это за снисходительный жест. Меньше всего ему хотелось показаться снисходительным. Она, как никакая другая женщина на свете, заслуживала уважения.

Усаживаясь к нему в машину, она спокойно произнесла:

— Я погорячилась. Извините.

— В такой ситуации у любого сдали бы нервы.

— Но не у вас.

Его улыбка получилась иронической.

— Я, конечно, кремень.

— Да, я заметила.

«И что бы это значило?» — думал он, пока они ехали в Бэк-Бэй. Неужели она считает, что ему чужды страсти, бушующие в сердце нормального человека? С каких это пор ясная логика означает отсутствие эмоций? Он знал, что коллеги за глаза называют его Святым Томасом Безмятежным. Для них он был человеком, к которому обращаются, когда ситуация становится взрывоопасной и нужен его спокойный взгляд на вещи. Они не знали другого Томаса Мура — человека, который по ночам стоял перед гардеробом жены, вдыхая угасающий аромат ее одежды. Они видели только то, что он позволял им видеть.

— Вам легко сохранять спокойствие. Он ведь не за вами охотится, — произнесла Кэтрин с оттенком вызова.

— Давайте попытаемся рассуждать рационально...

— Рассуждать о собственной смерти? Конечно, я постараюсь быть рациональной.

— Хирург выработал удобную для себя модель поведения. Он нападает ночью, а не днем. В глубине души он трус, который не может противостоять женщине на равных. Ему нужно, чтобы жертва была слабой и уязвимой. Скажем, сонная, в постели. Лишенная возможности сопротивляться.

— Может, мне теперь и спать не ложиться? — горестно усмехнулась Кэтрин. — Что ж, это самое простое решение.

— Я хочу сказать, что он не станет нападать в дневное время, когда жертва способна дать отпор. В темноте — другое дело.

Мур остановил машину возле ее дома. Здание, хотя и лишенное очарования старинных особняков на Коммонуэлт-авеню, имело неоспоримое преимущество: подземный и хорошо освещенный гараж. Для входа в дом одних только ключей было недостаточно, нужно было знать секретный код, который Кэтрин и набрала на панели домофона.

Они вошли в вестибюль, с зеркалами на стенах и полами из полированного мрамора. Все было очень красиво, но стерильно. Холодно. Бесшумный лифт поднял их на второй этаж.

Возле двери в свою квартиру она в нерешительности остановилась, держа в руке связку новых ключей.

— Я могу зайти первым и посмотреть, если вам так спокойнее, — сказал он.

Его предложение, казалось, было воспринято ею как личное оскорбление. В ответ Кэтрин решительно вставила ключ в замочную скважину, открыла дверь и вошла первой. Таким демаршем она словно пыталась убедить себя в том, что Хирургу не удалось сломить ее. Что она по-прежнему хозяйка своей судьбы.

— Почему бы нам не пройти по комнатам? — предложил Мур. — Просто чтобы убедиться, что обстановка не нарушена.

Она кивнула.

Вместе они зашли в гостиную, потом на кухню. И, наконец, в спальню. Уже зная о привычке Хирурга прихватывать у женщин какие-то вещицы, она с особой тщательностью проверила содержимое шкапулки с украшениями, заглянула в ящички комода. Мур стоял в дверях, наблюдая за тем, как она роется в блузках, свитерах, белье. Ему вдруг вспомнились совсем другие женские вещи — не такие элегантныe, — сложенные в чемодане. Серый свитер, линиялая розовая блузка. Ситцевая ночная сорочка в голубых васильках. Ничего модного, ничего дорогостоящего. Почему он никогда не покупал Мэри экстравагантных вещей? На что копил деньги? Разумеется, не на то, на что они в итоге были потрачены. На врачей и сиделок, физиотерапию и лекарства.

Он отошел от двери спальни и сел на диван в гостиной. Послеполуденное солнце, заглядывая в окно, нещадно слепило глаза. Он потер их и уронил лицо в ладони, испытывая чувство вины перед Мэри, о которой за весь день ни разу не вспомнил. Ему было стыдно. И ощущение стыда усилилось, когда он, подняв голову, посмотрел на Кэтрин, и все мысли о Мэри разом испарились. В этот момент он подумал: «Это самая красивая женщина на свете. И самая отважная из всех женщин».

— Все на месте, — с облегчением сообщила она. — Во всяком случае я не обнаружила никакой пропажи.

— Вы уверены в том, что хотите остаться здесь? Я бы с радостью отвез вас в отель.

Кэтрин подошла к окну, и ее профиль высветился в золотых лучах заката.

— Последние два года я прожила в постоянном страхе. Взаперти. Я привыкла заглядывать в каждый угол, рыться в шкафах. С меня довольно. — Она обернулась к нему. — Я хочу вернуться к жизни. На этот раз я не позволю ему одержать верх.

«На этот раз», — сказала она, как будто речь шла о битве в затяжной войне. Как будто Хирург и Эндрю Капра слились в единое целое, и два года тому назад ей удалось ослабить врага, но не победить окончательно. Капра.

Хирург. Две головы одного чудовища.

— Вы говорили, что ночью у дома будет дежурить патрульная машина, — проговорила она.

— Да, будет, — подтвердил Мур.

— Вы это гарантируете?

— Безусловно.

Она глубоко вздохнула и улыбнулась ему, стараясь казаться невозмутимой.

— Ну тогда мне не о чем беспокоиться, правда?

* * *

Именно чувство вины заставило его в тот вечер поехать в Ньютон, а не домой. Он был потрясен своим чувством к Корделл и тем, что теперь она полностью завладела его мыслями. В течение полутора лет после смерти Мэри он жил по-монашески, не проявляя ни малейшего интереса к женщинам. Казалось, из всех страстей человеческих ему была оставлена только печаль. Он не знал, что делать с внезапно вспыхнувшим желанием. Знал только, что в сложившейся ситуации оно было совершенно неуместно. И выглядело верным признаком предательства по отношению к некогда любимой женщине.

Потому-то он и ехал в Ньютон, чтобы искупить свой грех. Восстановить душевное равновесие.

Он держал букет ромашек, когда входил в палисадник, запирая за собой калитку. «Приходить сюда с цветами все равно что приезжать со своим углем в Ньюкасл», — думал он, оглядывая сад, уже утопавший в вечерней тени. Каждый раз, когда он оказывался здесь, ему казалось, будто на этом маленьком пятачке цветов стало еще больше. Виноградная лоза и плети роз тянулись к самой крыше дома, да и весь сад как будто стремился в небо. Ему стало совестно за свой жалкий букет ромашек. Но это были любимые цветы Мэри, и у него давно уже вошло в привычку, подходя к цветочному ларьку, выбирать именно их. Она любила жизнерадостную простоту белой бахромки вокруг ярких солнышек, любила их запах — не сладкий и насыщенный, а горьковатый. Пряный. Она любила их дикие заросли у обочин и на полянах, напоминающие о том, что настоящая красота естественна и необузданна.

Как и сама Мэри.

Он позвонил в дверь. И уже через мгновение ему улыбалось лицо, до

боли напоминавшее Мэри. У Роуз Коннели были такие же, как у дочери, голубые глаза и круглые щеки, и, хотя волосы ее стали совсем седыми, а возраст избородил лицо морщинами, нельзя было усомниться в том, что она мать Мэри.

— Как я рада видеть тебя, Томас, — сказала она. — Ты давно не приезжал.

— Извини, Роуз. Я был очень занят. Даже не замечал, какой день недели.

— Я слежу за твоим расследованием по телевизору. Ну и работка у тебя, не позавидуешь.

Он вошел в дом и вручил ей букет ромашек.

— Хотя у тебя и так много цветов, — устало произнес он.

— Цветов никогда не бывает слишком много. И ты знаешь, как я люблю ромашки. Хочешь чаю со льдом?

— Спасибо, с удовольствием.

Они устроились в гостиной. Чай был сладкий и золотистый, каким его пьют в Южной Каролине, где родилась Роуз. Он совсем не напоминал тот унылый напиток, который Мур помнил по своему детству, проведенному в Новой Англии. Комната тоже была приторной, безнадежно старомодной по бостонским стандартам. Слишком много набивного ситца, слишком много безделушек. Но как же здесь все напоминало о Мэри! Она была повсюду. Ее фотографиями были увешаны стены. Трофеями, завоеванными в соревнованиях по плаванию, были уставлены книжные полки. Здесь же, в гостиной, стояло ее детское пианино. Призрак этого ребенка до сих пор витал в этом доме, где она выросла. И Роуз, хранительница домашнего очага, была так похожа на свою дочь, что Муру иногда казалось, что ее голубыми глазами на него смотрит сама Мэри.

— Ты выглядишь усталым, — заметила она.

— Правда?

— Ты так и не был в отпуске?

— Меня отозвали. Я уже был в машине, ехал по автостраде. Главное, упаковал свои рыбацкие принадлежности. Купил новые снасти. — Он вздохнул. — Я скучаю по озеру. Весь год жду этой поездки.

Мэри тоже всегда с нетерпением ожидала поездки к озеру. Он посмотрел на ее спортивные трофеи, расставленные на книжных полках. Она была прирожденной русалкой, и, будь у нее жабры, с удовольствием жила бы в воде. Он вспомнил, как красиво и мощно двигались ее руки, когда она переплывала озеро. И как те же самые руки повисли беспомощными плетями в больнице.

— Когда дело будет раскрыто, — сказала Роуз, — ты сможешь поехать на озеро.

— Не знаю, будет ли оно вообще раскрыто.

— Это на тебя не похоже. Ты что-то утратил боевой дух.

— Это преступление совсем иного рода, Роуз. Я никак не могу понять логику убийцы.

— Но тебе всегда это удавалось. — Она ободряюще улыбнулась.

— Всегда? — Он покачал головой. — Ты мне льстишь.

— Во всяком случае, так говорила Мэри. Ты же знаешь, она любила похвастать твоими успехами. «Он обязательно поймает преступника».

«Но какой ценой!» — подумал он, и улыбка померкла на его губах. Ему вспомнились ночи, проведенные не дома, а на месте преступления, пропущенные ужины, выходные, наполненные мыслями о работе. А рядом всегда была Мэри, терпеливо ожидавшая его внимания.

«Если бы мне удалось прожить заново хотя бы один день, я бы каждую минуту этого дня провел с тобой. Не выпуская тебя из постели. Нашептывая нежные слова под теплыми простынями».

Но Господь не делает таких подарков.

— Она так гордилась тобой, — добавила Роуз.

— А я гордился ею.

— Вы провели вместе двадцать счастливых лет. Не всем так везет.

— Я жадный, Роуз. Я хотел еще.

— И злишься, что тебя этого лишили.

— Да, наверное. Я злюсь из-за того, что именно у нее обнаружилась эта аневризма. И что именно ее не смогли спасти. Я злюсь... — Он запнулся. Глубоко вздохнул. — Извини. Просто тяжело об этом говорить. И вообще все тяжело в последнее время.

— Для нас обоих, — тихо произнесла она.

Они молча смотрели друг на друга. Да, конечно, овдовевшей Роуз было гораздо больнее потерять своего единственного ребенка. Он подумал, сможет ли она простить его, если он вдруг когда-нибудь женится. Или сочтет это предательством? Забвением ее дочери?

Он вдруг поймал себя на том, что не может смотреть ей в глаза, и отвернулся, вновь испытывая чувство вины. Той самой вины, которая не давала ему покоя сегодня, когда он взглянул на Кэтрин Корделл и ощутил прилив желаний.

Мур отставил пустой стакан и поднялся.

— Мне нужно ехать.

— Опять работать?

— Да, пока не поймаем его.

Она проводила его до двери и смотрела вслед, пока он шел через ее крохотный садик к калитке. Он обернулся и сказал:

— Запрись как следует, Роуз.

— О, ты всегда мне об этом говоришь, Томас.

— И всегда серьезно. — Он махнул ей рукой, подумав: «А сегодня больше, чем когда-либо».

* * *

«Куда мы ходим, зависит от того, что мы знаем. А что мы знаем, зависит от того, куда мы ходим».

Вновь и вновь повторяя эту фразу, словно надоевшую детскую считалку, Риццоли разглядывала карту Бостона, которую прикрепила на стену своей кухни в тот же день, когда было обнаружено тело Елены Ортис. По ходу расследования количество цветных булавок на карте увеличивалось. Три разных цвета символизировали трех разных женщин. Белые были выбраны для Елены Ортис. Голубые — для Дианы Стерлинг. Зеленые — для Нины Пейтон. Булавки очерчивали районы города, в которых проходила жизнь женщин. Место жительства, место работы. Дома близких друзей или родственников. Адреса медицинских учреждений, куда обращались потерпевшие. Иными словами, это была среда обитания добычи. И в какой-то точке повседневной жизни все три женщины обязательно пересекались с Хирургом.

«Куда мы ходим, зависит от того, что мы знаем. А что мы знаем, зависит от того, куда мы ходим».

«А куда ходил Хирург? — заинтересовалась она. — Каков был его мир?»

Поглощая холодный ужин, состоявший из сэндвича с тунцом и картофельных чипсов, и запивая его пивом, она изучала карту. Джейн повесила ее над столом, так что каждое утро за чашкой кофе и каждый вечер за ужином — если, конечно, приходила домой, — взгляд ее неизменно тянулся к этим разноцветным булавкам. В то время как другие женщины развешивали на стенах натюрморты с цветами, милые пейзажи или постеры с фотографиями любимых киноактеров, она украсила свои апартаменты картой города с маршрутами убитых.

Вот к чему свелась ее жизнь: сон, еда, работа. Она жила в этой квартире вот уже три года, но так и не удосужилась создать в ней уют.

Здесь не было цветов (а кто бы их поливал?), глупых безделушек, не было даже штор на окнах. Лишь жалюзи. Дом ее, как и вся жизнь, был подчинен работе. Она любила свое дело и жила ради него. Насколько помнила, стать полицейским она мечтала с двенадцати лет, после того как к ним в школу на День выбора профессии пришла женщина-следователь. Сначала класс слушал выступления медсестры и адвоката, затем пекаря и инженера. Ученики все активнее ерзали за партами, вскоре в ход пошли рогатки, стрелявшие бумажными шариками. И вот подошла очередь женщины-полицейского. Когда она встала и все увидели у нее на поясе кобуру, в классе сразу стало тихо.

Риццоли это врезалось в память. Она никогда не забывала, как мальчишки-одноклассники восторженно глазели на женщину в полицейской форме.

Теперь она сама была такой же женщиной-полицейским, и, хотя и вызывала восхищение у двенадцатилетних мальчишек, уважения со стороны взрослых мужчин видела мало.

«Будь лучшей» — такова была ее стратегия. Обойди их в работе, засияй на их фоне. Так вот и получилось, что работать ей приходилось даже за ужином. Трупы в сочетании с сэндвичами. Она сделала большой глоток пива, откинулась на спинку стула и вновь уставилась на карту. Было что-то противоестественное в изучении географии мертвых — мест, где они жили, где проводили время. На вчерашнем совещании доктор Цукер буквально засыпал их профессиональными терминами. Места залегания. Точки пересечения орбит. Арена действий. По правде говоря, ей не нужны были мудреные словечки Цукера и компьютерные программы, чтобы понять, что искать и как это интерпретировать. Глядя на карту, она представляла себе саванну, кишашую добычей. Цветные булавки определяли среду обитания каждой из трех невезучих газелей. Диана Стерлинг обитала на севере, в Бэк-Бэй и Бикон-Хилл. Елена Ортис — на юге, в Саут-Энд. Нина Пейтон — на юго-западе, в пригороде Джамайка-Плейн. Три ареала, не пересекающиеся ни в одной точке.

«А где обитаешь ты?»

Она попыталась посмотреть на город его глазами. Увидела каньоны из небоскребов. Зеленые парки, напоминавшие пастбища. Тропки, по которым брели стада тупой добычи, не подозревая о том, что за ними наблюдает охотник. Блуждающий хищник, который убивает в разное время и в разных местах.

Зазвонил телефон — от неожиданности Джейн вздрогнула, опрокинув бутылку с пивом. Проклятье! Она схватила бумажное полотенце и

принялась вытирать лужу на столе, одновременно отвечая на звонок.

— Риццоли.

— Здравствуй, Джейни! — раздался в трубке голос ее матери.

— О, привет, мам.

— Ты мне так и не перезвонила.

— Да?

— Я звонила тебе на днях, — В голосе матери угадывалось скрытое недовольство. — Ты сказала, что перезвонишь, но я так и не дождалась.

— Просто вылетело из головы. У меня работы невпроворот.

— Фрэнки приезжает на следующей неделе. Правда, здорово?

— Да. — Риццоли вздохнула. — Здорово.

— Ты видишься с братом раз в год. Откуда такое безразличие в голосе?

— Ма, я устала. Это дело Хирурга растет как снежный ком.

— Так полиция еще не поймала его?

— Я и есть полиция, — заметила Джейн.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Да, она знала. Ее мать, вероятно, представляла, что маленькая Джейни отвечает на телефонные звонки и подает кофе важным детективам-мужчинам.

— Ты ведь приедешь на обед? — тут же сменила тему мать. — В следующую пятницу.

— Не уверена. Все зависит от того, как пойдет дело.

— О, ты могла бы приехать ради родного брата.

— Если тебе так важно, чтобы я приехала, — ровным голосом проговорила Джейн, — я могу это сделать в любой другой день.

— В другой день нельзя. Майк уже согласился приехать в пятницу.

«Ну, конечно. Всем надо ублажать братца Майкла».

— Джейни?

— Да, ма. В пятницу.

Она повесила трубку, чувствуя, что ее просто распирает от злости — чувства, хорошо ей знакомого. Господи, как же она выжила в условиях такого сурового детства?

Она взяла бутылку с пивом и допила то, что в ней оставалось. Вновь взглянула на карту. Сейчас для нее не было дела важнее поимки Хирурга. Ярость, накопившаяся за долгие годы унижений со стороны старших братьев, теперь выплеснулась на него.

«Кто же ты? Где ты бродишь?»

На какое-то время она замерла, сосредоточившись. Размышляя. Потом схватила коробку с булавами и выбрала новый цвет. Красный. Одну

красную булавку она поместила на Коммонуэлт-авеню, другую — возле медицинского центра «Пилгрим» в Саут-Энд.

Красный цвет обозначил среду обитания Кэтрин Корделл. Она пересекалась как с Дианой Стерлинг, так и с Еленой Ортис. Корделл была их общим звеном. Она проходила по жизни обеих жертв.

«И теперь в ее руках была жизнь третьей жертвы, Нины Пейтон».

Глава 10

Даже по понедельникам в баре «Грамерси» былолюдно. Начиная с семи вечера сюда тянулись одинокие клерки, готовые завязать новые знакомства. Этот бар давно стал местом встреч.

Риццоли устроилась за столиком недалеко от входа, и каждый раз, когда двери распахивались, чтобы впустить еще одного офисного клона или Барби на трехдюймовых каблуках, ее обдавало горячим воздухом с улицы. Риццоли, как всегда, в своем мешковатом брючном костюме и туфлях на плоской подошве, чувствовала себя школьной надзирательницей. Она увидела, как в бар зашли две дамы, холеные, как кошки, благоухающие сложным ароматом духов. Риццоли никогда не пользовалась духами. Ее запас косметики исчерпывался единственным тюбиком губной помады, который хранился где-то в глубине шкафчика в ванной вместе с засохшей тушью для ресниц и флакончиком жидкой пудры. Все это она купила в универмаге лет пять назад, поддавшись иллюзии, будто с помощью правильно подобранного макияжа даже она сможет выглядеть, как Элизабет Херли. Продавщица долго втирала в нее кремы и пудры, накладывала бесконечные оттенки век и румян и, когда все было кончено, с торжествующим видом вручила Риццоли зеркало и с улыбкой спросила: «Ну, как вам ваш новый образ?»

Уставившись на свой новый образ, Риццоли в первую очередь подумала о том, что ненавидит Элизабет Херли за то, что та давала женщинам напрасную надежду. Жестокая правда заключалась в том, что некоторым женщинам не суждено стать красавицами, и Риццоли как раз принадлежала к их числу.

Вот и сейчас она сидела серой мышкой в углу, потягивая имбирный эль и наблюдая за тем, как бар постепенно наполнялся посетителями. Вскоре здесь стало шумно от разноголосицы, звона стаканов и кубиков льда, от смеха — излишне громкого и натужного, чтобы казаться естественным.

Риццоли встала из-за столика и направилась к стойке бара. Показав бармену свое удостоверение, она сказала:

— У меня есть пара вопросов.

Он едва взглянул на ее бейдж и, пробив в кассе сумму напитка, процедил:

— Валяйте, спрашивайте.

— Вы видели когда-нибудь здесь эту женщину? — Риццоли положила перед ним фотографию Нины Пейтон.

— Да, и вы не первый полицейский, который интересуется ею. Здесь была еще одна женщина из полиции примерно месяц тому назад.

— Из отдела по сексуальным преступлениям? — уточнила она.

— Наверное. Спрашивала, видел ли я кого-нибудь, кто пытался подцепить эту женщину с фотографии.

— Так вы видели?

Он пожал плечами.

— Сюда за тем и приходят, чтобы найти себе пару. Я не слежу, кто с кем уходит.

— Но вы помните эту женщину? Ее зовут Нина Пейтон.

— Я видел ее здесь несколько раз, обычно с подругой. Но имени ее я не знаю. И она уже давно не появляется.

— А знаете, почему?

— Не-а. — Он схватил тряпку и принялся протирать прилавок, потеряв к ней всякий интерес.

— Я вам скажу, почему, — произнесла Риццоли, начиная злиться. — Потому что какой-то ублюдок решил поразвлечься. И пришел сюда, чтобы найти себе добычу. Осмотрелся, увидел Нину Пейтон и подумал: «Какая кошечка». Разумеется, глядя на нее, он не видел перед собой человека. Она для него была всего лишь вещью, которой можно попользоваться и выбросить.

— Послушайте, зря вы мне все это рассказываете.

— Нет, не зря. И вам необходимо меня выслушать, потому что все это происходило у вас под носом, а вы предпочитали ничего не замечать. Какой-то негодяй подсыпает наркотик в ее стакан. Вскоре ей становится плохо, и она плетется в туалет. Тот самый негодяй подхватывает ее под руку и выводит на улицу. И вы ничего этого не видели?

— Нет, — выпалил он в ответ. — Не видел.

В баре вдруг стало тихо. Риццоли заметила, что на нее уставились десятки любопытных глаз. Не сказав больше ни слова, она отошла от стойки бара и вернулась за свой столик.

Через мгновение привычный гул голосов возобновился.

Она видела, как бармен подвинул два стакана с виски мужчине, и тот передал один из них своей спутнице. Видела, как тянутся к губам коктейли, как языки слизывают соль с краев бокалов с «Маргаритой», как запрокидываются головы, опорожняя стаканы с водкой, текилой и пивом.

И еще она видела, как мужчины смотрят на женщин. Она потягивала

свой имбирный эль и не чувствовала ни хмеля, ни опьянения — только злость. Она, одинокая женщина, сидящая в углу, единственная из всех присутствующих отчетливо сознавала, чем на самом деле является эта пивная. Это было место, где встречались хищник и добыча.

У нее запищал пейджер. Это Барри Фрост пытался связаться с ней.

— Что там за гвалт? — спросил Фрост, чей голос был еле слышен по сотовому телефону.

— Я в баре. — Она гневно обернулась к столику, который взорвался от хохота. — Что ты сказал?

— ... доктора на Марлборо-стрит. Я достал копию ее медицинской карты.

— Чьей карты?

— Дианы Стерлинг.

Риццоли тут же напряглась, вслушиваясь в далекий голос Фроста.

— Еще раз. Что это за доктор и почему к нему обращалась Стерлинг?

— Во-первых, доктор — это она. Доктор Бонни Джилспай. Гинеколог с Марлборо-стрит.

Последние слова утонули в очередном взрыве хохота. Риццоли прикрыла свободное ухо рукой, чтобы дослушать Фроста.

— Зачем к ней приходила Стерлинг? — прокричала она.

Но она и без того знала ответ; она буквально видела его перед собой, у стойки бара, где двое мужчин окружили женщину, словно львы, подкравшиеся к зебре.

— Изнасилование, — ответил Фрост. — Диана Стерлинг тоже была изнасилована.

— Итак, все трое были жертвами изнасилования, — заключил Мур. — Но ни Елена Ортис, ни Диана Стерлинг не заявляли об этом в полицию. Мы узнали о факте изнасилования Стерлинг только потому, что навели справки во всех близлежащих женских клиниках и гинекологических кабинетах, куда она могла обращаться. Стерлинг даже родителям не говорила об изнасиловании. Когда я позвонил им сегодня утром, они были в шоке, узнав об этом.

Было утро, но лица тех, кто его слушал, сидя за столом в зале совещаний, уже выглядели усталыми. Детективы явно недосыпали, и сейчас им предстоял очередной рабочий день после бессонной ночи.

Лейтенант Маркетт уточнил:

— Выходит, кроме этого гинеколога с Марлборо-стрит, никто и не знал об изнасиловании Стерлинг?

— Да. Это доктор Бонни Джилспай. Диана Стерлинг была у нее на приеме в первый и последний раз. А обратилась она к врачу потому, что боялась подцепить СПИД.

— А что доктору Джилспай известно об изнасиловании?

На вопрос ответил Фрост, который встречался с врачом. Он раскрыл папку, в которой лежала медицинская карта Дианы Стерлинг.

— Вот что записала доктор Джилспай: «Тридцатилетняя белая женщина просит сделать анализ на ВИЧ-инфекцию. Пять дней тому назад имела незащищенное половое сношение с партнером, ВИЧ-статус которого неизвестен. На мой вопрос, принадлежит ли партнер к группе риска, пациентка не ответила и разрыдалась. Выяснилось, что половой акт был принудительным, и она не знает имени насильника. Заявлять об изнасиловании не хочет. Отказывается обратиться в службу помощи жертвам насилия». — Фрост оторвал взгляд от бумаги. — Это вся информация, которую удалось получить доктору Джилспай. Она провела осмотр, взяла анализ на сифилис, гонорею, ВИЧ-инфекцию и попросила пациентку прийти на повторный анализ крови на ВИЧ. Пациентка так и не пришла. Потому что уже была мертва.

— И доктор Джилспай так и не заявила в полицию? Даже после убийства? — спросил лейтенант Маркетт.

— Доктор не знала о том, что ее пациентку убили. Она не следила за новостями.

— А что с уликами? Взяты образцы спермы?

— Нет. Пациентка... м-м... — Фрост покраснел от смущения. Были темы, обсуждать которые семьянину вроде Фроста было непросто. — Она спринцевалась несколько раз, сразу после изнасилования.

— Вы что, осуждаете ее? — возмутилась Риццоли. — Черт возьми, я бы тоже прибегла к спринцеванию лизолом.

— Три жертвы изнасилования, — подытожил Маркетт. — Это не простое совпадение.

— Если вы найдете насильника, — сказал Цукер, — думаю, вы найдете и убийцу. Что с ДНК, анализ которой взяли у Нины Пейтон?

— Ее сейчас исследуют в срочном порядке, — ответила Риццоли. — В лаборатории образец спермы пролежал два месяца, и они так и не удосужились исследовать его. Так что мне пришлось, мягко говоря, надавить на них. Нам остается только надеяться, что убийца фигурирует в банке данных КОДИС.

КОДИС представлял собой банк данных ФБР, составленный по образцам ДНК. Система еще только внедрялась, и в нее до сих пор не были

внесены генетические паспорта полумиллиона осужденных преступников. Вероятность того, что убийца окажется в числе тех, чьи ДНК уже имелись в базе данных, была ничтожно мала.

Маркетт взглянул на доктора Цукера.

— Наш неизвестный сначала насилует жертву, а спустя несколько недель возвращается, чтобы убить ее. Вы видите в этом какой-то смысл?

— Для нас в этом может и не быть никакого смысла, — сказал Цукер. — Только для него. Нельзя сказать, что это противоестественно для насильника — возвращаться и нападать на жертву во второй раз. Таким способом он предъявляет права на свою собственность. Ведь между жертвой и насильником устанавливаются отношения, пусть и патологические.

— Вы называете это отношениями? — фыркнула Риццоли.

— Да. Звучит отвратительно, но это так. Отношения, основанные на превосходстве. Сначала он морально уничтожает ее. Она становится уже не человеком, а вещью. Самое главное, что теперь об этом знает не только насильник, но и она сама. Сознание того, что женщина унижена, осквернена, возбуждает его, заставляя вернуться. В первый раз он метит свою жертву насилием. Потом приходит, чтобы предъявить права на полное господство.

Искалеченные души, подумал Мур. Вот что объединяло всех этих женщин. Ему вдруг пришло в голову, что и Кэтрин тоже среди них.

— Он не насиловал Кэтрин Корделл, — заметил Мур.

— Но она ведь тоже жертва насилия.

— Ее насильник вот уже два года как мертв. Как мог Хирург узнать в ней жертву? Как вообще она оказалась в поле его зрения? Она никому и никогда не рассказывала о том, что с ней произошло.

— Да, но она выходила в чат-рум, не так ли? Этот приватный сайт... — Цукер сделал паузу. — Господи! А что если он находит своих жертв в Интернете?

— Мы рассматривали такую возможность, — сказал Мур. — У Нины Пейтон вообще нет компьютера. Да и Корделл всегда сохраняла анонимность, выходя на сайт. Так что мы вновь возвращаемся к вопросу: почему Хирург заикнулся на Корделл?

— Похоже, она стала для него навязчивой идеей, — высказал свои соображения Цукер. — Ему безумно нравится дразнить ее. Он даже идет на риск, лишь бы отправить ей по электронной почте фотографию Нины Пейтон. И этот шаг оборачивается для него катастрофой. Фотография приводит полицию к Нине. Он торопится, не может завершить убийство, не

получает удовлетворения. Хуже того, он оставляет живого свидетеля. И это его самая большая ошибка.

— Это не было ошибкой, — не согласилась Риццоли. — Он изначально собирался оставить ее в живых.

Ее реплика вызвала скепсис у окружающих.

— А как же еще можно объяснить такой финт? — продолжила она. — Фотография, которую он отправил Корделл по электронной почте, была предназначена для того, чтобы мы зашевелились. Он послал ее и ждал нашей реакции. Ждал до тех пор, пока мы не позвонили на квартиру жертвы. Тогда он понял, что мы едем. И после этого полоснул ее по горлу, не доводя удар до смертельного, потому что хотел, чтобы мы нашли ее живой.

— О да, — скривился Кроу. — Все это было частью его плана.

— А какую цель он преследовал в таком случае? — спросил у Риццоли Цукер.

— Цель была обозначена надписью на бедре жертвы. Нина Пейтон была его подарком Корделл. Подарком, который должен был напугать ее до смерти.

Повисла пауза.

— Если так, то это сработало, — сказал Мур. — Корделл в шоке.

Цукер откинулся на спинку кресла и стал размышлять над теорией Риццоли:

— Слишком большой риск только для того, чтобы напугать одну женщину. Это признак мании величия. И может свидетельствовать о его неуравновешенности. Когда-то нечто подобное произошло с Джефффри Дамером и Тедом Банди. Они попросту утратили контроль над своими фантазиями. И стали беспечными. В итоге совершили массу ошибок.

Цукер поднялся и подошел к диаграмме, висевшей на стене. На ней уже были обозначены имена трех жертв. Внизу, под именем Нины Пейтон, он написал четвертое: Кэтрин Корделл.

— Она не одна из жертв — во всяком случае, пока. Но в каком-то смысле он определил ее как объект своего интереса. Как он вышел на нее? — Цукер оглядел собравшихся. — Вы беседовали с ее коллегами? Никто не вызвал у вас подозрений?

— Мы исключили Кеннета Кимбалла, врача пункта скорой помощи, — ответила Риццоли. — Он дежурил в ночь нападения на Нину Пейтон. Кроме того, мы опросили большинство мужского персонала хирургического отделения, а также врачей клиники.

— А как насчет партнера Корделл, доктора Фалко?

— Доктора Фалко мы не стали исключать.

Внимание Цукера сосредоточилось на Риццоли, и он уставился на нее странным взглядом. Взглядом «шизофреника», как называли его между собой полицейские из отдела убийств.

— Расскажите поподробнее, — тихо произнес он.

— У доктора Фалко безупречная репутация. Имеет диплом инженера по авионавигации Массачусетского технического университета. Доктор медицины, выпускник Гарварда. Проходил хирургическую практику в клинике Питера Бента Бригхэма. Воспитывался матерью-одиночкой, работал, пока учился и в колледже, и в медицинской школе. Летает на собственном самолете. Обаятелен. Конечно, не Мел Гибсон, но может вскружить голову.

Даррен Кроу расхохотался.

— Ха, Риццоли оценивает подозреваемых по степени их внешней привлекательности. Это что, стиль всех женщин-полицейских?

Риццоли смерила его ненавидящим взглядом.

— Я хочу сказать, — продолжила она, — что этот мужчина мог бы без труда очаровать любую женщину. Но, насколько мне известно от медсестер, единственная женщина, которая его интересуется, — это Корделл. Ни для кого не секрет, что он постоянно приглашает ее на свидания. А она упорно отказывается. Возможно, это ему порядком надоело.

— За доктором Фалко, конечно, стоит понаблюдать, — сказал Цукер. — Но давайте не будем торопиться и сужать круг подозреваемых. Попробуем оттолкнуться от личности самой Корделл. Могут ли быть иные причины, по которым Хирург выбрал ее на роль жертвы?

Мур был единственный, кто решился поставить вопрос по-другому.

— А что если она не просто очередная жертва в цепочке? Что если она всегда была объектом его внимания? Каждое из этих трех нападений в точности копировало прежние преступления в Джорджии. И очень похоже на то, что произошло с Корделл. Мы так и не попытались объяснить, почему он подражает Эндрю Капре. Как и то, почему он сосредоточился на единственной выжившей жертве Капры. — Мур ткнул пальцем в список имен. — Эти женщины — Стерлинг, Ортис, Пейтон — что если они всего лишь суррогат основной жертвы?

— Теория репрессивной мишени, — пояснил Цукер. — Вы не можете убить женщину, которую по-настоящему ненавидите, потому что она слишком сильна. Она внушает вам страх. Поэтому вы убиваете субститут — женщину, которая заменяет вам изначальную мишень.

— Вы хотите сказать, что реальной мишенью для него всегда была

Корделл? — спросил Фрост. — Но он ее боится?

— По той же самой причине Эдмунд Кемпер смог убить свою мать только на закате своей преступной карьеры, — проговорил Цукер. — Все это время она была реальной мишенью — женщина, которую он ненавидел. Но вместо нее он направил свою ярость на других. Каждым убийством он символически уничтожал свою мать. Он не мог убить ее, во всяком случае, поначалу, поскольку она имела большую власть над ним. В каком-то смысле он боялся ее. Но с каждым злодеянием он обретал все большую уверенность в себе. Силу. И в итоге совершил то, что составляло смысл его жизни. Он разможил матери череп, изнасиловал ее и расчленил. И в качестве последнего оскорбления разорвал ей глотку и выбросил ее на помойку. Настоящий объект его злобы был уничтожен. Вот на этом Эдмунд Кемпер и закончил свои кровавые похождения и сдался властям.

Барри Фросту, который отличался тем, что обычно блевал на месте преступления, явно стало не по себе при мысли о зверском финале в исполнении Кемпера.

— Выходит, первые три нападения, — заметил он, — могут оказаться лишь разминкой перед главным событием?

Цукер кивнул:

— Да, перед убийством Кэтрин Корделл.

* * *

Муру стало больно, когда он увидел улыбку на лице Кэтрин, которая вышла в приемную клиники встретить его. Он знал, что его вопросы мигом разрушат ее душевный покой. Глядя на нее сейчас, он видел перед собой вовсе не жертву, а красивую, полную сил женщину, которая сразу же взяла его за руку и, казалось, неохотно отпустила ее после рукопожатия.

— Надеюсь, я не помешал, — сказал он.

— У меня для вас всегда найдется время. — Она вновь мило улыбнулась. — Может, чашку кофе?

— Нет, спасибо. Не стоит.

— Тогда пойдемте ко мне в кабинет.

Кэтрин села за стол и приготовилась выслушать от него новости. За последние несколько дней она научилась доверять ему, и в ее взгляде уже не было прежней настороженности. Ранимости. Он сумел убедить ее в том, что он друг.

И вот теперь ему предстояло разрушить эту дружбу.

— Ни у кого не осталось сомнений в том, — начал он, — что Хирург охотится за вами.

Она кивнула.

— Нам непонятно только одно: почему. Почему он копирует почерк Эндрю Капры? Почему именно вы оказались в центре его внимания? Вы можете найти этому объяснение?

В ее глазах промелькнуло удивление.

— Понятия не имею.

— А нам кажется, что вам это известно.

— Откуда я могу знать, что у него на уме?

— Кэтрин, он может напасть на любую женщину в Бостоне. Может выбрать женщину совершенно неподготовленную, даже не подозревающую, что за ней охотятся. Это было бы вполне логично — найти самую легкую жертву. Вы же наиболее сложный вариант добычи, поскольку все время начеку. И он еще больше усложняет себе задачу, посылая вам предупреждение. Он как будто дразнит вас. Почему?

Взгляд ее утратил недавнюю приветливость. Она вдруг расправила плечи и, сжав руки в кулаки, тяжело опустила их на стол.

— Я вам еще раз повторяю: я не знаю.

— Вы — единственная физическая связь между Эндрю Капррой и Хирургом, — продолжил Мур. — Их общая жертва. Все складывается так, будто Капра до сих пор жив и пытается продолжить начатое дело, двигаясь от точки, на которой остановился, — от вас, жертвы, которой удалось остаться в живых.

Кэтрин уставилась на свой стол, на аккуратно сложенные папки. На медицинскую карту, которую заполняла своим четким почерком. Хотя она и казалась спокойной, костяшки ее пальцев побелели, словно выточенные из слоновой кости.

— Что вы не рассказали мне об Эндрю Капре? — тихо спросил он.

— Я ничего от вас не утаила.

— В ночь нападения — почему он пришел к вам домой?

— Это так важно для следствия?

— Вы были единственной жертвой, с которой Капра был лично знаком. Другие — случайные женщины, которых он подбирал в барах. Вы были не такой. И он выбрал вас.

— Он был... возможно, он разозлился на меня, — неуверенно проговорила она.

— Он пришел к вам, чтобы поговорить о чем-то, связанном с работой. О допущенной им ошибке. Так вы сказали детективу Сингеру.

Она кивнула.

— Это была не просто случайная ошибка. Их было слишком много, врачебных ошибок. Он совершенно не следил за результатами анализов крови. Это было верхом беспечности. Я поругалась с ним в тот день в больнице.

— Что вы ему сказали?

— Я сказала, что ему нужно подыскать себе другую специальность. Потому что я не собираюсь рекомендовать его на второй год стажировки.

— Он угрожал вам? Как-то выражал свою злость?

— Нет. Это было очень странно. Он смиренно принял мои упреки. И... улыбнулся мне.

— Улыбнулся?

Она снова кивнула.

— Да, как будто все это не имело для него никакого значения.

Мур содрогнулся, представив себе эту картину. Ей тогда и в голову не могло прийти, что улыбка Капры была всего лишь прикрытием его беспредельной ярости.

— А потом, вечером, у вас дома, — произнес Мур, — когда он напал на вас...

— Я уже все подробно рассказала. Вы можете прочитать это в моем заявлении.

Мур сделал паузу. И неохотно продолжил:

— Есть вещи, о которых вы не рассказали Сингеру, умолчали.

Она вскинула голову, и ее щеки запылали от гнева.

— Я ни о чем не умалчивала!

Ему было невозможно продолжать этот допрос, но выбора не было.

— Я еще раз просмотрел протокол вскрытия Капры, — сказал он. — Кое-что не совпадает с теми показаниями, которые вы дали полиции Саванны.

— Я рассказала детективу Сингеру в точности все, как было.

— Вы сказали, что лежали, свесившись с кровати. Потом перегнулись, чтобы достать пистолет. С этой позиции вы целились в Капру и затем выстрелили. — Мур пристально посмотрел на нее.

— Так и есть. Клянусь.

— Согласно протоколу вскрытия пуля прошла через живот и далее через грудной отдел позвоночника, парализовав его. Это совпадает с вашими показаниями.

— Тогда почему вы говорите, что я лгу?

Мур опять выдержал паузу и, преодолев жесточайшее внутреннее

сопротивление, заставил себя продолжить. Чтобы вновь сделать ей больно.

— Проблема со вторым выстрелом, — сказал он. — Он был сделан с близкого расстояния, прямо в его левый глаз. А ведь вы в это время лежали на полу.

— Должно быть, он нагнулся, тогда я и выстрелила...

— Должно быть? — повторил он.

— Я не знаю. Не помню.

— Вы не помните, как сделали второй выстрел?

— Нет. Да...

— Где правда, Кэтрин? — Он произнес это тихо, но его слова все равно больно жалили.

Она вскочила с кресла.

— Со мной нельзя так разговаривать. Не забывайте, что я — жертва.

— Я и пытаюсь уберечь вас от гибели. Для этого мне необходимо знать правду.

— Я уже сказала всю правду! А теперь, думаю, вам пора уйти. — Она подошла к двери, широко распахнула ее и опешила, издав изумленный возглас.

Прямо за дверью стоял Питер Фалко, застигнутый как раз в тот момент, когда он хотел постучать.

— С тобой все в порядке, Кэтрин? — спросил Питер.

— Все прекрасно, — выпалила она.

Взгляд Питера заметно посуровел, когда он увидел Мура.

— Это что, домогательство со стороны полиции?

— Я просто беседую с доктором Корделл, вот и все.

— Из коридора это слышится несколько иначе. — Питер перевел взгляд на Кэтрин. — Хочешь, я выставлю его отсюда?

— Я сама справлюсь.

— Ты не обязана отвечать ни на какие вопросы.

— Я хорошо это знаю, спасибо.

— Ладно. Но, если я тебе понадоблюсь, я здесь, рядом. — Питер бросил на Мура еще один угрожающий взгляд, потом развернулся и направился в свой кабинет. Из приемной на нее изумленно смотрели Хелен и бухгалтер. Разозлившись еще больше, она шумно захлопнула дверь. Какое-то мгновение она стояла там, спиной к Муру. Потом спина ее выпрямилась, и она обернулась. Даже если бы она ответила ему — сейчас или позже, вопросы все равно бы остались.

— Я ничего от вас не утаила, — сказала она. — Если даже я что-то и не рассказала, так только потому, что не помню.

— Значит, ваше заявление, сделанное для полиции Саванны, нельзя считать полностью правдивым.

— Я находилась в больнице, когда делала заявление. Детектив Сингер подсказывал мне, что случилось, помогая воссоздать картину. Я рассказала ему все, что считала правдой на тот момент.

— А теперь вы в этом не уверены.

Она покачала головой.

— Трудно сказать, какие воспоминания реальны. Я слишком многого не могу вспомнить из-за того лекарства, которое мне подсыпал Капра. Рогипнола. Раньше меня часто мучили видения. Но я не знаю какие из них считать правдой.

— У вас до сих пор бывают такие видения?

— Последнее было этой ночью. Причем впервые за несколько месяцев. Мне казалось, я уже избавилась от них. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. Вид из окна портила нависавшая бетонная конструкция. Окна ее кабинета выходили на больничный корпус, и перед глазами рядами тянулись окна палат. Отсюда можно было украдкой заглянуть в мир больных и умирающих.

— Два года казались большим сроком, — проговорила она. — Достаточным, чтобы все забыть. Но на самом деле два года — это ничто. Ничто. После той ночи я не смогла вернуться в собственный дом. Не могла ступить туда, где все это произошло. Отец собрал мои вещи и помог переехать в другое место. Представляете, я, опытный врач-хирург, привыкший к виду крови и смерти. И при этом меня бросало в холодный пот от одной только мысли, что я переступлю порог своей спальни. Отец пытался понять меня, но он старый вояка. Он не признает слабости. Он смотрит на случившееся как на очередную рану, полученную в бою, считая, что она затянется и можно будет вернуться к привычной жизни. Он уговаривал меня повзрослеть и справиться с этим. — Она покачала головой и рассмеялась. — «Справиться». Как будто это так легко. Он даже не представлял себе, насколько мне тяжело вообще выходить утром на улицу. Идти к своей машине. На виду у всех. Вскоре я перестала говорить с ним на эту тему, зная, что он презирает мою слабость. Я месяцами не звонила ему...

Кэтрин перевела дыхание и заставила себя продолжить:

— Прошло два года, прежде чем мне наконец удалось взять себя в руки и зажить нормальной жизнью, расслабиться, чтобы уже не шарахаться от каждого куста. Я вернулась к жизни. — Она смахнула что-то невидимое с глаз. Скорее всего, это были слезы. Голос ее опустился до шепота. — А

сейчас я вновь утратила ее...

Она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться, и стояла, обхватив себя руками, впиваясь пальцами в рукава халата. Мур поднялся со стула и подошел к ней. Встал у нее за спиной, думая о том, что будет, если он прикоснется к ней. Отстранится ли она? Не оскорбит ли ее одно лишь прикосновение мужской руки? Он беспомощно смотрел на то, как она в одиночку борется с собой, и ему казалось, что она вот-вот рассыплется у него на глазах.

Мур нежно тронул ее за плечо. Она не поморщилась, не отстранилась. Он повернул ее к себе, обнял и прижал к груди. Глубина ее боли потрясла его. Он чувствовал, как вибрирует ее тело. Хотя она не издавала ни звука, он слышал ее судорожное дыхание, сдавленные всхлипы. Он прижался губами к ее волосам. Он уже не мог сдерживаться; ее беззащитность пробудила в нем желание. Взяв ее лицо в ладони, он поцеловал ее в лоб, в брови.

Она замерла в его объятиях, и он подумал: «Я переступил грань». И тут же выпустил ее.

— Извините, — сказал он. — Этого нельзя было делать.

— Да, наверное.

— Вы сможете забыть о том, что это было?

— А вы? — тихо спросила она.

— Да. — Он выпрямился. И произнес это снова, уже твердым голосом, словно пытаясь убедить самого себя. — Да.

Кэтрин посмотрела на его руку, и он сразу догадался, что привлекло ее внимание. Обручальное кольцо.

— Надеюсь, ради своей жены вы сможете забыть это, — произнесла она. Ее слова призваны были пробудить в нем чувство вины; так оно и произошло.

Он взглянул на свое кольцо — скромное золотое кольцо, которое он носил так давно, что оно, казалось, уже вросло в палец.

— Ее звали Мэри, — сказал он. Нетрудно было догадаться, о чем подумала Кэтрин: он предает свою жену. И у него возникло отчаянное желание объясниться, реабилитировать себя в ее глазах. — Это случилось два года назад. Кровоизлияние в мозг. Оно не убило ее, вернее, убило не сразу. В течение шести месяцев я все надеялся, ждал, что она очнется... — Он покачал головой. — Хроническое вегетативное состояние, как называли это врачи. Господи, как же я возненавидел это слово: «вегетативное». Как будто она была растением или деревом. Это казалось насмешкой над той женщиной, какой она была когда-то. К тому времени, когда она умерла, я с

трудом узнавал ее. В ней не осталось ничего от прежней Мэри.

Ее прикосновение удивило его, он вздрогнул от живого контакта. Молча они смотрели друг на друга, и он думал: «Ни поцелуи, ни объятия не могут сделать людей ближе, чем мы есть сейчас. Самое глубокое чувство, которое могут разделить друг с другом люди, не любовь и не страсть, а боль».

Зуммер телефона внутренней связи разрушил очарование момента. Кэтрин моргнула, как будто вдруг вспомнив, где находится. Она вернулась к столу и нажала на кнопку телефона.

— Да.

— Доктор Корделл, только что позвонили из бокса. Вам нужно срочно подняться наверх.

По выражению лица Кэтрин Мур догадался, что им обоим пришла в голову одна и та же мысль: «Что-то случилось с Ниной Пейтон».

— Речь идет о койке номер двенадцать? — спросила Кэтрин.

— Да. Пациентка только что очнулась.

Глава 11

Глаза Нины Пейтон были широко раскрыты, а взгляд был безумным. Ее запястья и щиколотки крепились медицинскими ремнями к поручням кровати, и вены на руках вздулись тугими шнурами, когда она попыталась высвободиться.

— Она пришла в сознание минут пять назад, — сказала Стефания, медсестра бокса. — Сначала я заметила, что у нее участился пульс, а потом она открыла глаза. Я успокаивала ее, но она все пытается вырваться.

Кэтрин взглянула на кардиомонитор и обратила внимание на учащенное сердцебиение, но без аритмии. Дыхание Нины тоже было частым и периодически прерывалось хрипами, которые выталкивали мокроту в эндотрахеальную трубку.

— Это все из-за трубки, — сказала Кэтрин. — Она ее пугает.

— Может, дать ей валиума?

Мур, стоявший в дверях, сказал:

— Она нужна нам в сознании. Если дать ей снотворного, мы ничего от нее не добьемся.

— Она все равно не сможет с вами говорить. С эндотрахеальной трубкой во рту это проблематично. — Кэтрин повернулась к Стефании. — Что с газами крови? Мы можем ее экстубировать?

Стефания просмотрела записи с результатами анализов.

— Они на грани. Напряжение кислорода — шестьдесят пять, углекислого газа — тридцать два. И это при подаче сорока процентов кислорода.

Кэтрин нахмурилась: ни один из возможных вариантов ей не нравился. Она хотела, чтобы пациентка оставалась в сознании и смогла побеседовать с полицией, но в то же время у нее были серьезные опасения. Ощущение трубки в гортани могло вызвать панику у кого угодно, и Нина была настолько возбуждена, что на ее привязанных запястьях уже были ссадины. Но удалять трубку тоже было рискованно. После операции в ее легких скопилась жидкость, и, хотя она вдыхала сорок процентов кислорода — вдвое больше, чем в воздухе, — кислородное насыщение ее крови еще нельзя было назвать удовлетворительным. Поэтому Кэтрин и поставила трубку. Убрать ее сейчас означало бы подвергнуть опасности жизнь пациентки. С трубкой же пациентка продолжала бы сопротивляться и паниковать. При варианте с успокоительным они лишали Мура

возможности получить нужную информацию.

Кэтрин взглянула на Стефанию.

— Я буду экстубировать.

— Вы уверены?

— Если будет ухудшение, тут же вернем на место.

«Легко сказать», — прочитала она во взгляде Стефании. После нескольких дней интубирования гортанные ткани набухали, что затрудняло реинтубацию. Единственным выходом в таких случаях оставалась экстренная трахеотомия.

Кэтрин встала в изголовье кровати и ласково обхватила руками лицо пациентки.

— Нина, я — доктор Корделл. Сейчас я уберу из гортани трубку. Ты ведь этого хочешь?

Пациентка кивнула. Это было одновременно и жестом отчаяния, и однозначным ответом.

— Мне нужно, чтобы ты лежала очень смирно, договорились? Чтобы мы не повредили голосовые связки. — Кэтрин подняла взгляд. — Маска готова?

Стефания подняла пластиковую кислородную маску. Кэтрин ободряюще сжала плечо Нины. Потом отодрала пластырь, который удерживал трубку, и выпустила воздух из баллончика.

— Сделай глубокий вдох и выдохни, — сказала Кэтрин.

Она увидела, как расширилась грудная клетка, и, когда Нина выдохнула, извлекла из гортани трубку.

Нина закашлялась и захрипела, из гортани хлынула слюнь. Кэтрин гладила ее волосы, нежно бормоча что-то, пока Стефания фиксировала кислородную маску.

— У тебя все хорошо, — сказала Кэтрин.

Но кардиомонитор продолжал посылать частые сигналы. Испуганный взгляд Нины был по-прежнему сфокусирован на Кэтрин, как будто в ней был источник ее жизни и она боялась потерять его из виду. Глядя в глаза пациентки, Кэтрин с волнением ощущала тревожное сходство.

«Такой же была и я два года тому назад. Когда очнулась в больнице Саванны. Вырвавшись из одного кошмара, я оказалась в другом...»

Она посмотрела на ремни на запястьях и щиколотках Нины и вспомнила, как ужасно быть связанной. Точно так же ее привязывал когда-то Эндрю Капра.

— Снимите ремни, — сказала она.

— Но она может задеть трубки.

— Я сказала — снимите!

Стефания вспыхнула от столь резкого приказа. Не проронив ни слова, она отстегнула ремни. Она ничего не понимала; да и никто не мог понять, кроме Кэтрин, которая, даже по прошествии двух лет после Саванны, не могла носить блузки с тугими манжетами. Когда был снят последний ремень, она увидела, как дрогнули губы Нины, посылая ей молчаливое сообщение: «Спасибо вам».

Постепенно сигнал ЭКГ выровнялся. И на фоне этого устойчивого ритма две женщины смотрели друг на друга. Если Кэтрин узнавала себя в Нине, то Нина, казалось, узнавала себя в Кэтрин. Это было немое родство двух жертв.

«На самом деле нас гораздо больше».

* * *

— Вы можете войти, детективы, — пригласила медсестра.

Мур и Фрост зашли в палату и увидели Кэтрин, которая сидела на краю кровати и держала Нину за руку.

— Она попросила меня остаться, — пояснила Кэтрин.

— Я могу позвать женщину-офицера, — предложил Мур.

— Нет, она хочет, чтобы с ней была я, — сказала Кэтрин. — Я не уйду.

Она в упор посмотрела на Мура, и он понял, что перед ним совсем не та женщина, которую он держал в своих объятиях некоторое время назад; это была другая Кэтрин — решительная и бескомпромиссная, готовая защищать свою подопечную до конца.

Он кивнул и присел возле кровати. Фрост включил диктофон и скромно пристроился в ногах больной. Зная мягкий и спокойный нрав Фроста, Мур пригласил именно его присутствовать при этом разговоре. Нине Пейтон совсем ни к чему было сталкиваться с агрессивным полицейским.

Кислородную маску сняли и заменили назальными трубками, так что воздух шел прямо в ноздри. Взгляд пациентки метался от одного мужчины к другому, бдительно следя за их движениями и жестами. Мур старался придать своему голосу максимально теплый оттенок, когда представлял ей себя и Барри Фроста. Он завершил формальную часть беседы, уточнив ее имя, возраст и адрес. Эта информация уже была им известна, но, озвученная устами потерпевшей, она должна была подтвердить нормальное состояние ее психики и готовность сделать заявление. Она отвечала на его

вопросы хриплым монотонным голосом, как ни странно, лишенным каких бы то ни было эмоций. Ее безучастность нервировала его; ему казалось, будто он слушает мертвую женщину.

— Я не слышала, как он пробрался в мой дом, — говорила она. — Я проснулась, когда он уже стоял возле моей постели. Мне не следовало оставлять открытыми окна. Не нужно было принимать таблетки...

— Какие таблетки? — мягко спросил Мур.

— Я плохо спала из-за... — Ее голос затих.

— Изнасилования?

Нина отвела глаза в сторону, избегая его взгляда.

— Меня мучили ночные кошмары. В клинике мне дали таблетки. Чтобы я лучше спала.

«А ночной кошмар, настоящий ночной кошмар явился прямо к ней в спальню».

— Вы видели его лицо? — спросил он.

— Было темно. Я слышала его дыхание, но не могла пошевелиться. И не могла кричать.

— Вы уже были связаны?

— Я не помню, как он меня связал. Не помню, как это случилось.

«Хлороформ, — подумал Мур, — чтобы сразу же парализовать жертву. Пока она не проснулась».

— А что произошло потом, Нина?

Ее дыхание участилось. Монитор стал подавать тревожные сигналы.

— Он сел на стул возле моей кровати. Я видела его тень.

— И что он делал?

— Он... он говорил со мной.

— Что он говорил?

— Он сказал... — Она сглотнула слюну. — Он сказал, что я грязная. Заразная. Он сказал, что я достойна презрения. И что он... собирается вырезать у меня испорченный орган, чтобы я очистилась. — Она сделала паузу. И произнесла, уже шепотом: — Вот тогда я поняла, что умру.

Хотя лицо Кэтрин побелело, сама жертва выглядела удивительно спокойной, как будто пересказывала чужой страшный сон. Она уже не смотрела на Мура, а уставилась куда-то поверх него, словно там, вдалеке, видела привязанную к кровати другую женщину. А на стуле, укрывшись в темноте, сидел мужчина и описывал предстоящие ужасы. Для Хирурга, подумал Мур, это прелюдия. Вот что его заводит. Запах женского страха. Он питается им. Он садится возле постели женщины и вбивает ей в голову мысли о смерти. Пот выступает на ее коже, и этот пот выделяет стойкий

запах ужаса. Экзотический аромат, который кружит ему голову. Он вдыхает его и возбуждается.

— Что было дальше? — спросил Мур. Ответа не последовало. — Нина!

— Он направил свет лампы мне в лицо. Прямо в глаза, чтобы я не смогла его разглядеть. Я видела только этот яркий свет, больше ничего. И тогда он меня сфотографировал.

— А потом?

Она посмотрела на него.

— Потом он ушел.

— Он оставил вас одну в доме?

— Нет, не одну. Я слышала, как он ходит по дому. И еще телевизор... всю ночь работал телевизор.

Схема изменилась, подумал Мур, и они с Фростом обменялись недоуменными взглядами. Хирург явно обретал все большую уверенность. Наглед. Вместо того чтобы завершить убийство в течение нескольких часов, он тянул время. Всю ночь и следующий день он держал жертву привязанной к кровати, чтобы созерцать ее страх. Наплевав на риск, он решил насладиться ее муками. Продлить свое удовольствие.

Сигнал монитора вновь участился. Пусть ее голос был тусклым и безжизненным, но страх остался.

— Что было потом, Нина? — спросил Мур.

— Ближе к вечеру я, должно быть, заснула. Когда проснулась, было опять темно. Мне очень хотелось пить. Я больше ни о чем не могла думать, только о глотке воды...

— Он оставлял вас на какое-то время? В какой-то момент вы были одна в доме?

— Не знаю. Я слышала только телевизор. Когда он его выключил, я поняла, что он рядом. Что он возвращается в мою комнату.

— И, вернувшись, он включил свет?

— Да, — выдохнула она.

— Вы видели его лицо?

— Только его глаза. На нем была маска. Как у врача.

— Но вы видели его глаза.

— Да.

— Вы его узнали? Вы когда-нибудь прежде видели этого мужчину?

Последовало долгое молчание. Мур чувствовал, как сильно забилось сердце в ожидании ответа, который он надеялся услышать.

Но она тихо произнесла:

— Нет.

Он откинулся на спинку стула. Напряжение, царившее в палате, разом спало. Для этой жертвы Хирург был незнакомцем, человеком без имени, неведомо почему выбравшим именно ее.

Стараясь не выдавать своего разочарования, он попросил:

— Опишите его, Нина.

Она сделала глубокий вдох, закрыла глаза, словно пытаясь расшевелить память.

— У него... короткие волосы. Подстрижены очень аккуратно...

— Какого цвета?

— Русые. С легким медным отливом.

Совпадает с цветом волоса, обнаруженного в ране Елены Ортис.

— Он был белокожим? — спросил Мур.

— Да.

— А глаза?

— Светлые. Голубые или серые. Я боялась смотреть ему в глаза.

— Лицо круглое или овальное?

— Узкое. — Она сделала паузу. — Обычное.

— Рост, вес?

— Мне трудно...

— Ну, навскидку, приблизительно.

Она вздохнула.

— Средние.

Средний. Обычный. Чудовище, которое ничем не выделялось из толпы.

Мур повернулся к Фросту.

— Давай покажем ей нашу подборку.

Фрост передал ему первый альбом с фотографиями, где на каждой странице умещалось по шесть снимков. Мур пристроил альбом на столике возле кровати и подвинул его к пациентке.

В течение получаса они наблюдали за тем, как она без остановки перелистывает страницы фотоальбомов, и с каждой минутой надежды их угасали. Все молчали, в палате был слышен лишь свист подаваемого кислорода и шелест переворачиваемых страниц. На фотографиях были известные насильники, и, пока Нина одну за другой переворачивала страницы, Муру казалось, что конца не будет этим лицам, этой галерее образов, представлявших самую темную сторону мужчины.

Он услышал, как кто-то стучит в окно бокса. Подняв голову, он увидел Джейн Риццоли, которая подавала ему знаки.

Мур вышел, чтобы переговорить с ней.

— Еще не определились с личностью? — спросила она.

— Мы вряд ли кого-то найдем. На нем была хирургическая маска.

Риццоли нахмурилась.

— Почему маска?

— Возможно, это часть его ритуала. И тоже возбуждающий фактор. В своих фантазиях он представляет себя врачом. Он сказал ей, что собирается удалить у нее зараженный орган. Хирург знал, что она была изнасилована. И что он вырезал? Все сходится: он вырезал матку.

Риццоли устремила взгляд сквозь стеклянную перегородку. И тихо произнесла:

— Мне представляется, есть и другая причина, по которой он надевал маску.

— Какая же?

— Он не хотел, чтобы она видела его лицо. Не хотел, чтобы она его опознала.

— Но это значит...

— Я об этом все время и твержу. — Риццоли обернулась и посмотрела на Мура. — Хирург изначально собирался оставить Нину Пейтон в живых.

Как жаль, что мы лишены возможности заглянуть в человеческое сердце, думала Кэтрин, изучая рентгеновский снимок грудной клетки Нины Пейтон, рассматривая тени, отбрасываемые костями и внутренними органами. Взгляд ее скользил по ребрам, диафрагме, поднимаясь выше, к самому сердцу, которое на самом деле было вовсе не средоточием души, а обычной мышцей, качающей кровь и наделенной функцией не более мистической, нежели легкие или почки. И тем не менее даже Кэтрин, профессиональный врач, не могла смотреть на сердце Нины Пейтон, не испытывая трепета перед его символическим значением.

Перед ней было сердце жертвы, которой удалось выжить.

Она расслышала голоса за дверью. Это Питер просил медсестру подобрать рентгеновские снимки его пациента. В следующую минуту он зашел в кабинет и остановился, увидев ее стоящей перед проектором.

— Ты до сих пор здесь? — спросил он.

— Так же, как и ты.

— Но у меня сегодня ночное дежурство. А ты почему не идешь домой?

Кэтрин опять повернулась к снимку Нины Пейтон.

— Прежде мне нужно убедиться в том, что моей пациентке ничего не

угрожает.

Питер подошел и встал рядом — такой высокий и массивный, что ей невольно захотелось отодвинуться. Он бросил беглый взгляд на снимок.

— Кроме небольшого спадения легких я не вижу здесь причин для волнения. — Он обратил внимание на слово «неизвестная», значившееся в углу снимка. — Это та женщина с двенадцатой койки? Вокруг которой так суетятся полицейские?

— Да.

— Я вижу, ты экстубировала ее.

— Да, несколько часов тому назад, — неохотно ответила она. Ей совсем не хотелось говорить о Нине Пейтон и тем более раскрывать свой личный интерес в этом деле.

Но Питер продолжал задавать вопросы:

— У нее все в порядке с газами крови?

— Они адекватны.

— И она стабильна?

— Да.

— Тогда почему ты не идешь домой? — снова спросил он. — Я присмотрю за ней вместо тебя.

— Я бы хотела лично проследить за этой пациенткой.

Питер положил руку ей на плечо.

— С каких это пор ты перестала доверять своему партнеру?

От его прикосновения она мгновенно напряглась. Он это почувствовал и убрал руку.

После некоторой паузы Питер принялся развешивать свои рентгеновские снимки, сохраняя деловой вид. Он принес с собой целую кучу снимков брюшной полости, и они заняли весь экран. Разместив снимки, он замер перед ними, и в стеклах его очков отражались лишь рентгеновские узоры.

— Я не враг тебе, Кэтрин, — тихо произнес он, не глядя в ее сторону, а уставившись в проектор. — Жаль, что мне не удастся убедить тебя в этом. Я все время думаю о том, что я что-то сделал не так, сказал что-то не то, и это изменило отношения между нами. — Он наконец осмелился взглянуть на нее. — Мы привыкли рассчитывать друг на друга. По крайней мере, как партнеры. Черт возьми, буквально на днях мы с тобой вместе копались в груди больного! А сегодня ты даже не разрешаешь мне подойти к твоей пациентке. Разве ты плохо знаешь меня, чтобы обижать недоверием?

— Нет ни одного хирурга, которому бы я доверяла больше, чем тебе, — тихо сказала она.

— Тогда в чем дело? Я прихожу утром на работу и обнаруживаю, что у нас было незаконное вторжение. А ты даже не хочешь поговорить со мной об этом. Я спрашиваю у тебя насчет твоей пациентки с двенадцатой койки, и ты опять не хочешь ничего говорить.

— Полиция просила меня не распространяться на ее счет.

— Похоже, в последнее время твоей жизнью распоряжается полиция. Почему?

— Я не вправе обсуждать это.

— Я не только твой партнер, Кэтрин. Мне казалось, что я твой друг. — Он шагнул к ней. Одно только приближение его массивной фигуры вызвало в ней приступ клаустрофобии. — Я же вижу, что ты напугана. Запираешься в своем кабинете. Выглядишь так, будто не спала несколько дней подряд. Я не могу спокойно смотреть на это.

Кэтрин сняла с проектора снимок Нины Пейтон и вложила его в конверт.

— Это не имеет к тебе никакого отношения.

— Нет, имеет, если это связано с тобой.

Ее миролюбивое настроение тут же сменилось злостью.

— Хорошо, давай расставим все точки над «и», Питер. Да, мы работаем вместе; да, я уважаю тебя как хирурга. Ты мне нравишься как деловой партнер. Но жизни у нас разные. И, разумеется, у нас могут быть секреты друг от друга.

— Почему? — тихо произнес он. — О чем ты боишься рассказать мне?

Она уставилась на него, обмякнув от его нежного голоса. В это мгновение ей больше всего хотелось скинуть с себя тяжелую ношу, рассказать ему обо всем, что с ней случилось в Саванне, не упустив ни одной постыдной детали. Но она знала, к каким последствиям приведет это признание. Она понимала, что изнасилование — это пятно на всю жизнь, она всегда теперь будет жертвой. А жалости Кэтрин не выносила. Во всяком случае, со стороны Питера, человека, уважение которого значило для нее все.

— Кэтрин! — Он подался к ней.

Она сквозь слезы посмотрела на его протянутую руку. И, как бросающаяся в воду женщина, которая предпочитает спасению черную бездну моря, не приняла ее.

Резко развернувшись, Кэтрин вышла из рентгеновского кабинета.

Глава 12

Неизвестную перевели в другую палату.

Я держу в руке пробирку с ее кровью и с разочарованием отмечаю, что она холодная на ощупь. Она слишком долго томилась в лотке лаборантки, и тепло тела, которое в ней хранилось, просочилось сквозь стекло и растаяло в воздухе. Холодная кровь — мертвая, в ней нет ни силы, ни души, и она меня не возбуждает. Я смотрю на этикетку — белый прямоугольник, приклеенный к стеклу пробирки, на котором напечатаны обозначение пациентки, номер палаты и больничный код. Хотя написано «неизвестная», я знаю, кому на самом деле принадлежит эта кровь. Она больше не лежит в отделении реанимации. Ее перевели в палату 538 — в отделение хирургии.

Я возвращаю пробирку в лоток, где она стоит в одном ряду с двумя десятками других пробирок, заткнутых разноцветными резиновыми пробками — голубыми, пурпурными, зелеными и красными, — цвет обозначает определенную процедуру, которую предстоит выполнить. Пурпурные пробки для общего анализа крови, голубыми помечают анализ на свертываемость, красными — анализ на биохимию и электролиты. В некоторых пробирках с красными пробками кровь уже свернулась в сгустки темного желатина. Я просматриваю кипу лабораторных направлений и нахожу листок с надписью «неизвестная». Сегодня утром доктор Корделл назначила два анализа: полный анализ крови и электролиз сыворотки. Я роюсь во вчерашних назначениях и нахожу копию еще одного предписания с именем доктора Корделл как лечащего врача.

«Срочный анализ газов артериальной крови, постэкстубация. 2 литра кислорода через назальные трубки».

Нине Пейтон провели экстубацию. Она дышит самостоятельно, вдыхая воздух без трубки в гортани.

Я сижу за своим рабочим столом, думая не о Нине Пейтон, а о Кэтрин Корделл. Она полагает, что выиграла этот раунд. Считает себя спасительницей Нины Пейтон. Пора указать ей ее место. Пора научить ее смирению.

Я снимаю телефонную трубку и набираю номер больничной диетической столовой. Отвечает женщина, ее речь звучит скороговоркой на фоне грохота подносов. Близится время ужина, и ей некогда тратить время на разговоры.

— Это из пятого западного корпуса, — придумываю я на ходу. — Кажется, мы перепутали диетические заказы для двоих наших пациентов. Проверьте, пожалуйста, какую диету назначали в палату пять-тридцать-восемь?

Следует пауза, пока она набирает что-то на клавиатуре и запрашивает информацию.

— Прозрачные жидкости, — отвечает она. — Правильно?

— Да, все верно. Спасибо. — Я вешаю трубку.

В сегодняшней утренней газете сообщалось, что Нина Пейтон по-прежнему находится в коме и в критическом состоянии. Это неправда. Она в сознании.

Кэтрин Корделл спасла ей жизнь, в чем я и не сомневался.

Ко мне подходит процедурная сестра и ставит передо мной лоток, полный пробирок с кровью. Мы, как всегда, улыбаемся — дружелюбные коллеги, которые знают друг о друге только хорошее. Она молодая, с упругими грудями, которые, словно спелые дыни, выпирают под ее белым халатом, и у нее великолепные ровные зубы. Она забирает новую порцию лабораторных предписаний, машет мне рукой и выходит. Мне интересно, соленая ли на вкус ее кровь.

Аппараты гудят и журчат, исполняя свою нескончаемую колыбельную.

Я подхожу к компьютеру и вызываю список пациентов пятого западного корпуса. В этом корпусе двадцать палат, которые располагаются в форме буквы Н, а рабочее место медсестры находится как раз в поперечине. Я просматриваю список пациентов — всего их тридцать три, — обращая внимание на возраст и диагноз. Останавливаюсь на двенадцатом имени, пациенте из палаты 521.

«Герман Гвадовски, 69 лет. Лечащий врач: доктор Кэтрин Корделл. Диагноз: экстренная лапаротомия вследствие множественной травмы брюшной полости».

Палата 521 находится в коридоре, параллельном палате Нины Пейтон. Оттуда палата Нины не просматривается.

Я щелкаю мышью по строчке «господин Гвадовски» и получаю доступ к результатам его анализов. Он находится в больнице вот уже две недели, и практически ежедневно у него берут анализы. Я представляю себе его руки с исколотыми венами, покрытые синяками. По результатам его анализа на сахар я вижу, что он диабетик. Высокий уровень лейкоцитов указывает на наличие какой-то инфекции. Я замечаю, что в его ране на ноге начинает развиваться некроз, что характерно для диабета, при

котором нарушается процесс кровообращения в конечностях.

Я сосредоточиваюсь на электролитах. Уровень калия устойчиво повышается: 4,5 две недели назад, 4,8 на прошлой неделе, 5,1 вчера. Он стар, и его разрушенные диабетом почки ежедневно выделяют токсины, которые накапливаются в крови. К таким токсинам относится и калий.

Очень скоро он перешагнет предельно допустимый рубеж.

Я никогда не видел этого господина Германа Гвадовски — по крайней мере, в лицо. Я подхожу к пробиркам с кровью и смотрю на этикетки. Лоток как раз из пятого корпуса, восточного и западного крыла, и в лунках стоят двадцать четыре пробирки. Я нахожу пробирку с красной пробкой из палаты 521. Это кровь господина Гвадовски.

Я вытаскиваю пробирку и изучаю ее, поворачивая на свет. Кровь не свернулась, и жидкость выглядит темной и противной, как будто ее качали вовсе не из вены господина Гвадовски, а из затхлого колодца. Я открываю пробирку и принимаю к ее содержанию. Я чувствую запах стариковской мочи, тошнотворную сладость инфекции. Я улавливаю запах тела, тронутого тленом, пусть даже мозг его продолжает отрицать, будто оболочка умирает.

Вот так я знакоюсь с господином Гвадовски.

Дружба будет недолгой.

* * *

Анджела Роббинс, будучи добросовестной медсестрой, была крайне возмущена тем, что десятичасовая доза антибиотиков для Германа Гвадовски до сих пор не доставлена. Она подошла к дежурному администратору пятого западного корпуса и сказала:

— Я жду внутривенные препараты для Гвадовски. Вы не могли бы еще раз позвонить в аптеку?

— А вы проверяли доставку? Она была в девять.

— Там ничего не было для Гвадовски. Ему нужно срочно делать инъекцию зосина.

— О, я вспомнила. — Администратор встала из-за стола и подошла к ящику, стоявшему на другом прилавке. — Недавно принесли из четвертого западного корпуса.

— Из четвертого?

— Да, лекарства по ошибке доставили на другой этаж. — Администратор сверилась с табличкой. — Гвадовски, палата пять-

двадцать-один-А.

— Все правильно, — сказала Андже́ла, забирая пакет с лекарствами.

По пути в палату она еще раз прочитала этикетку, проверив имя пациента, лечащего врача и дозу зосина, которую добавили к солевому раствору. Все оказалось правильным. Восемнадцать лет назад, когда Андже́ла только начинала работать в больнице, дежурная медсестра могла сама прийти в аптеку, взять пакетик с внутривенным лекарством и добавить его к выписанным препаратам. Из-за неоднократных ошибок, допущенных невнимательными медсестрами, и последовавших за ними судебных процессов порядок выдачи лекарств изменился. Теперь даже обыкновенная емкость, содержащая солевой раствор с добавлением калия, должна была пройти через больничную аптеку. Это был очередной узел и без того сложной механики здравоохранения, и Андже́ла в глубине души возмущалась таким порядком. Усложнение процедуры выдачи лекарств повлекло за собой опоздание более чем на час в доставке жизненно важного препарата.

Она подвесила к капельнице свежую емкость. Все это время Гвадовски лежал, не двигаясь. Вот уже две недели он находился в коме и уже источал запах скорой смерти. Андже́ла слишком давно работала медсестрой и научилась распознавать этот запах, который, как и кислый запах пота, был прелюдией к финалу. Всякий раз, улавливая его, она тихонько бормотала: «Этот не выживет». То же самое она подумала и сейчас, включая капельницу и проверяя жизненные показатели пациента: «Этот не выживет». И все равно она выполняла свои обязанности так же старательно, как и в отношении любого другого пациента.

Подшло время обтирания. Она поднесла к кровати таз с теплой водой, намочила в нем губку и стала протирать лицо Гвадовски. Он лежал с открытым ртом, язык его был сухим и сморщенным. Если бы только родные позволили ему уйти. Если бы только освободили от мучений. Но сын по-прежнему настаивал на уходе за больным, и старик продолжал жить, если только это можно было назвать жизнью. Как бы то ни было, сердце все билось в разрушающейся оболочке тела.

Она приподняла больничную пижаму пациента и осмотрела брюшную полость. Рана выглядела красноватой, что обеспокоило медсестру. На руках пациента уже не было живого места, так что для внутривенных инъекций была доступна лишь центральная вена. Андже́ла следила за тем, чтобы рана была чистой, а повязка свежей. После обтирания она собиралась сменить ее.

Она протерла тело, пробежав губкой по выступающим ребрам. Она бы

сказала, что этот пациент никогда не отличался развитой мускулатурой, а теперь его грудная клетка больше напоминала костяной каркас, обтянутый пергаментом.

Медсестра расслышала шаги и, к своему неудовольствию, увидела в дверях сына Гвадовски. Одним лишь взглядом он заставил ее нервничать — таким уж он был человеком, привыкшим во всем видеть чужие огрехи. Так же он вел себя и с родной сестрой. Однажды Анджела слышала, как они ругались, и еле удержалась, чтобы не вступить за бедную женщину. В конце концов, Анджела была не вправе высказать этому сукину сыну все, что она о нем думает. Но и быть с ним чрезмерно любезной тоже была не обязана. Поэтому она лишь кивнула ему в знак приветствия и продолжила процедуру.

— Как он? — спросил Иван Гвадовски.

— Без изменений. — Ее тон был прохладным и деловым. Ей хотелось, чтобы он ушел, перестав притворяться, будто заботится об отце, и предоставил ей возможность делать свое дело. Она была достаточно проницательной, чтобы понимать, что сын бывал здесь вовсе не из-за любви к отцу. Просто он привык властвовать над всем и вся. В том числе и над смертью.

— Врач уже осматривал его сегодня?

— Доктор Корделл бывает здесь каждое утро.

— И что она думает по поводу того, что он до сих пор в коме?

Анджела положила губку в таз и выпрямилась.

— Я не знаю, что тут вообще можно сказать, господин Гвадовски.

— Как долго он будет находиться в таком состоянии?

— Ровно столько, сколько вы ему позволите.

— Что это значит? — вспыхнул он.

— Вам не кажется, что было бы человечнее отпустить его?

Иван Гвадовски свирепо уставился на нее.

— Да, это многим облегчило бы жизнь, не так ли? И к тому же освободится больничная койка.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, как оплачиваются сегодня больницы. Если пациент задерживается надолго, вы несете убытки.

— Я говорю только о том, что было бы лучше для вашего отца.

— Для него было бы лучше, если бы врачи как следует выполняли свою работу.

Чтобы не говорить ничего, о чем потом пришлось бы пожалеть, Анджела отвернулась, взяла из таза губку, отжала ее дрожащими руками.

«Не спорь с ним. Просто делай свое дело. Этот человек — из тех, кто всегда считает себя правым».

Она положила влажную губку на живот пациента. Только в эту минуту она осознала, что он уже не дышит.

Анджела тут же приложила руку к его шее, чтобы нащупать пульс.

— В чем дело? — воскликнул сын. — С ним все в порядке?

Она не ответила. Бросившись мимо него, она выбежала в коридор.

— Синий сигнал! — закричала она. — Подайте синий сигнал, палата пять-двадцать-один!

* * *

Кэтрин вылетела из палаты Нины Пейтон и ринулась в соседний коридор. В палате 521 уже толпились врачи, а в коридоре собрались ошарашенные студенты-медики, которые, вытянув шеи, пытались разглядеть, что будет происходить дальше.

Кэтрин ворвалась в палату и громко, чтобы ее расслышали в этом хаосе, крикнула:

— Что случилось?

Анджела, медсестра Гвадовски, сказала:

— Он просто перестал дышать. Пульса нет.

Кэтрин пробралась к койке и увидела, как другая медсестра, зафиксировав на лице пациента кислородную маску, уже закачивает кислород в легкие. Врач делал реанимацию, мощными нажатиями на грудную клетку пациента разгоняя кровь от сердца по артериям и венам, питая жизненно важные органы, питая мозг.

— Электрический разряд подключен! — выкрикнул кто-то.

Кэтрин бросила взгляд на монитор. Прибор-самописец показывал желудочковое трепетание. Сердце уже не сокращалось. Вместо этого подрагивали отдельные мышцы, а само сердце превратилось в дряблый мешок.

— Дефибриллятор готов? — спросила Кэтрин.

— Сто джоулей.

— Начинайте!

Медсестра поместила электроды дефибриллятора на грудь пациента и прокричала:

— Всем отойти!

Последовал электрический разряд, который дал встряску сердцу. Тело

пациента подскочило на матрасе, словно кошка на раскаленной решетке.

— Без изменений!

— Внутривенно один миллиграмм эпинефрина, потом еще раз электрошок на сто джоулей, — скомандовала Кэтрин.

Эпинефрин ввели в вену пациента.

— Разряд!

И опять последовал электрошок, и тело дернулось.

На мониторе кривая ЭКГ резко взлетела вверх и снова превратилась в дрожащую линию. Это были последние судороги угасающего сердца.

Кэтрин смотрела на своего пациента и думала: «Как же я смогу оживить эту груду костей?»

— Вы хотите... продолжить? — запыхавшись, спросил врач-реаниматолог. На его лице выступил пот.

«Я вовсе не собиралась возвращать его к жизни», — подумала она и уже приготовилась дать отбой, когда Анджеला прошептала ей на ухо:

— Сын здесь. Он наблюдает.

Кэтрин бросила взгляд на Ивана Гвадовски, который стоял в дверях. Теперь у нее не было выбора. Если они чуть ослабят усилия, сын тотчас кинется взыскивать с них моральный ущерб.

На мониторе тонкая линия дрожала на поверхности бушующего моря.

— Давайте еще раз, — сказала Кэтрин. — Теперь двести джоулей. И возьмите у него кровь на анализ!

Она расслышала громыхание тележки процедурной сестры. Тут же появились трубки для забора крови и шприц.

— Я не могу найти вену!

— Используйте центральную.

— Всем отойти!

Последовал новый мощный электрический разряд.

Кэтрин смотрела на монитор в надежде на то, что электрошок разбудит сердце. Но вместо этого линия ЭКГ превратилась в мелкую рябь.

Ввели очередную дозу эпинефрина.

Врач-реаниматолог, красный и потный, продолжал качать грудную клетку. Свежая порция кислорода была подана в легкие, но все усилия напоминали попытку вдохнуть жизнь в высушенную мумию. Кэтрин уловила смену настроения среди персонала, в их голосах уже не было прежней взволнованности, и слова произносились вяло и автоматически. Теперь их действия были чисто механическими, лишены всякого смысла. Она огляделась по сторонам, увидела лица десятка или более врачей и медсестер, столпившихся возле кровати, и поняла, что исход для

всех очевиден. Они просто ждали ее команды.

И она последовала.

— Давайте составлять протокол, — произнесла она. — Одиннадцать тринадцать.

В молчании все отошли от кровати и уставились на Германа Гвадовски, который остывал, опутанный проводами и трубками. Медсестра отключила кардиомонитор, и экран погас.

— А где же электронный стимулятор сердца?

Кэтрин, подписывая протокол по факту смерти, обернулась и увидела, что в палату зашел сын пациента.

— Там уже нечего спасать, — пояснила она. — Мне очень жаль. Мы не смогли заставить его сердце биться.

— Разве не для этого используют электронные стимуляторы сердца?

— Мы сделали все возможное...

— Ничего, кроме электрошока, вы не делали.

«Ничего?» Она оглядела палату, заваленную доказательствами их усилий: шприцами, трубками, смятыми упаковками препаратов — тем медицинским мусором, который остается после каждой битвы за жизнь. Присутствовавшие в палате наблюдали за происходящим, ожидая увидеть, как ей удастся справиться с возникшей проблемой.

Кэтрин отложила в сторону протокол, чувствуя, что с ее губ готовы сорваться самые резкие слова. Она все-таки сумела сдержаться и не выпалить их. Вместо этого она направилась к двери.

Где-то на этаже кричала женщина.

В одно мгновение Кэтрин выбежала из палаты, и медсестры бросились за ней. Завернув за угол, она увидела, что возле палаты Нины всхлипывает санитарка. Стул около двери пустовал.

«Здесь должен был дежурить полицейский. Где он?»

Кэтрин резко распахнула двери и застыла от ужаса.

Первое, что она увидела, была кровь, яркие струи которой стекали со стены. Потом она перевела взгляд на пациентку, лежавшую на полу лицом вниз. Нина упала между кроватью и дверью, как будто ей удалось сделать несколько шагов, прежде чем ее настигла смерть. Капельница была отсоединена, и солевой раствор капал из открытой трубки на пол, где уже образовалась лужа, а рядом была другая, огромная, красного цвета.

«Он был здесь. Хирург был здесь».

Хотя каждая клеточка ее тела подавала сигнал бежать отсюда, и поскорее, она заставила себя сделать шаг вперед и встать на колени возле Нины. Брюки мгновенно пропитались кровью. Еще теплой. Она

перевернула тело на спину.

Одного взгляда на белое лицо и широко раскрытые глаза было достаточно, чтобы понять: Нина мертва.

«А ведь только что я слышала биение твоего сердца».

Медленно выныривая из полузабытья, Кэтрин подняла голову и обвела взглядом испуганные лица столпившихся вокруг людей.

— Полицейский, — произнесла она. — Где полицейский?

— Мы не знаем...

Пошатываясь, она поднялась с колен, и коллеги расступились, пропуская ее к выходу. Не обращая внимания на капающую с нее кровь, она вышла из палаты, безумным взглядом окидывая коридор.

— О Боже, — произнесла медсестра.

В дальнем конце коридора пол пересекала темная линия. Кровь. Она вытекала из-под двери раздаточной.

Глава 13

Риццоли заглянула в больничную палату Нины Пейтон, огороженную полицейской лентой как место преступления. Струи артериальной крови на стене уже засохли, образовав причудливый узор. Она прошла дальше по коридору к раздаточной, где было обнаружено тело полицейского. Вход в комнату тоже был перекрыт лентой оцепления. Инвентарь, хранившийся в этом помещении, — капельницы, подкладные судна, тазы, коробки с латексными перчатками — был залит кровью. Здесь погиб их боевой товарищ, и для каждого полицейского из Бостона охота на Хирурга отныне становилась делом чести.

Она обратилась к одному из патрульных:

— Где детектив Мур?

— Внизу, в администрации. Там просматривают пленки с камер видеонаблюдения.

Риццоли оглядела коридор, но не заметила ни одной камеры слежения. Значит, у них не будет никакого материала по этому коридору.

Спустившись вниз, она прошла в конференц-зал, где Мур и две медсестры просматривали видеопленки. Никто не обернулся при ее появлении; все взгляды были устремлены на экран телевизора, где прокручивалась видеозапись.

В кадре появились лифты пятого западного крыла. Дверь лифта была открыта. Мур нажал на кнопку «стоп-кадр».

— Вот, — сказал он. — Это первая группа, которая вышла из лифта, после того как был подан сигнал. Я насчитал одиннадцать пассажиров, и все они бегом кинулись из лифта.

— Так и должно быть в случае поступления синего сигнала, — пояснила старшая медсестра. — Оповещение проходит по центральному больничному селектору. Все, кто не занят на операциях, должны откликнуться.

— Посмотрите внимательно на эти лица, — попросил Мур. — Вы всех узнаете? Есть среди этих людей кто-нибудь, кому не следовало там находиться?

— Я не могу разглядеть все лица сразу. Они выходят толпой.

— А вы, Шарон? — обратился Мур ко второй медсестре.

Шарон подалась вперед.

— Вот эти трое — медсестры. А двое молодых людей сбоку —

студенты-медики. Я узнаю третьего мужчину... — Она ткнула в верхнюю часть кадра. — Это санитар. Остальные лица мне знакомы, но я не знаю имен.

— Хорошо, — устало произнес Мур. — Давайте посмотрим остальные кадры. А потом возьмемся за пленки, записанные камерой на лестнице.

Риццоли подошла ближе и встала за спиной старшей медсестры.

На экране замелькали кадры в обратном порядке, и дверь лифта закрылась. Мур нажал на кнопку воспроизведения записи, и дверь снова открылась. Из лифта вышли одиннадцать человек, в своей спешке напоминавшие сороконожку. Риццоли видела их озабоченные лица, и даже без звука было понятно, что произошло нечто чрезвычайное. Вскоре эта толпа исчезла из кадра. Дверь лифта закрылась. Прошло какое-то мгновение, и дверь снова открылась, выпуская вторую партию персонала. Риццоли насчитала тринадцать пассажиров. Пока получалось, что в течение трех минут на этаж прибыли двадцать четыре человека, и это только на лифте. А сколько пришло по лестнице? Риццоли смотрела запись со все возрастающим интересом. Оперативность медиков была безупречной. Синий сигнал можно было сравнить с ускоренной массовой мобилизацией. В таком людском море любой человек в белом халате мог остаться незамеченным. Убийца наверняка стоял в лифте в задних рядах. Он явно предусмотрел возможность видеосъемки и старался держаться за чьей-то спиной. Несомненно, они имели дело с тем, кто хорошо знал, как функционирует больница.

Она смотрела, как вторая группа пассажиров лифта исчезает из кадра. Лица двух человек так и не удалось разглядеть.

Мур поставил новую кассету, и на экране появились кадры, снятые другой камерой. Теперь перед ними была дверь с лестницы. Какое-то время ничего не происходило. Потом дверь распахнулась, и проскочил мужчина в белом халате.

— Я его знаю. Это Марк Ноубл, один из врачей-интернов, — сказала Шарон.

Риццоли достала блокнот и записала имя.

Дверь снова распахнулась, и вышли две женщины, обе в белых халатах.

— Это Вероника Там, — сказала старшая медсестра, показывая на ту, что была пониже ростом. — Она работает в пятом западном. У нее был перерыв, когда прошел сигнал.

— А вторая женщина?

— Я не знаю. Ее лицо плохо видно.

Риццоли записала:

«10:48, камера у лестницы: Вероника Там, медсестра, 5 Западный. Неизвестная женщина, черные волосы, белый халат».

Всего из двери лестницы вышли семь человек. Медсестры узнали пятерых. До сих пор, по подсчетам Риццоли, тридцать один человек прибыл лифтом или по лестнице. К этому числу стоило прибавить персонал, уже дежуривший на этаже, и получалось не менее сорока человек, которые в момент ЧП оказались в пятом западном корпусе.

— А теперь наблюдайте за поведением каждого во время и после отбоя, — сказал Мур. — Теперь уже никто не торопится. Может, вы узнаете еще некоторые лица и назовете имена. — Он промотал пленку вперед. Внизу в кадре таймер отсчитал восемь минут. Тревогу еще не отменяли, но персонал, помощь которого не требовалась, начал покидать отделение. Камера показывала их только со спины, пока они шли к лестнице. Первыми были двое студентов-медиков, за ними следом чуть позже прошел неопознанный мужчина. После долгой паузы Мур промотал пленку вперед. Группа из четырех мужчин прошла к лестнице. Таймер показывал время 11:14. К этому моменту сигнал официально был снят, и Герман Гвадовски объявлен умершим.

Мур переставил пленки. И вновь они наблюдали за лифтом.

К тому времени, как были просмотрены все записи, Риццоли исписала три страницы в блокноте, фиксируя количество медиков, прибывших по сигналу. Тринадцать мужчин и семнадцать женщин. Теперь Риццоли подсчитывала, сколько человек было замечено после того, как сигнал был отменен.

Цифры не сходились.

Наконец Мур нажал на кнопку СТОП, и экран погас. Они смотрела записи больше часа, и обе медсестры выглядели не лучшим образом.

Прервав молчание, Риццоли задала вопрос, и ее голос, казалось, еще больше напугал обеих.

— В вашу смену в пятом западном корпусе дежурят мужчины?

Старшая медсестра недоуменно смотрела на Риццоли. Ее удивило, что в зал проник еще один полицейский, а она этого даже не заметила.

— Есть один медбрат, но он заступает на дежурство в три часа. В дневную смену никого из мужчин нет.

— Значит, в момент сигнала никто из мужчин не работал в пятом западном крыле?

— Возможно, на этаже и был кто-то из хирургов. Но медбратьев точно не было.

— А кто именно из хирургов? Вы не помните?

— Они все время приходят и уходят, делают обходы. Я не слежу за ними. У нас своей работы хватает. — Медсестра посмотрела на Мура. — Нам действительно пора возвращаться на свой этаж.

Мур кивнул.

— Можете идти. Спасибо вам.

Риццоли дождалась, пока медсестры покинут зал. Потом обратилась к Муру:

— Хирург был на этаже еще до того, как был подан сигнал. Вы так не считаете?

Мур поднялся и подошел к видеомэгнитофону. Она видела, что он злится, судя по тому, как резко он извлек одну кассету и вставил другую.

— Тринадцать мужчин прибыли в пятый западный корпус. И четырнадцать ушли. Один лишний. Он находился там все это время.

Мур нажал на кнопку воспроизведения записи. Двинулась пленка с камеры наблюдения за лестницей.

— Черт возьми, Мур. Кроу отвечал за безопасность. А теперь мы потеряли единственного свидетеля.

Он молчал, уставившись на экран, где появлялись и исчезали ставшие уже знакомыми фигуры.

— Этот неизвестный проходит сквозь стены, — сказала Риццоли. — Он как будто прячется в воздухе. На этаже работают девять медсестер, и никто его не заметил. А ведь он был там все это время, черт бы его побрал.

— Это одна версия.

— Но как он подобрался к полицейскому? Как полицейский дал себя уговорить покинуть пост? Пошел в эту раздаточную?

— Должно быть, это был человек, ему знакомый. Или кто-то, не вызывавший подозрений.

Впрочем, в пылу общей спешки, когда все кругом бросились спасать жизнь больного, могло показаться естественным, что работник больницы обратился к постовому, который дежурил в коридоре. Скажем, попросил его помочь принести что-то из раздаточной.

Мур нажал на ПАУЗУ.

— Вот, — тихо произнес он. — Думаю, это он.

Риццоли уставилась на экран. Перед ней был одинокий мужчина, который возвращался к лестнице уже после сигнала. Они видели только его спину. На нем были белый халат и шапочка. Из-под нее выглядывала полоска коротко стриженных русых волос. Он был худощавого телосложения, не слишком широкоплечий, а походкой напоминал ходячий

вопросительный знак.

— Это единственное место, где мы видим его, — сказал Мур. — Я не заметил его среди тех, кто выходил из лифта. И не видел, как он выходил из двери, ведущей на лестницу. Но он уходит именно этим путем. Видите, как он толкает дверь бедром, не прикасаясь к ней руками? Бьюсь об заклад, он нигде не оставил своих отпечатков. Он слишком осторожен. И заметили, как он сутулится? Словно знает, что его снимает камера. И что мы обязательно увидим его.

— Его кто-нибудь опознал? — спросила Риццоли.

— Нет, ни одна из медсестер не смогла назвать его имени.

— Черт, он же был на их этаже.

— Как и многие другие. Все были заняты спасением Германа Гвадовски. Все, кроме него.

Риццоли подошла к экрану, вцепившись взглядом в одинокую фигуру, вырисовывающуюся в проеме белого коридора. Хотя она и не видела его лица, но у нее возникло ощущение, будто она заглядывает в глаза чудовищу.

«Так ты и есть Хирург?»

— Никто не помнит, что видел его, — сказал Мур. — Никто не помнит, что ехал с ним в лифте. И тем не менее вот он. Призрак, который появляется и исчезает, словно по волшебству.

— Он ушел через восемь минут после сигнала, — заметила Риццоли, посмотрев на время в кадре. — Прямо перед ним вышли два студента.

— Да, я уже говорил с ними. Им нужно было успеть на лекцию к одиннадцати. Поэтому они так рано ушли с этажа. Они не обратили внимания на человека, который шел за ними к лестнице.

— Выходит, у нас опять ни одного свидетеля.

— Только эта камера.

Она снова уставилась на таймер. Восемь минут он пробыл на этаже. Восемь минут — это много. Она попыталась воспроизвести хронологию событий. Подойти к полицейскому — десять секунд. Уговорить его пройти по коридору в раздаточную — тридцать секунд. Перерезать ему горло — десять секунд. Выйти, закрыть дверь, зайти в палату к Нине Пейтон — пятнадцать секунд. Зарезать вторую жертву, выйти — тридцать секунд. На все это примерно две минуты, не больше. Остается целых шесть минут. На что он использовал это время? Чтобы помыться? Было много крови; вполне возможно, он забрызгал одежду.

В его распоряжении была уйма времени. Медсестра обнаружила тело Нины Пейтон спустя минимум десять минут после того, как этот мужчина

вышел в дверь, ведущую на лестницу. К этому времени он мог уехать очень далеко на своей машине.

«Как безупречно все рассчитано. Этот убийца действует с точностью швейцарских часов».

Она вдруг резко выпрямилась. Внезапно пришедшая в голову мысль была подобна электрическому разряду.

— Он знал. Господи, Мур, он знал, что будет подан синий сигнал. — Риццоли посмотрела на него и по его спокойной реакции поняла, что он уже пришел к этому выводу. — У господина Гвадовски были посетители?

— Сын. Но медсестра все это время находилась в палате. И она была там в тот момент, когда у пациента остановилось дыхание.

— А что было до этого?

— Она сменила емкость с внутривенным раствором. Мы отправили его на исследование.

Риццоли вновь перевела взгляд на экран, где застыла фигура мужчины в белом халате.

— Это кажется полной бессмыслицей. Зачем ему так рисковать?

— Это был отвлекающий момент, чтобы избавиться от нежелательного свидетеля.

— Но что могла рассказать Нина Пейтон? — недоумевала Риццоли. — Она видела только лицо в маске. Он знал, что она никогда не опознает его. Знал, что она практически не представляет опасности. И все равно затеял всю эту возню, чтобы убить ее. Он серьезно рисковал. Чего он в итоге добился?

— Удовлетворения. Он наконец завершил убийство.

— Но он мог сделать это в ее доме. Мур, он сам оставил в живых Нину Пейтон той ночью. А это значит, что он планировал избавиться от нее именно таким способом.

— В больнице?

— Да.

— С какой целью?

— Не знаю. Но мне представляется интересным, что из всех пациентов этого отделения он выбрал в качестве жертвы Германа Гвадовски. Пациента Кэтрин Корделл.

У Мура запищал пейджер. Пока он принимал сообщение, Риццоли вновь повернулась к экрану. Она нажала на кнопку воспроизведения записи, и мужчина в белом халате двинулся к двери. Он выставил бедро, чтобы распахнуть дверь, и вышел на лестничную площадку. И ни разу не позволил камере заснять хотя бы часть своего лица. Она перемотала пленку

назад, еще раз просмотрела последовательность его движений. Теперь, когда его бедро выдвинулось вперед, она заметила выпуклость под белым халатом. Справа, на уровне пояса. Что он там прятал? Смену одежды? Орудие убийства?

Она услышала, как Мур говорит в трубку:

— Не трогайте ничего. Оставьте все, как есть. Я еду.

Когда он отключил телефон, Риццоли спросила:

— Кто это?

— Кэтрин, — ответил Мур. — Наш неизвестный только что прислал ей еще одно письмо.

— Оно пришло со служебной почтой, — сказала Кэтрин. — Увидев конверт, я сразу поняла, что это от него.

Риццоли смотрела, как Мур надевает перчатки — бессмысленная мера предосторожности, подумала она, поскольку Хирург никогда не оставлял после себя отпечатков. Конверт был большой, коричневый с застежкой в виде пуговицы и резинки. Вверху было написано синими чернилами: «Кэтрин Корделл. Поздравление с днем рождения от Э.К.»

«Эндрю Капра», — подумала Риццоли.

— Вы не открывали его? — спросил Мур.

— Нет. Я сразу же отложила его на стол. И позвонила вам.

— Умница.

Риццоли сочла его ответ снисходительным, но Кэтрин явно подумала по-другому, поскольку зарделась от смущения и слегка улыбнулась ему. Что-то неуловимое промелькнуло между Муром и Кэтрин. Какая-то теплая волна, и Риццоли испытала нечто похожее на приступ болезненной ревности.

«Это зашло гораздо дальше, чем я думала».

— На ощупь он кажется пустым, — сказал он и размотал резинку. Риццоли подложила белый лист бумаги, чтобы поймать содержимое. Мур раскрыл конверт и перевернул его.

Шелковистые рыжеватые пряди высыпались из конверта на лист бумаги.

У Риццоли мурашки побежали по коже.

— Похоже на человеческие волосы, — пробормотала она.

— О Боже. О Боже...

Риццоли обернулась и увидела, что Кэтрин в ужасе пятится назад. Она уставилась на волосы Кэтрин, потом перевела взгляд на пряди, выпавшие из конверта.

«Это ее. Волосы Корделл».

— Кэтрин. — Голос Мура прозвучал нежно и успокаивающе. — Это могут быть вовсе не ваши волосы.

Она в отчаянии посмотрела на него.

— А что если это мои? Как он смог...

— Вы оставляете свою расческу в раздевалке? Или в кабинете?

— Мур, — сказала Риццоли. — Проверьте эти пряди. Их явно сняли не с расчески. Корневые концы срезаны. — Она повернулась к Кэтрин. — Кто в последний раз подстригал вам волосы, доктор Корделл?

Кэтрин медленно подошла к столу и посмотрела на срезанные пряди так, будто перед ней лежала ядовитая гадюка.

— Я знаю, когда он это сделал, — тихо произнесла она. — Я помню.

— Когда?

— Это было в ту ночь... — Она посмотрела на Риццоли изумленным взглядом. — В Саванне.

* * *

Риццоли повесила трубку телефона и посмотрела на Мура.

— Детектив Сингер подтверждает это. Прядь волос была срезана.

— Почему это не отражено в его отчете?

— Корделл заметила это только на второй день пребывания в больнице, когда посмотрела на себя в зеркало. Поскольку Капра был мертв, а на месте преступления никаких волос не обнаружили, Сингер предположил, что волосы отрезали в больнице. Возможно, в процессе реанимации. Помните, у Корделл было здорово повреждено лицо? Врачи могли отрезать пряди, чтобы обнажить кожу головы.

— А Сингер даже не опросил персонал больницы, чтобы убедиться в этом?

Риццоли отбросила карандаш в сторону и вздохнула.

— Нет. Никого он не опрашивал.

— Он просто оставил все, как есть? — Мур возмущенно развел руками. — И даже не отразил в своем отчете, поскольку не видел в этом никакого смысла.

— Да, но в этом есть смысл! Почему отрезанные волосы не были найдены на месте преступления, рядом с телом Капры?

— Кэтрин не помнит многое из того, что произошло с ней в ту ночь, — пояснил он. — Рогипнол сыграл злую шутку с ее памятью. Капра мог

выйти из дома. Потом вернуться.

— Хорошо. Но теперь мы должны ответить на самый главный вопрос. Капра мертв. Как этот сувенир оказался в руках Хирурга?

На этот вопрос у Мура не было ответа. Двое убийц — один живой, другой мертвый. Что связывало этих двух монстров друг с другом? Связь между ними была гораздо более осязаемая, нежели энергетика; отныне она приобрела вполне материальную форму, которую можно увидеть и пощупать.

Он посмотрел на два пакетика с вещественными доказательствами. Один был помечен: «Волосы неизвестного происхождения». Во втором был образец волос Кэтрин для сравнения. Он лично отрезал эти медные пряди и положил в пакет. Весьма соблазнительный сувенир. Волосы — материя слишком интимная. Женщина носит их на себе, спит с ними. Они хранят ее запах, цвет, текстуру. Саму сущность женщины. Неудивительно, что Кэтрин пришла в ужас от того, что незнакомый человек обладал столь интимной частью ее тела. Гладил их, вдыхал их аромат, словно любовник, привыкающий к запаху своей избранницы.

«Теперь Хирург хорошо знает ее запах».

* * *

Близилась полночь, но в ее окнах все горел свет. Сквозь задернутые шторы он видел ее силуэт и знал, что она не спит.

Мур подошел к припаркованной патрульной машине и наклонился к окошку, чтобы поговорить с двумя дежурившими полицейскими.

— Есть что-то новенькое?

— Она не выходила из дома с тех пор, как пришла с работы. Все ходит по квартире. Похоже, ночь у нее будет бессонная.

— Я поднимусь к ней, поговорю, — сказал Мур и развернулся, чтобы перейти на другую сторону улицы.

— Останетесь на всю ночь?

Мур замер. Обернулся и недовольно взглянул на полицейского.

— Что вы сказали?

— Вы останетесь на всю ночь? Просто, если вы там будете, мы передадим это следующей дежурной группе. Чтобы они знали, что наверху есть кто-то из наших.

Мур устыдился своей гневной реакции. Вопрос полицейского был вполне резонным. Тогда почему же он так разволновался?

«Потому что я знаю, как это выглядит со стороны. Среди ночи я иду домой к женщине. Представляю, какие мысли их посетили. Но такие же мысли носятся и в моей голове».

Стоило ему переступить порог ее квартиры, как он увидел в ее глазах вопрос и ответил на него мрачным кивком.

— Не хочу вас огорчать, но лабораторный анализ подтвердил это. Он прислал ваши волосы.

Она приняла новость молча.

На кухне засвистел чайник. Кэтрин развернулась и вышла из комнаты.

Закрывая дверь, он обратил внимание на сияющий новый замок. Насколько ненадежна даже закаленная сталь, если имеешь дело с противником, который умеет проходить сквозь стены. Он последовал за Кэтрин на кухню и стал смотреть, как она выключает газ и снимает чайник с плиты. Она достала коробку с пакетиками чая и вздрогнула, когда они рассыпались по столу. Такое досадное недоразумение, казалось, было воспринято ею как катастрофа. Кэтрин тяжело облокотилась на стол, сжав кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Она отчаянно боролась со слезами, чтобы не упасть в его глазах, но явно проигрывала. Мур увидел, что она сделала глубокий вдох, расправила плечи, пытаясь сдерживать рыдания.

Он больше не мог стоять и смотреть на это. Мур подошел к ней и притянул к себе. Долго держал ее, дрожащую, в своих объятиях. Весь день он думал об этом прикосновении, страстно желал его. Он не хотел, чтобы это случилось именно так — чтобы она, гонимая страхом, кинулась в его объятия. Ему хотелось большего, нежели быть ее тихой гаванью, надежным товарищем, к которому можно обратиться за помощью.

Но сейчас ей нужно было только это. Поэтому он держал ее в своих руках, укрывая от ужасов ночи.

— Почему это происходит снова? — прошептала она.

— Я не знаю, Кэтрин.

— Это Капра...

— Нет. Он мертв. — Он взял в ладони ее мокрое от слез лицо, заставил заглянуть ему в глаза. — Эндрю Капра мертв.

Уставившись на него, она замерла.

— Тогда почему Хирург выбрал меня?

— Если кто и знает ответ, так только вы.

— Я не знаю.

— Может быть, вам и кажется, что не знаете. Но вы сами говорили мне, что не помните всего, что произошло в Саванне. Не помните, как

сделали второй выстрел. Не помните, кто отрезал вам волосы и когда. Что еще вы не помните?

Кэтрин покачала головой. Потом вздрогнула, услышав писк его пейджера.

«Почему нельзя оставить меня в покое?»

Он подошел к телефонному аппарату, висевшему на стене, чтобы ответить на звонок.

Риццоли приветствовала его легким упреком в голосе:

— Вы все-таки у нее.

— Вы догадливы.

— Нет, просто у меня на телефоне определитель номера. Сейчас полночь. Вы хорошо подумали о том, что делаете?

— Зачем вы звонили мне на пейджер? — раздраженно произнес он.

— Она слушает?

Он видел, как Кэтрин вышла из кухни. Без нее комната сразу показалась пустой. Лишенной всякого интереса.

— Нет, — ответил он.

— Я все думала насчет прядей волос. Знаете, у меня есть еще одна версия того, как они оказались у нее.

— И какая же?

— Она сама их себе послала, — с уверенностью в голосе заявила Риццоли.

— Даже не верится, что слышу подобную чушь.

— А мне не верится, что вам самому эта мысль никогда не приходила в голову.

— А какой мотив?

— Тот же самый, который заставляет людей признаваться в преступлениях, которых они не совершали. Подумайте только, сколько к ней сразу внимания! Ночь, а вы у нее, суетитесь, утешаете. Я не хочу сказать, что Хирург не охотится за ней. Но этот трюк с волосами заставил меня посмотреть на дело иначе. Пора подумать и о других вариантах. Откуда они могли взяться у Хирурга? Мог ли Капра передать их ему два года назад? И каким образом, если он лежал мертвый на полу в ее спальне? Вы сами увидели нестыковку между ее показаниями и протоколом вскрытия Капры. И мы оба знаем, что она не рассказала всей правды.

— Эти показания выудил из нее детектив Сингер.

— Вы полагаете, он добавил кое-что от себя?

— Подумайте только, под каким давлением работал Сингер. Четыре убийства. Все кричат об аресте преступника. И у него есть великолепное

чистое решение: преступник мертв, убит своей жертвой. Кэтрин помогла ему закрыть дело, даже если ему и пришлось вложить в ее уста нужные слова. — Мур сделал паузу. — Нам необходимо знать, что произошло той ночью в Саванне на самом деле.

— Но Корделл единственная, кто там был. И она утверждает, что ничего не помнит.

Мур обернулся, услышав, что в кухню зашла Кэтрин.

— Подождите, еще не все потеряно, — сказала она.

Глава 14

— Ты уверен, что доктор Корделл согласна? — спросил Алекс Полочек.

— Она здесь и ждет тебя, — сказал Мур.

— Вы не уговаривали ее пойти на это? Потому что гипноз неэффективен, если объект сопротивляется. Она должна быть настроена позитивно, иначе все это будет пустой тратой времени.

«Пустой тратой времени» уже назвала эту затею Риццоли, и ее мнение разделяли остальные детективы из их команды. Они считали гипноз шарлатанством, придуманным затейниками из Лас-Вегаса и салонными чародеями. Раньше Мур согласился бы с ними.

Однако дело Меган Флоранс изменило его отношение к гипнозу.

31 октября 1998 года десятилетняя Меган возвращалась домой из школы, когда возле нее затормозила машина. Больше ее живой не видели.

Единственным свидетелем похищения оказался двенадцатилетний мальчик, стоявший неподалеку. Хотя он хорошо видел машину, помнил ее форму и цвет, воспроизвести номерной знак ему никак не удавалось. Спустя несколько недель, в течение которых следствие не продвинулось ни на шаг, родители девочки настояли на том, чтобы нанять специалиста по гипнозу, который смог бы поработать с мальчиком. Поскольку расследование зашло в тупик, полиция, хотя и неохотно, согласилась.

Мур присутствовал на этом сеансе. Он видел, как Алекс Полочек мягко ввел ребенка в гипнотическое состояние, а потом изумленно слушал, как мальчик тихо называет цифры номерного знака.

Труп Меган Флоранс был обнаружен через два дня зарытым во дворе похитителя.

Мур надеялся, что магия Полочека, оживившая память мальчика, сработает и в случае с Кэтрин Корделл.

И вот они вдвоем стояли за зеркальной перегородкой комнаты глядя на Кэтрин и Риццоли, сидевших по другую сторону. Кэтрин явно чувствовала себя неуютно. Она ерзала на стуле и поглядывала на зеркальное стекло, словно догадываясь, что за ней наблюдают. Ее чай так и остался нетронутым.

— Предстоит пробудить болезненные воспоминания, — сказал Мур. — Она, может, и хочет помочь, но для нее это будет непросто. В момент нападения она находилась под влиянием рогипнола.

— Память, стертая наркотиком, да еще двухгодичной давности? — Полочек с сомнением покачал головой. — И к тому же, как ты сказал, воспоминания могут быть искаженными.

— Да, детектив из Саванны мог напичкать ее совершенно неправдоподобными сведениями.

— Ты же понимаешь, что я не волшебник. И информация, которую мы получим в ходе сеанса, никогда не будет принята как доказательство. Более того, она сделает юридически ничтожными показания, которые свидетельница может дать в суде.

— Я знаю.

— И все равно хочешь попробовать?

— Да.

Мур открыл дверь, и мужчины зашли в комнату для допросов.

— Кэтрин, — произнес Мур, — это тот самый Алекс Полочек, о котором я вам говорил. Он специалист по гипнозу, сотрудничает с Бостонским полицейским управлением.

Кэтрин и Полочек пожали друг другу руки, и она нервно рассмеялась.

— Извините, — сказала она. — Просто я вас совсем другим представляла.

— Вы думали, что я буду в черном плаще и с волшебной палочкой в руке? — улыбнулся Полочек.

— Забавно, но это так.

— А вместо этого вы видите перед собой смешного лысого человечка. Она опять рассмеялась, уже более расслабленно.

— Вы никогда не подвергались гипнозу? — спросил он.

— Нет. По правде говоря, я не думаю, что подвержена гипнозу.

— Почему вы так считаете?

— Потому что не верю в него, — откровенно ответила она.

— И все-таки согласились попробовать.

— Детектив Мур полагает, что мне следует это сделать.

Полочек сел на стул лицом к ней.

— Чтобы сеанс прошел успешно, вам, доктор Корделл, совершенно не обязательно верить в силу гипноза. Но вы должны хотеть работать со мной. Вы должны доверять мне. И добровольно расслабиться, позволив мне вывести вас в альтернативное состояние. Во многом все это похоже на начальную стадию сна. Но вы не будете спать. Обещаю вам, вы сможете отчетливо осознавать, что происходит вокруг вас. При этом вы будете настолько расслаблены, что вам удастся заглянуть в такие уголки своей памяти, куда обычно вход закрыт. Я бы сравнил это с тем, что вы

открываете шкаф с файлами и начинаете вытаскивать оттуда все ящики.

— А вот в это я уже не верю. Не верю, что гипноз может заставить меня вспомнить.

— Не заставить, а помочь, — уточнил он.

— Хорошо, помогите мне вспомнить. Только мне кажется невероятным, что можно извлечь из памяти то, что я не могу вспомнить сама.

Полочек кивнул.

— Да, вы правы в своем скептицизме. Это кажется невероятным, не так ли? Но позвольте привести вам пример того, как блокируется память. Это называется законом обратного эффекта. Чем настойчивее ваши попытки что-то вспомнить, тем меньше вероятность того, что вам это удастся. Уверен, вы это не раз замечали. Все мы сталкиваемся с подобным эффектом. Например, вы видите на телеэкране известную актрису, и вы знаете ее имя. Но просто не можете его вспомнить. Это доводит вас до сумасшествия. Вы долго копаетесь в памяти, но имя напрочь забыто. Вы задаетесь вопросом, не начинается ли у вас болезнь Альцгеймера. Скажите, ведь бывало с вами такое?

— И не раз. — Кэтрин уже улыбалась. Полочек ей явно понравился, и она чувствовала себя с ним комфортно. Хорошее начало.

— Но в конце концов вы ведь вспоминаете имя актрисы, не так ли? — продолжил он.

— Да.

— И в какой момент это происходит?

— Когда я бросаю попытки вспомнить. Когда расслабляюсь и думаю о чем-то другом. Или когда ложусь спать.

— Совершенно верно, — Полочек одобительно кивнул. — Только когда вы расслабляетесь, когда ваша память перестает судорожно вытаскивать те самые ящики из шкафа, вот тогда, словно по мановению волшебной палочки, нужный ящичек и открывается, и оттуда вываливается файл. Такая концепция гипноза кажется вам более приятной?

Она кивнула.

— Что ж, именно это мы и собираемся сделать. Помочь вам расслабиться. Позволить вам заглянуть в шкаф с файлами.

— Я не уверена, что смогу полностью расслабиться.

— А что вас смущает? Эта комната? Стул?

— Со стулом все в порядке. Дело в том... — Она смущенно посмотрела в сторону видеокамеры.

Полочек проследил за ее взглядом и понимающе кивнул.

— Не надо беспокоиться. Детективы Мур и Риццоли выйдут из комнаты. А что касается видеокамеры, так это всего лишь вещь. Железка. Думайте о ней именно так.

— Хорошо. Но только...

— Вас что-то еще смущает?

Последовала пауза. Потом она тихо произнесла:

— Я боюсь.

— Меня?

— Нет. Воспоминаний, которые придется заново пережить.

— Я бы никогда не допустил этого. Детектив Мур предупредил меня о том, что это для вас очень болезненно, и мы не станем переживать все заново. Мы сделаем по-другому. Так, чтобы страх перестал блокировать вашу память.

— И как я узнаю, настоящие это воспоминания или фантазии, придуманные мной?

Полочек сделал паузу.

— Это и в самом деле проблема. Прошло много времени. Но будем работать с тем, что есть. Должен вам сказать, что я не слишком хорошо осведомлен о вашем деле. Я постарался не углубляться в него, чтобы не влиять на ход ваших мыслей. Мне известно лишь, что событие произошло два года назад, что оно связано с нападением на вас и в ваш организм ввели рогипнол. Все остальное для меня загадка. Так что, какие бы подробности ни выдавала ваша память, это будут исключительно ваши воспоминания. Я здесь только для того, чтобы помочь вам заглянуть в потаенные уголки вашей памяти.

Кэтрин вздохнула.

— Ну, кажется, я готова.

Полочек обернулся к детективам.

Мур кивнул, и они с Риццоли вышли из комнаты.

Стоя за перегородкой, они видели, как Полочек достал ручку и блокнот и положил их на стол рядом с собой. Он задал Кэтрин еще несколько вопросов. В том числе о том, как она привыкла расслабляться. И есть ли какое-то особое место, дорогие воспоминания, которые повергают ее в состояние покоя.

— Летом, когда я была маленькой, — сказала она, — я ездила к бабушке с бабушкой в Нью-Гемпшир. У них был домик на озере.

— Опишите его для меня. Подробно.

— Он был очень тихий. Маленький. С большим крыльцом, выходящим прямо к воде. Рядом с домом были заросли дикой малины. Я

любила собирать ягоды. А вдоль тропинки, ведущей к воде, бабушка высаживала красоднев.

— Итак, вы помните ягоды, цветы.

— Да. И воду. Я люблю воду. И еще я загорала на пирсе.

— Хорошо. — Он что-то нацарапал в своем блокноте и отложил ручку. — Начнем с того, что сделаем три глубоких вдоха. И каждый раз очень медленно выдохнем. Вот так. Теперь закройте глаза и просто сосредоточьтесь на моем голосе.

Мур за перегородкой видел, как веки Кэтрин медленно сомкнулись.

— Начинайте запись, — сказал он Риццоли.

Она нажала кнопку видеозаписи — зашуршала пленка.

В соседней комнате Полочек подводил Кэтрин к полной релаксации, инструктируя сначала сконцентрироваться на пальцах ног, откуда уходит напряжение. Теперь ее ноги должны были стать ватными, поскольку расслабление медленно поднималось вверх по икрам.

— Вы действительно верите в эту ересь? — спросила Риццоли.

— Я сам видел результат.

— Что ж, возможно, в этом что-то и есть. Во всяком случае меня потянуло в сон.

Он посмотрел на Риццоли, которая стояла, скрестив руки на груди и скривив рот в скептической ухмылке.

— Просто наблюдайте, — сказал он.

— И когда она начнет возноситься?

Полочек руководил процессом релаксации, постепенно расслабляя все мышцы ее тела. Вот уже ее руки повисли плетями, а лицо стало спокойным и безмятежным. Дыхание замедлилось, стало глубоким.

— А теперь мы увидим место, которое вам дорого, — говорил Полочек. — Коттедж бабушки с дедушкой на озере. Я хочу, чтобы вы увидели себя стоящей на том большом крыльце. Вы смотрите на воду. День теплый, воздух спокойный и неподвижный. Слышен только щебет птиц, больше никакие звуки не нарушают тишину. Здесь все дышит покоем. Солнечный свет поблескивает искорками на воде...

Ее лицо излучало такое умиротворение, что Мур едва мог поверить, что перед ним та же женщина. Он видел в ее лице теплые розовые мечты молодой девушки. Ему казалось, что он смотрит на ребенка, которым она была когда-то. Еще невинного, незнакомого с разочарованиями взрослой жизни. Не встретившего на своем пути Эндрю Капры.

— Вода такая красивая, она манит вас, — продолжал Полочек. — Вы спускаетесь по ступенькам и идете по тропинке к озеру.

Кэтрин сидела, не двигаясь, в полном расслаблении, и ее руки безвольно лежали на коленях.

— Земля такая мягкая под вашими ногами. Солнце ласково греет вам спину. И птицы щебечут в зарослях деревьев. Вы совершенно расслаблены. С каждым шагом вам становится все спокойнее. Вы чувствуете, как в душе разливается покой. По обе стороны тропинки растут цветы, красоднев. Они сладко пахнут, и, задевая головки, вы вдыхаете их аромат. Это особый, магический аромат, который повергает вас в сон. Вы чувствуете, как тяжелеют ваши ноги. Запах цветов одурманивает, расслабляет еще больше. А солнечное тепло растапливает остатки напряжения в ваших мышцах.

— Вот вы подходите к кромке воды. И видите маленькую лодочку у пирса. Вы идете к ней. Водная гладь спокойна, словно зеркало. Она как стекло. Лодочка едва колышется на воде. Это волшебная лодочка. Она может отвезти вас куда угодно. Куда только захотите. Вам нужно только сесть в нее. Итак, вы поднимаете правую ногу, чтобы ступить в лодку.

Мур посмотрел на ноги Кэтрин и увидел, что ее правая ступня действительно оторвалась от пола.

— Все верно. Вы ступаете в лодку с правой ноги. Лодка стоит на месте. Она удержит вас. Вы чувствуете себя уверенно и уютно. А теперь ступайте левой ногой.

Левая нога Кэтрин тоже поднялась и медленно опустилась.

— Господи, даже не верится, — пробормотала Риццоли.

— Но вы же сами все видите.

— Да, но откуда мне знать, действительно ли она под гипнозом? А может, притворяется?

— Этого вы все равно не узнаете.

Полочек наклонялся все ближе к Кэтрин, но не касался ее, а руководил ее трансом только посредством голоса.

— Вы отвязываете лодку. И вот она свободно скользит по глади воды. Вы направляете ее. Вам нужно только придумать место, и волшебная лодка доставит вас туда. — Полочек обернулся к зеркальной перегородке и кивнул.

— Он собирается вернуть ее в прошлое, — сказал Мур.

— Хорошо, Кэтрин. — Полочек отметил в блокноте время, затраченное на погружение в транс. — Вы поворачиваете лодку в другое место. В другое время. Вы все еще контролируете ее движение. Вы видите дымку над водой, она нежно обволакивает ваше лицо. Лодка устремляется прямо в нее. Вы наклоняетесь, касаетесь воды, и она кажется вам шелковой. Такая теплая, такая гладкая. И вот дымка рассеивается, и прямо

впереди вы видите дом на берегу. Дом с единственной дверью.

Мур поймал себя на том, что встал вплотную к стеклу. Руки его напряглись, пульс участился.

— Лодка причаливает к берегу, и вы ступаете на землю. Не торопясь, идете по тропинке к дому и открываете дверь. Внутри одна-единственная комната. На полу красивый пушистый ковер. И стул. Вы садитесь и чувствуете, что это самый удобный стул, на котором вы когда-либо сидели. Вы полностью расслаблены. И контролируете происходящее.

Кэтрин глубоко вздохнула, как будто только что устроилась на мягком сиденье.

— И вот вы смотрите на стену прямо перед собой и видите на ней экран. Это волшебный экран, потому что он может показать любые сцены из вашей жизни. С его помощью можно заглянуть даже в далекое прошлое. У вас все под контролем. Вы можете прокрутить кадры вперед или назад. Все зависит только от вас. Давайте попробуем. Вернемся назад, в счастливые времена. В те времена, когда вы гостили у бабушки с дедушкой на озере. Вы собираете малину. Вы видите это на экране?

Ответа Кэтрин пришлось ждать очень долго. Когда она наконец заговорила, голос ее был таким тихим, что Мур едва слышал его.

— Да. Я вижу.

— Что вы делаете? На экране? — спросил Полочек.

— Я держу в руке бумажный пакет. Собираю ягоды и кладу их в пакет.

— А вы едите их, пока собираете?

На лице ее появилась улыбка, мягкая и мечтательная.

— О да. Они сладкие. И теплые от солнца.

Мур нахмурился. Такого он не ожидал. Она чувствовала и вкус, и прикосновение, и это означало, что она переживает заново момент. Она не просто видела его на экране; она сама была на экране. Он увидел, как Полочек послал озабоченный взгляд в их сторону. Он выбрал экранный образ, чтобы тот стал преградой между ней и болезненными воспоминаниями. Но она слишком увлеклась. Теперь Полочек колебался, раздумывая над тем, что делать дальше.

— Кэтрин, — сказал он, — я хочу, чтобы вы сконцентрировались на подушке сиденья. Вы на стуле, в комнате, смотрите на экран. Обратите внимание на то, какая мягкая подушка. Как уютно вам на этом стуле. Вы это чувствуете?

Пауза.

— Да.

— Хорошо. Теперь вы останетесь на этом стуле. Вы не собираетесь

вставать с него. И мы используем этот волшебный экран, чтобы посмотреть другую сцену из вашей жизни. Вы будете по-прежнему сидеть на стуле. Будете чувствовать мягкую подушку под собой. А то, что вы увидите, будет не более чем кино. Договорились?

— Да.

— Итак. — Полочек сделал глубокий вдох. — Мы вернемся в ночь пятнадцатого июня в Саванне. В ночь, когда Эндрю Капра постучался в вашу дверь. Рассказывайте мне, что происходит на экране.

Мур наблюдал за ней, затаив дыхание.

— Он стоит на моем крыльце, — сказала Кэтрин. — Он объясняет, что ему нужно поговорить со мной.

— О чем?

— Об ошибках, которые он допустил. В больнице.

То, что она рассказала дальше, ничем не отличалось от показаний, которые она дала детективу Сингеру в Саванне. Неохотно она впустила Капру в дом. Была жаркая ночь, он сказал, что хочет пить, и она предложила ему пива. Она открыла пиво и для себя. Капра был взволнован, беспокоился за свое будущее. Да, он допустил много ошибок. Но разве врачи застрахованы от ошибок? Снимать его со стажировки значило загубить его талант. Он знал одного студента-медика из университета Эмори, очень способного, который допустил всего одну ошибку, и она стоила ему карьеры. Это несправедливо, что Кэтрин будет решать его судьбу. Человеку нужно дать шанс.

Хотя она и пыталась урезонить его, она чувствовала, что он все больше злится, видела, как дрожат его руки. Наконец она встала, чтобы пройти в ванную и дать ему время успокоиться.

— И когда вы вернулись из ванной? — спросил Полочек. — Что происходит на экране? Что вы видите?

— Эндрю стал заметно тише. Не такой злой. Он говорит, что понимает меня. Он улыбается мне, когда я допиваю пиво.

— Улыбается?

— Странно. Очень странно улыбается. Так же, как улыбнулся в больнице...

Мур слышал, что ее дыхание участилось. Даже в роли отстраненного зрителя, который смотрит воображаемый фильм, она не могла избавиться от ощущения приближающегося ужаса.

— Что происходит дальше?

— Я засыпаю.

— Вы это видите на экране?

— Да.

— А потом?

— Я ничего не вижу. Экран стал черным.

«Рогипнол. Она не помнит эту часть».

— Хорошо, — сказал Полочек. — Давайте прокрутим пленку вперед, минуя черный кадр. Переходим к следующей части фильма. К следующему образу, который возникает на экране.

Дыхание Кэтрин стало учащенным.

— Что вы видите?

— Я... я лежу на кровати. В своей комнате. Я не могу пошевелить ни руками, ни ногами.

— Почему?

— Я привязана к кровати. На мне нет одежды, и он лежит на мне. Он во мне. Двигается во мне...

— Эндрю Капра?

— Да. Да... — Ее дыхание стало судорожным, в голосе угадывался страх.

Мур сжал кулаки и почувствовал, что и у него участилось дыхание. Он с трудом сдерживал желание пробить стеклянную перегородку и положить конец этой процедуре. Он больше не мог слушать это. Они не должны заставлять ее заново переживать сцену насилия.

Но Полочек уже осознал опасность происходящего и поспешил увести ее в сторону от тяжелых воспоминаний.

— Вы по-прежнему на своем стуле, — произнес Полочек. — Вы в безопасности, просто смотрите кино. Это всего лишь кино, Кэтрин. Это происходит с кем-то другим, не с вами. Вы в безопасности. Вы уверены в себе. Защищены.

Она задышала ровнее. И Мур тоже.

— Хорошо. Давайте посмотрим кино. Обратите внимание на то, что делаете вы. Не Эндрю. Расскажите мне, что происходит дальше.

— Экран опять погас. Я ничего не вижу.

«Она еще не оправилась от рогипнола».

— Прокручивайте пленку вперед, пропускайте этот черный кусок. Что появляется на экране?

— Свет. Я вижу свет...

Полочек сделал паузу.

— Я хочу, чтобы вы огляделись, Кэтрин. Откиньтесь на спинку стула, чтобы перед вами была перспектива. Что видно на экране?

— Вещи. Они лежат на ночном столике.

— Что за вещи?

— Инструменты. Скальпель. Я вижу скальпель.

— А где Эндрю?

— Я не знаю.

— Его нет в комнате?

— Он ушел. Я слышу, как льется вода.

— Что происходит дальше?

Она опять дышала тяжело, голос ее был взволнованным.

— Я натягиваю веревки. Пытаюсь освободиться. Не могу пошевелить ногами. Но на правой руке... веревка свободно болтается на запястье. Я тяну. Я продолжаю тянуть. Запястье все в крови.

— Эндрю по-прежнему нет в комнате?

— Нет. Я слышу его смех. Слышу его голос. Но он доносится из какой-то другой комнаты.

— Что происходит с веревкой?

— Она падает. От крови она становится скользкой, и моя рука проскакивает...

— Что вы делаете потом?

— Я тянусь к скальпелю. Срезаю веревку с другого запястья. Все это так долго. Меня тошнит. Руки плохо слушаются. Они так медленно двигаются, а в комнате то темно, то светло, а потом опять темно и светло. Я все еще слышу его голос, он разговаривает. Я нагибаюсь и срезаю веревку на левой щиколотке. Теперь я слышу его шаги. Я пытаюсь сползти с кровати, но моя правая щиколотка до сих пор привязана. Я переваливаюсь и падаю на пол. Лицом вниз.

— А дальше?

— Эндрю здесь, в дверях. Он выглядит удивленным. Я тянусь рукой под кровать. И нащупываю пистолет.

— У вас под кроватью пистолет?

— Да. Это пистолет моего отца. Но рука такая неуклюжая, я еле удерживаю его. И опять в глазах все меркнет.

— Где Эндрю?

— Он идет ко мне...

— И что происходит, Кэтрин?

— Я держу пистолет. И раздается звук. Громкий звук.

— Пистолет выстрелил?

— Да.

— Из пистолета стреляли вы?

— Да.

— И что делает Эндрю?
— Он падает. Его руки прижаты к животу. Сквозь пальцы сочится кровь.

— И что дальше?

Долгая пауза.

— Кэтрин? Что вы видите на экране?

— Темнота. Экран погас.

— И когда на экране появляется следующий кадр?

— Люди. В комнате много людей.

— Что это за люди?

— Полицейские...

Мур едва не застонал от разочарования. В ее памяти был существенный провал. Рогипнол в сочетании с полученной травмой головы опять ввергнул ее в беспамятство. Кэтрин не помнила, как сделала второй выстрел. И им так и не удастся узнать, как получилось, что Эндрю скончался от выстрела в голову.

Полочек бросил вопросительный взгляд в их сторону. Удовлетворены ли они?

К удивлению Мура, Риццоли распахнула дверь и жестом попросила Полочку выйти к ним. Он вышел, оставив Кэтрин одну.

— Заставьте ее вернуться назад, к моменту до выстрела. Когда она все еще лежит в кровати, — сказала Риццоли. — Я хочу, чтобы вы сосредоточились на том, что она слышит в другой комнате. Шум воды, смех Капры. Мне нужно знать все звуки, которые она слышала.

— Есть какая-то причина?

— Просто сделайте, как я прошу.

Полочек кивнул и вернулся в комнату. Кэтрин не двигалась; она сидела ровно и спокойно, как будто увлеклась просмотром кинофильма.

— Кэтрин, — мягко произнес он, — я хочу, чтобы вы перемотали пленку назад. Мы вернемся к эпизоду, предшествующему выстрелу. Вы еще даже не освободились от веревок. Мы остановимся на кадре, когда вы лежите на кровати, а Эндрю вышел из комнаты. Вы говорили, что слышите шум воды.

— Да.

— Расскажите мне все, что вы слышите.

— Вода. Я слышу, как шумит кран. Шипит. И вода булькает, попадая в сливную горловину.

— Он наполняет ванну?

— Да.

— И еще вы говорили, что слышите смех.

— Эндрю смеется.

— Он разговаривает?

Пауза.

— Да.

— Что он говорит?

— Я не знаю. Он далеко от меня.

— Вы уверены, что это Эндрю? Может, это телевизор?

— Нет, это он. Эндрю.

— Хорошо. Поставим замедленную съемку. Пройдемся по секундам.

Говорите мне, что вы слышите.

— Вода, все еще льется. Эндрю говорит: «Легко». Слово «легко».

— Это все?

— Он говорит: «Делай, как я».

— «Делай, как я»? Это он говорит?

— Да.

— А что вы слышите потом?

— «Сейчас моя очередь, Капра».

Полочек сделал паузу.

— Вы можете повторить?

— «Сейчас моя очередь, Капра».

— Это произносит Эндрю?

— Нет. Не Эндрю.

Мур оцепенел, уставившись на неподвижную женщину на стуле.

Полочек посмотрел на них изумленным взглядом. Потом повернулся к

Кэтрин.

— Кто произносит эти слова? — спросил Полочек. — Кто говорит: «Сейчас моя очередь, Капра»?

— Я не знаю. Этот голос мне незнаком.

Мур и Риццоли уставились друг на друга.

«В доме был кто-то еще».

Глава 15

«Он сейчас с ней».

Риццоли неуклюже провела ножом по разделочной доске, и куски нарезанного лука посыпались на пол. В соседней комнате шумели ее отец и двое братьев, стараясь перекричать работающий телевизор. В их доме всегда был включен телевизор, и это означало, что домашние должны были орать, общаясь друг с другом. Говорить тихо в доме Фрэнка Риццоли было не принято, иначе тебя могли не услышать, и даже обычная семейная беседа принимала форму ожесточенного спора. Она высыпала лук в миску и, чувствуя, как щиплет глаза, принялась за чеснок, мысленно возвращаясь к Муру и Кэтрин Корделл.

После сеанса с доктором Полочком Мур повез Кэтрин домой. Риццоли видела, как они вместе шли к лифту, как Мур обнимал ее за плечи. Этот жест означал куда больше, нежели простую защиту. Она заметила, какими глазами он смотрит на Корделл, как меняется выражение его лица, как горит взгляд. Теперь он был не полицейским, охраняющим покой гражданина; он был влюбленным мужчиной.

Риццоли разделила головки чеснока на дольки, очистила их от кожицы и принялась мелко рубить. Она отчаянно колотила ножом по доске, так что мать, стоявшая у плиты, выразительно посмотрела на нее, но ничего не сказала.

«Он сейчас с ней. В ее доме. И, может быть, в ее постели».

С каждым ударом ножа из нее выходило раздражение. Она и сама не знала, почему ее так расстроили мысли о Муре и Корделл. Может быть, потому, что в мире было так мало святых, так мало людей: играющих по правилам, и Мура она относилась к их числу. Он дал ей надежду на то, что не все люди порочны, и вот теперь разочаровал ее.

А может быть, она видела в этом угрозу для расследования. Человек с ярко выраженным личным интересом в деле не может думать и действовать логически.

«Или же ты просто ревнуешь. И завидуешь женщине, которая одним лишь взглядом может вскружить мужчине голову. Мужчины так падки на слабых и незащищенных дамочек».

Из соседней комнаты донесся хохот отца и братьев, которые увидели что-то смешное по телевизору. Ей ужасно хотелось оказаться сейчас в своей тихой квартире, и она стала искать предлог, чтобы уйти пораньше.

Конечно, обед придется высидеть. Как не уставала повторять мама, Фрэнк-младший приезжает не так часто, и неужели Джейни не хочется провести время с родным братом? Ей предстояло весь вечер слушать армейские байки в исполнении Фрэнки. Какие в этом году хлипкие новобранцы, как измывалась американская молодежь и скольких усилий стоит ему обучить этих маменькиных сынков азам военной службы. Больше всего ее злило то, что родные совершенно не интересовались ее работой. Фрэнки, мачо морской пехоты, только играл в войну. Ей же каждый день приходилось воевать с настоящими убийцами.

Фрэнки зашел на кухню и достал из холодильника пиво.

— Ну, и когда обед? — спросил он, открывая банку. Он обращался к ней так, словно она была прислугой.

— Через час, — ответила за нее мать.

— Боже, ма. Уже половина восьмого. Я умираю с голоду.

— Потерпи, Фрэнки.

— Знаешь, — сказала Риццоли, — мы управимся гораздо быстрее, если нам хотя бы немного помогут мужчины.

— Я могу и подождать, — тут же согласился Фрэнки и поспешил к телевизору. В дверях он остановился. — О, чуть не забыл. Тебе сообщение.

— Что?

— Звонил твой сотовый. Какой-то парень по имени Фрости.

— Ты хочешь сказать, Барри Фрост?

— Да, точно. Он просил, чтобы ты ему перезвонила.

— Когда это было? — спросила она.

— Ты в это время на улице переставляла машины.

— Черт возьми, Фрэнки! Это же было час назад!

— Джейни, — с упреком в голосе произнесла мать.

Риццоли развязала фартук и швырнула его на стол.

— Это моя работа, ма! Почему, черт возьми, никто не уважает это? — Она схватила кухонный телефон и набрала номер сотового Барри Фроста.

Он ответил сразу же.

— Привет, — сказала она. — Я только что получила твое сообщение.

— Ты пропустишь задержание.

— Что?

— Мы получили результат анализа ДНК с Нины Пейтон.

— Ты имеешь в виду сперму? И что, ДНК есть в банке данных КОДИС? — Риццоли боялась поверить своим ушам.

— Она совпадает с ДНК преступника по имени Карл Пачеко. Арестован в 1997 году по обвинению в изнасиловании, но был оправдан.

Он заявил, что половой акт был с обоюдного согласия. Присяжные поверили ему.

— Это он изнасиловал Нину Пейтон?

— Да, и у нас есть анализ ДНК, чтобы доказать это.

Она победоносно щелкнула пальцами.

— Диктуй адрес.

— 4578, Коламбус-авеню. Бригада уже на месте.

— Еду.

Она уже была в дверях, когда ее окликнула мать:

— Джейни! А как же обед?

— Мне нужно идти, ма, — как можно спокойнее проговорила она.

— Но сегодня у Фрэнки последний вечер!

— У нас задержание.

— А без тебя никак не обойдутся?

Риццоли остановилась, чувствуя, что закипает от злости. И в этот момент ей открылась горькая правда: чего бы она ни достигла в жизни, какой бы выдающейся ни была ее карьера, в семье к ней будут относиться по-прежнему: Джейни, младшая сестра. «Девчонка!»

Не проронив ни слова, она вышла, хлопнув за собой дверь.

* * *

Коламбус-авеню находилась на северной окраине Роксбери, в самом центре территории охоты Хирурга. С юга к ней примыкал район Джамайка-Плейн, где проживала Нина Пейтон. На юго-востоке находился дом Елены Ортис. На северо-востоке, в Бэк-Бэй, жили Диана Стерлинг и Кэтрин Корделл. Глядя на обсаженные деревьями улицы. Риццоли видела тянувшиеся в ряд кирпичные дома, населенные преимущественно студентами и преподавателями из расположенного по соседству Северо-Восточного университета. Здесь было много студентов.

И здесь можно было поохотиться на славу.

Светофор впереди зажегся желтым. Подгоняемая адреналином, она вжала педаль газа в пол и проскочила перекресток. Это задержание должно было стать ее триумфом. В последнее время Риццоли жила, дышала Хирургом, даже во сне его видела. Он заполнил собой всю ее жизнь и во сне, и наяву. Никто не приложил столько усилий, сколько она, чтобы поймать его, и сейчас она рассчитывала получить свой приз.

Не доезжая квартала до дома Карла Пачеко, она припарковалась в

хвосте у патрульной машины. Вдоль тротуара в ряд стояли еще четыре полицейских автомобиля.

Слишком поздно, думала она, пока бежала к зданию. Они наверняка уже взяли его.

Ворвавшись в дом, она услышала топот и мужские крики, эхом разносившиеся по лестничной площадке. Она побежала на голоса, доносившиеся со второго этажа, и влетела в квартиру Карла Пачеко.

В квартире был полный разгром. Доски от взломанной двери валялись на пороге. Стулья были перевернуты, лампа опрокинута на пол. Казалось, здесь произошло стадо диких буйволов. В воздухе стоял устойчивый запах тестостерона, исходивший от разъяренных полицейских, готовых отомстить за своего зверски убитого коллегу.

На полу лицом вниз лежал мужчина. Чернокожий, не Хирург. Кроу безжалостно давил ему на шею своим ботинком.

— Я задал тебе вопрос, говнюк, — орал Кроу. — Где Пачеко?

Мужчина заскулил и попытался приподнять голову, что было ошибкой. Кроу с такой силой наступил на него, что пленник ударился подбородком об пол. И тут же зашелся от кашля.

— Поднимите его! — прокричала Риццоли.

— Он не хочет стоять спокойно!

— Уберите с него ногу, и, может быть, он станет говорить с вами! — Риццоли отпихнула Кроу в сторону. Пленник перекатился на спину, с трудом заглатывая воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Кроу опять рывкнул:

— Где Пачеко?

— Не... не знаю...

— Ты в его квартире!

— Ушел. Он ушел...

— Когда?

Мужчина опять закашлялся, да так сильно, что, казалось, его легкие не выдержат. Вокруг собрались остальные полицейские, которые с нескрываемой ненавистью уставились на него. Приятеля убийцы полицейского.

Морщась от отвращения, Риццоли направилась через коридор в спальню. Дверца шкафа была открыта, и вещи прямо на вешалках сброшены на пол. Обыск в квартире был проведен варварски, все двери распахнуты, возможные места укрытия обшарены. Она надела перчатки и начала рыться в ящиках комода, выворачивая карманы одежды в поисках записной книжки, ежедневника — всего, что могло бы указать место, куда

мог сбежать Пачеко.

В комнату вошел Мур, Риццоли обернулась.

— Вы устроили этот кавардак? — спросила она.

Он покачал головой.

— Маркетт дал команду на задержание. Мы получили информацию о том, что Пачеко дома.

— Тогда где же он? — Она резко захлопнула ящик и подошла к окну спальни. Оно было закрыто, но не заперто на щеколду. Прямо за окном находилась пожарная лестница. Она открыла окно и высунула голову. Патрульная машина стояла на аллее внизу, слышны были звуки работающего радио, и патрульный светил фонариком, выискивая что-то в бардачке.

Риццоли уже собиралась отойти от окна, когда вдруг почувствовала, что на голову ей что-то упало и где-то наверху еле слышно зашуршал гравий. Озадаченная, она посмотрела наверх. В ночном небе отражались огни города, и звезды были едва различимы. Она уставилась на очертания крыши, выделявшиеся на фоне безмолвного черного неба, но никакого движения не заметила.

Она вылезла из окна на пожарную лестницу и начала подниматься на третий этаж. На следующей лестничной площадке она остановилась проверить окно квартиры, находившейся над квартирой Пачеко: москитная сетка была на месте, и за окном было темно.

Она опять устремила взгляд наверх, на крышу. Хотя видно ничего не было и никаких звуков с крыши не доносилось, у нее по коже побежали мурашки.

— Риццоли! — позвал Мур, высунувшись из окна. Она не ответила, лишь знаком указала на крышу, молча предупреждая о своих намерениях.

Обтерев влажные ладони о брюки, она начала взбираться по лестнице на крышу. На последней ступеньке она остановилась, сделала глубокий вдох и очень медленно подняла голову, чтобы заглянуть через край.

Под безлунным небом поверхность крыши казалась густыми зарослями теней. Риццоли увидела контуры стола и стульев, арки, оплетенные вьющимися растениями. Судя по всему, здесь был сад. Она перебралась через край, мягко прыгнула на крышу и достала пистолет. Сделав пару шагов, наткнулась на какое-то препятствие, и тут же перед ней что-то рассыпалось. В нос ударил едкий запах герани. Она поняла, что окружена глиняными горшками с цветами.

Слева что-то шевельнулось.

Она прищурилась, пытаясь различить силуэт человека. И увидела его,

притаившегося, словно черный гомункул.

Риццоли вскинула пистолет и скомандовала:

— Стоять!

Она не видела, что было у него в руке. С чем он готовился броситься на нее.

За долю секунды до того, как садовая лопатка ударила ее по лицу, она почувствовала, что мимо нее пронеслась струя воздуха. Удар пришелся по ее левой щеке и был нанесен с такой силой, что у нее искры посыпались из глаз.

Парализованная болью, она рухнула на колени.

— Риццоли! — Это был Мур. Она даже не слышала, как следом за ней он взобрался на крышу.

— Я в порядке. В порядке... — Она присмотрелась к тому месту, где только что прятался черный силуэт. Там никого не было. — Он здесь, — прошептала она. — Мне нужно достать этого сукина сына.

Мур скользнул в темноту. Она стиснула руками голову, ожидая, пока отступит тошнота, ругая себя за беспечность. Стараясь сохранить ясность мысли, неуверенно поднялась на ноги. Злость была хорошим катализатором, она помогла ей удержаться на ногах, придала силу руке, сжимавшей оружие.

Мур был в нескольких шагах от нее справа, она различала его силуэт, двигавшийся мимо стола со стульями.

Она пошла влево, огибая крышу с противоположной стороны. Каждый новый приступ боли напоминал ей о том, что она проиграла.

«Нет, только не сейчас».

Ее взгляд скользил по пушистым теням деревьев и кустарников в кадках.

Внезапный топот ног заставил ее метнуться вправо. Риццоли расслышала быстрые шаги, увидела тень, которая неслась прямо на нее.

Мур крикнул:

— Стоять! Полиция!

Но тень все равно приближалась.

Риццоли присела на корточки, держа пистолет на взводе. Боль, пульсирующая в лице, вызвала приступ бешеной ярости. Бесконечные унижения, ежедневные насмешки и оскорбления, выплескиваемые на нее всеми дарренами кроу мира, казалось, слились в этой вспышке злобы.

«На этот раз, ублюдок, ты от меня не уйдешь».

Даже когда мужчина вдруг остановился перед ней и поднял руки вверх, она не дрогнула и не отказалась от принятого решения.

Она нажала на курок.

Человек пошатнулся. Попятился назад.

Она выстрелила второй раз, третий, получая удовлетворение от каждого рывка пистолета.

— Риццоли! Прекратить огонь!

Окрик Мура наконец достиг ее ушей. Она застыла, все еще продолжая целиться, чувствуя, как от напряжения ломит руки.

Преступник лежал ничком, не двигаясь. Она выпрямилась и медленно двинулась к скрюченному телу. С каждым шагом все отчетливее осознавая ужас содеянного.

Мур уже стоял на коленях возле трупа, пытаясь нащупать пульс. Он поднял на нее взгляд, и, хотя в темноте трудно было различить выражение его лица, она догадалась, что он смотрит на нее с упреком.

— Он мертв, Риццоли.

— Он что-то держал... в руке...

— У него ничего не было.

— Я видела. Я точно знаю, что видела! — выкрикнула она.

— Он стоял с поднятыми руками.

— Черт возьми, Мур. Я стреляла по необходимости. Вы должны поддержать меня!

Вокруг стало шумно от голосов полицейских, взобравшихся на крышу. Мур и Риццоли так больше ничего и не сказали друг другу.

Кроу посветил фонариком на убитого. Риццоли разглядела широко раскрытые от ужаса глаза, рубашку, темную от крови.

— Ба, да это же Пачеко! — воскликнул Кроу. — Кто это его завалил?

— Я, — произнесла Риццоли безжизненным голосом.

Кто-то дружески хлопнул ее по спине.

— Девчонка делает успехи!

— Заткнитесь, — сказала Риццоли. — Заткнитесь! — Пошатываясь, она двинулась к пожарной лестнице, спустилась вниз и тупо села в свою машину.

Так она и сидела, вцепившись в руль, чувствуя, как боль сменяется тошнотой. Мысленно она все прокручивала сцену, разыгравшуюся на крыше. Что делал Пачеко, что сделала она. Она опять видела его — вернее, его тень, надвигающуюся прямо на нее. Она видела, как он остановился. Да, остановился. Она помнит, как он смотрел на нее.

«Оружие. Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы у него в руках оказалось оружие».

Но она не видела никакого оружия. За мгновение до выстрела в ее

памяти успел отпечататься образ мужчины, застывшего на месте. Покорно поднявшего руки вверх.

Кто-то постучал в окно. Барри Фрост. Она опустила стекло.

— Тебя разыскивает Маркетт, — сказал он.

— Хорошо.

— Что-то не так? Риццоли, с тобой все в порядке?

— У меня такое ощущение, будто по моей физиономии проехался грузовик.

Фрост заглянул в салон и уставился на ее распухшую щеку.

— Ого! Этот негодяй действительно получил по заслугам.

Риццоли тоже хотелось верить в то, что Пачеко заслуживал смерти. Да, заслуживал, и она зря терзала себя сомнениями. Разве ее лицо не было доказательством его злого умысла? Он напал на нее. Он был злодеем, и, убив его, она привела в исполнение справедливый приговор. Елена Ортис, Нина Пейтон и Диана Стерлинг наверняка аплодировали бы ей. И никто не станет оплакивать это отродье.

Она вышла из машины, испытав некоторое облегчение от поддержки Фроста. У нее прибавилось сил. Она подошла к дому и увидела Маркетта, который стоял у подъезда. Он разговаривал с Муром.

Оба мужчины повернулись к ней, когда она подошла ближе. Она заметила, что Мур избегает ее взгляда и нарочито смотрит в сторону. Вид у него был неважный.

— Мне нужно ваше оружие, Риццоли, — произнес Маркетт.

— Я стреляла в целях самообороны. Преступник напал на меня.

— Я понимаю. Но вы же знаете, таков порядок.

Она посмотрела на Мура.

«Ты мне так нравился. Я доверяла тебе».

Она расстегнула кобуру и, резко вытащив пистолет, вручила его Маркетту.

— Кто же у нас враг? — глухо проговорила она. — Иногда приходится задавать себе этот вопрос. — И, развернувшись, направилась к своей машине.

* * *

Мур заглянул в шкаф Карла Пачеко и подумал: «Все это не то». На полу валялись пар пять ботинок одиннадцатого размера, очень широких. На полке — грязные свитера, коробка из-под обуви, набитая старыми

батарейками и мелочью, стопка журналов «Пентхаус».

Он расслышал звук открываемого ящика и, обернувшись, увидел, что Фрост в перчатках роется в носках Пачеко.

— Что-нибудь есть? — поинтересовался Мур.

— Ни скальпелей, ни хлороформа. Даже мотка скотча не нашли.

— Динь-динь-динь! — возвестил Кроу, выходя из ванной и помахивая пластиковым пакетом для вещдоков, в котором лежали ампулы с бурой жидкостью. — Подарок из солнечной Мексики, фармацевтического рая.

— Наркотики? — спросил Фрост.

Мур взглянул на этикетку с надписью на испанском.

— Гамма-гидроксибитурат. Тот же эффект.

Кроу потряс пакетом.

— Здесь не меньше, чем на сто изнасилований хватит. Член у Пачеко, похоже, не простаивал без дела. — Он загоготал.

Мура покорило от этого смеха. Он подумал о том, сколько бед несет этот «не простаивающий без дела» член. Который наносит не только физический ущерб, но и калечит психику. Он вспомнил, что говорила ему Кэтрин: жизнь каждой жертвы изнасилования делится на «до» и «после». Сексуальное насилие превращает мир женщины в сухую и безжизненную пустыню, где даже улыбка и радость всегда с примесью горечи. Раньше он бы и не обратил внимания на скабрзную шутку Кроу. Сегодня она резанула слух и вызвала отвращение. Он прошел в гостиную, где чернокожего допрашивал детектив Слипс.

— Говорю же вам, я просто вышел прогуляться, — объяснял задержанный.

— Просто прогуляться с шестью сотнями баксов в кармане?

— Я предпочитаю носить наличность с собой.

— И что собирались купить?

— Ничего.

— Откуда вы знаете Пачеко?

— Просто знакомый.

— О, наверное, близкий друг. Что он вам продавал?

ГГБ, подумал Мур. Наркотик, с помощью которого можно одурманить женщину и потом ее изнасиловать. Вот что он собирался купить. Еще один неутомимый секс-гигант.

Он вышел на улицу и зажмурился от вспышек огней патрульных машин. Автомобиля Риццоли уже не было. Он уставился на пустующее место и вдруг почувствовал, как тяжело давит на плечи груз только что совершенного им поступка. Никогда еще он не оказывался перед таким

страшным выбором и, хотя в глубине души и сознавал, что принял правильное решение, продолжал изводить себя сомнениями. Он пытался примирить свое уважение к Риццоли с тем, что он видел на крыше. Было еще не поздно взять свои слова обратно. Он мог бы объяснить Маркетту, что действительно было темно, заросли растений сбивали с толку, и Риццоли вполне могла подумать, что в руках у Пачеко оружие. Возможно, она заметила какой-то жест или движение, ускользнувшие от внимания Мура. Но, как он ни старался, в памяти не всплывало ничего, что могло бы оправдать ее действия. И он не мог интерпретировать то, чему оказался свидетелем, иначе, как хладнокровное убийство.

Когда он вновь увидел ее, она сидела, сгорбившись, за своим рабочим столом, приложив к щеке пакетик со льдом. Время было за полночь, и у него не было настроения беседовать. Но, когда он проходил мимо, она подняла голову, и ее взгляд буквально пригвоздил его к месту.

— Что вы сказали Маркетту? — спросила она.

— То, что ему хотелось знать. Как был убит Пачеко. Я не стал лгать ему.

— Сукин сын.

— Вы думаете, мне хотелось рассказывать ему, как все было на самом деле?

— У вас был выбор.

— Так же, как и у вас, на крыше, — отпарировал он. — Вы сделали неправильный.

— А вы застрахованы от неправильного выбора, не так ли? Вы никогда не допускаете ошибок.

— Если я их и делаю, то сам за них расплачиваюсь.

— О да, — усмехнулась она. — Святой Томас, я совсем забыла.

Мур подошел к ее столу и в упор посмотрел на нее.

— Вы один из лучших полицейских, с которыми мне доводилось работать. Но сегодня вы хладнокровно убили человека, и я это видел.

— Вы не должны были это видеть.

— Но я видел!

— Что мы там вообще могли видеть, Мур? Тени, шорохи, движение. Грань между правильным выбором и неправильным вот такая тонюсенькая. — Она показала это на пальцах. — И мы это допускаем. Как допускаем и то, что каждый из нас имеет право на сомнения.

— Я пытался сомневаться.

— Наверное, недостаточно сильно.

— Я никогда не стану лгать, чтобы выгородить коллегу, — проговорил

он. И добавил: — Пусть даже и лучшего друга.

— Не забывайте, сколько мрази вокруг. Мы же с вами не такие.

— Если мы начнем врать, как тогда отличить «их» от «нас»? Где эта грань?

Она отняла от лица пакетик со льдом и показала на свою щеку. Один глаз заплыл, и вся левая половина лица была похожа на разноцветный надутый шар. Жуткое зрелище повергло его в шок.

— Вот что Пачеко сделал со мной. Это вам не дружеская пощечина, согласитесь. Вы говорите про «них» и про «нас». На чьей стороне был он? Я оказала обществу услугу, отправив его на тот свет. Никто, поверьте, не станет оплакивать Хирурга.

— Карл Пачеко не был Хирургом. Вы убили совсем другого человека.

Риццоли уставилась на него, похожая на зловещий образ с портрета работы Пикассо с лицом наполовину нормальным, наполовину гротесковым.

— У нас же совпала ДНК! Он был тем, кто...

— ...кто изнасиловал Нину Пейтон, да. Но с Хирургом у него нет ничего общего. — Мур положил ей на стол отчет из лаборатории по исследованию волос и волокон.

— Что это?

— Данные исследования волос с головы Пачеко. Цвет, структура, плотность кутикулы не совпадают с волосом, обнаруженным в ране Елены Ортис. Никаких признаков «бамбуковых» волос.

Она замерла, уставившись в отчет.

— Не понимаю.

— Пачеко изнасиловал Нину Пейтон. Это все, что мы можем сказать о нем со всей определенностью.

— Но и Стерлинг, и Ортис были изнасилованы...

— Мы не можем доказать, что это сделал Пачеко. А теперь, когда он мертв, мы этого уж точно не узнаем.

Риццоли посмотрела на него, и здоровая часть ее лица скривилась от злости.

— Это должен быть он. Найти в городе случайных трех женщин — и чтобы все они оказались жертвами изнасилования? Невероятно. А Хирургу это удалось сделать. Он уничтожил всех трех. Если не он их изнасиловал, откуда он знает, кого выбирать, кого резать? Если это не Пачеко, тогда кто-нибудь из его приятелей, партнеров. Какой-нибудь стервятник, питающийся падалью, оставшейся после Пачеко. — Она швырнула ему назад отчет из лаборатории. — Может, я убила и не Хирурга. Но в любом случае я убила

подонка. Похоже, все об этом забыли. Пачеко был подонком. Разве мне не полагается медаль? — Она встала из-за стола и резко задвинула стул. — А вместо этого — служебное расследование. Маркетт превратил меня в посмешище. Большое спасибо.

Молча он смотрел, как она выходила из комнаты, не зная, что сказать, что сделать, чтобы заделать трещину, расколовшую их дружбу.

Он прошел к своему рабочему месту и опустился в кресло. «Я — динозавр, — подумал он, — неуклюже ступающий по земле, где правдолюбие презирается». Но сейчас ему некогда было думать о Риццоли. Дело против Пачеко рассыпалось, и они вновь охотились за безымянным убийцей.

Три изнасилованные женщины. Следствие опять вернулось к исходной точке. Как находил их Хирург? Только Нина Пейтон заявила об изнасиловании в полицию, Елена Ортис и Диана Стерлинг — нет.

Это была их личная травма, известная только самим насильникам, их жертвам и медикам, к которым они обращались. Но все трое проходили курс лечения в разных местах: Стерлинг — у гинеколога в Бэк-Бэй, Ортис — в пункте скорой помощи клиники «Пилгрим», Нина Пейтон — в женской клинике «Форест-Хиллз». Связи между персоналом, контактировавшим с жертвами, — врачами, медсестрами, администраторами — не просматривалось. Эти люди нигде не пересекались.

И все-таки Хирург каким-то образом узнал о том, что именно эти женщины были травмированы, и их боль привлекла его. Убийцы-маньяки ищут свою добычу среди самых уязвимых членов общества. Они выбирают женщин, которыми можно манипулировать, которых можно унижить. Женщин, которые не представляют для них угрозы. А разве можно найти существо более беззащитное, чем изнасилованная женщина?

Выходя из кабинета, Мур задержался взглядом на стенде, где были вывешены фотографии Стерлинг, Ортис и Пейтон. Три женщины, три жертвы насилия.

«И четвертая».

Кэтрин, изнасилованная в Саванне.

Он вздрогнул, когда ее образ вдруг возник в памяти. Образ, который он никак не мог причислить к этой галерее жертв.

«И опять все возвращается к тому, что произошло той ночью в Саванне. Все возвращается к Эндрю Капре!»

Глава 16

В сердце Мехико человеческая кровь когда-то лилась рекой. Под фундаментами современных зданий лежат руины храма майя, самого величественного строения ацтеков, возвышавшегося над древним Теночтитланом. Здесь десятки тысяч невинных были принесены в жертву богам.

Когда я бродил по этой священной земле, мне было странно и одновременно забавно, что по соседству с руинами древнего храма вырос собор, где католики зажигают свечи и возносят молитвы милосердному Господу. Они преклоняют колена на том месте, где когда-то камни были скользкими от крови. Я пришел сюда в воскресенье, не зная, что по воскресеньям памятник древней архитектуры открыт для бесплатного посещения, и музей храма был наполнен голосами детей, радостным эхом разносившимися под его сводами. Меня не волнуют дети, не раздражает беспорядок, с ними связанный; впрочем, если я когда-либо вернусь сюда, то не стану посещать музеи по воскресеньям.

Но это был мой последний день в городе, так что пришлось мириться с шумом и гвалтом. Мне хотелось увидеть экспонаты с раскопок, и я направился в зал номер два. Зал ритуальных жертвоприношений.

Ацтеки верили, что смерть необходима ради жизни. Чтобы сохранить священную энергию мира, оградить его от катастроф, не дать солнцу погаснуть, богам нужно приносить в жертву человеческие сердца. Я стоял в зале и видел замурованный под стеклянным колпаком жертвенный нож, которым кромсали плоть. У него было имя: Текпатль Ишкуахуа. Что в переводе с языка майя означало: «нож с высоким лбом». Лезвие его было сделано из кремния, а рукоятка имела форму человека, стоящего на коленях.

Мне стало любопытно: как можно вырезать человеческое сердце с помощью одного лишь кремневого ножа?

Этот вопрос занимал меня на протяжении всего дня, пока я гулял по центральной улице Аламеды, не обращая внимания на малолетних попрошайек, которые преследовали меня, кланча монетку. Через какое-то время они поняли, что меня не соблазнишь карими глазами и белозубыми улыбками, и отстали. Наконец меня оставили в покое — если такое вообще возможно в какофонии Мехико. Я нашел кафе и сел за столик на улице с чашкой крепчайшего кофе — единственный, кто осмелился сидеть

на такой жаре. Я обожаю жару, она успокаивает мою больную кожу. Я похож на рептилию, которая ищет теплый камень. И вот, в этот знойный день, я потягивал кофе и размышлял об анатомии человека, гадая, как удобнее подобраться к его бьющемуся сокровищу.

Жертвоприношение описывается ацтеками как мгновенный ритуал, исключаящий муки, и это представляется мне дилеммой. Я знаю, как трудно пробиться сквозь грудину и разъединить грудные кости, которые словно щит прикрывают сердце. Кардиохирурги делают вертикальный надрез вниз к центру грудной клетки и разделяют грудину надвое с помощью пилы. Им помогают ассистенты, которые удерживают половинки костей, и к тому же в их распоряжении многочисленные мудреные инструменты, которые позволяют расширить поле деятельности. Каждый инструмент выполнен из сверкающей нержавеющей стали.

Ацтекский жрец, вооруженный одним кремневым ножом, наверняка столкнулся бы с проблемами, используя он такой метод. Ему бы понадобилось дробить грудную кость зубилом, и это вызвало бы отчаянное сопротивление жертвы. И дикие вопли.

Нет, сердце нужно извлекать другим путем.

Горизонтальный надрез меж двух ребер? Также проблематично. Человеческий скелет слишком прочная структура, и раздвинуть ребра так, чтобы просунуть руку, можно только с применением силы и специальных инструментов. Может, попробовать подобраться снизу? Один молниеносный разрез вдоль живота откроет брюшную полость, и жрецу останется лишь иссечь диафрагму и, протянув руку вверх, схватить сердце. Да, но этот вариант слишком неэстетичный, ведь тогда кишки вывалятся на алтарь. Нигде на ацтекских орнаментах жертва не изображена с вываливающимися петлями кишок.

Книги — изумительное изобретение; они могут рассказать обо всем, даже о том, как без всякой суеты вырезать сердце с помощью кремневого ножа. Я нашел ответ на мучивший меня вопрос в книге под названием «Жертвоприношение и приемы ведения войны», написанной академиком (в самом деле, университеты сегодня просто кладезь информации) по имени Шервуд Кларк, с которым мне очень хотелось бы познакомиться.

Я думаю, мы многому могли бы научить друг друга.

Ацтеки, как пишет господин Кларк, использовали поперечную торакотомию для извлечения сердца. В ходе такой операции надрез делают по фронтальной части грудной клетки, начиная с одной стороны грудины между вторым и третьим ребром, и продолжая его

горизонтально в противоположную сторону. Кость ломается поперечно, возможно, путем резкого удара или с помощью зубила. В результате образуется зияющая дыра. Легкие, открытые свежему воздуху, мгновенно разрушаются. Жертва быстро теряет сознание. И пока сердце продолжает биться, жрец проникает в грудную клетку и разъединяет артерии и вены. Выхватывает орган, еще пульсирующий, из его кровавой колыбели и поднимает к небу.

Так описано и в «Флорентийском кодексе» Бернардино де Саагуна:

Жрец, дары богам приносящий, достал орлиное гнездо,
Водрузил его на грудь пленника, где когда-то находилось
сердце,
Вымазал его кровью, а вернее, утопил его в крови.
Потом поднял эту окровавленную чашу и вознес ее к небу.
И было сказано: «Сие питье для солнца».
И вслед за тем победитель излил кровь своего пленника
В зеленую чашу с оперением
И выпил ее до дна.
А после отправился вскармливать демонов.

Вскармливание демонов.

Какое великое предназначение крови!

Я думаю об этом, глядя на тончайшую струйку, которая закачивается в пипетку. Меня окружают лотки с пробирками, и в комнате гудят аппараты. Древние считали кровь священной субстанцией, средоточием жизни, пищей для монстров, и я разделяю их пиетет, хотя и понимаю, что кровь всего лишь биологическая жидкость, взвесь клеток в плазме. Это вещество, с которым я работаю каждый день.

Среднее человеческое тело весом около семидесяти килограммов содержит всего пять литров крови. Из этого количества лишь 45 процентов составляют клетки, а все остальное — плазма, химический суп, на 95 процентов приготовленный из воды, а 5 процентов приходится на белки, электролиты и питательные вещества. Кто-то скажет, что раскладывать кровь на биологические составляющие — значит лишать ее божественного смысла, но я не соглашусь. Только глядя на эти составные кирпичики, можно познать ее волшебные свойства.

Аппарат пищит — сигнал, что анализ завершен, и принтер распечатывает отчет. Я отрываю листок и изучаю результаты.

Мне достаточно пробежать глазами отчет, и я узнаю многое о

госпоже Сьюзан Кармайл, с которой я никогда в жизни не виделся. Гематокрит у нее низкий — всего 28 при норме 40. У нее анемия, недостаток красных кровяных телец, которые поставляют кислород. Именно белковый гемоглобин, спрессованный в этих клетках-дисках, делает нашу кровь красной, окрашивает в нежно-розовый цвет ногтевое ложе и придает очаровательный румянец девичьим щекам. Ногти госпожи Кармайл тусклые, и, если широко открыть ей веки, можно увидеть, что конъюнктива глаза имеет бледный розоватый оттенок. Поскольку она страдает анемией, ее сердце должно работать в ускоренном ритме, чтобы прокачать разбавленную кровь по артериям, — вот почему, поднимаясь по лестнице, она вынуждена периодически останавливаться, чтобы отдышаться. Я представляю, как она ползет по лестнице, прижимая руку к гортани, и грудь ее вздымается словно беспокойное море. Любой, кто пройдет мимо, догадается, что женщина нездорова.

Мне же достаточно взглянуть на цифры.

И это еще не все. У нее на нёбе есть красные точки — петехии. В этих местах кровь прорвалась сквозь капилляры и осела в слизистой оболочке. Возможно, сама больная и не знает об этих кровоточащих точках. А возможно, она замечала их на других частях тела, под ногтями, на голених. Возможно, она не находит объяснения странным синякам на руках и бедрах и все гадает, где она могла ушибиться. Может, ударилась о дверцу автомобиля? Или ребенок крепко вцепился ей в ногу? Она ищет внешние причины, в то время как они кроются в ее крови.

Уровень тромбоцитов у нее — двадцать тысяч, а должен быть в десять раз больше. Без тромбоцитов — крошечных клеточек, которые отвечают за свертываемость крови, — даже легкий шлепок может вызвать синяк.

Многое способен рассказать этот хлипкий листок бумаги.

Я смотрю на показатель уровня лейкоцитов, и мне становится понятна причина ее мучений. Аппарат обнаружил присутствие миелобластов, примитивных предшественников опухолевых клеток, которых не должно быть в крови. У Сьюзан Кармайл типичный миелобластный лейкоз.

Я без труда могу угадать, что ждет ее в ближайшие месяцы. Я вижу ее лежащей на операционном столе, где ей делают пересадку костного мозга.

Я вижу, как клоками выпадают ее волосы, пока она не смирится с неизбежностью и не обречется наголо.

Я вижу, как по утрам она корчится над судном, а потом долгими днями лежит, уставившись в потолок, и ее жизненное пространство сужается до кубатуры ее спальни.

Кровь — источник жизни, магическая жидкость, которая питает нас. Но кровь Сьюзан Кармайл работает против нее, она разливается по ее венам словно яд.

Все эти интимные подробности мне известны, хотя я и не знаком с госпожой Кармайл.

Я передаю результаты анализа по телефаксу ее лечащему врачу, кладу листок в корзину для доставки и беру в руки новый образец. Еще один пациент, еще одна пробирка с кровью.

Связь между кровью и жизнью известна еще с древних времен. Но наши предки не знали, что кровь вырабатывается в костном мозге, как не знали и того, что большую ее часть составляет вода. Между тем они признавали ее силу и власть, поэтому и приносили в жертву богам. Ацтеки использовали костяные перфораторы и иголки из агавы, чтобы прокалывать свою кожу и высасывать из нее кровь. Они прокалывали себе губы, языки или грудь и приносили в дар богам свою кровь. Сегодня такое самоистязание сочли бы психическим заболеванием.

Интересно, что бы подумали ацтеки про нас.

Вот я здесь, в обстановке полной стерильности, весь в белом, в перчатках, которые предохраняют мои руки от случайных брызг крови. Как далеко ушли мы от своей природы! От одного вида крови некоторые из нас падают в обморок или шарахаются в сторону, заведя на тротуаре ее следы. Мы закрываем глаза детям, когда на экране телевизора показывают сцены насилия и жестокости. Люди потеряли связь со своим естеством, забыли, кто они есть на самом деле.

Впрочем, к некоторым из нас это не относится.

Мы существуем в их мире, нормальные с виду; возможно, мы более нормальные, чем кто-либо, потому что не позволили упрятать себя и мумифицировать в стерильный бандаж цивилизации. Мы видим кровь и не отворачиваемся. Мы понимаем ее красоту, реагируем на ее зов.

Все, кто оказывается свидетелем несчастного случая и останавливается, не в силах оторвать взгляд от крови, понимают это. Под маской отвращения, желания отвернуться, бьется великая сила. Влечение.

Мы все хотим смотреть на кровь. Но не все могут признаться в этом.

Как одиноко бродить среди зомбированных. По вечерам я гуляю по

городу и вдыхаю тяжелый воздух. Он оmyвает мои легкие словно подогретый сироп. Я заглядываю в лица прохожих, пытаюсь разглядеть своего брата по крови, каким когда-то был ты. Остался ли еще хоть кто-то, не утративший связи с древним инстинктом? Мне интересно, узнаем ли мы друг друга, когда встретимся, и боюсь, что этого не произойдет, потому что мы слишком глубоко спрятались под маской обыденности.

Поэтому я бреду в одиночестве. И думаю о тебе, единственном, кто мог меня понять.

Глава 17

Будучи врачом, Кэтрин не понаслышке знала, что такое смерть. Ей слишком часто приходилось наблюдать, как жизнь уходит из глаз пациента, и они становятся пустыми и стеклянными. Она видела, как постепенно бледнеет кожа, приобретая землисто-серый оттенок, словно вместе с кровью тело покидает и душа. В медицинской практике понятие смерти так же актуально, как и понятие жизни, и Кэтрин давно уже познакомилась со Смертью, наблюдая остывающие останки. Она не боялась трупов.

И все равно, когда Мур свернул на Элбани-стрит и она увидела аккуратное кирпичное здание морга, ладони у нее покрылись липким потом.

Он припарковал машину на стоянке рядом с белым фургоном, на котором крупными буквами было выведено: «Штат Массачусетс. Управление судебно-медицинской экспертизы». Ей не хотелось выходить, и, только когда он открыл перед ней дверцу, она заставила себя двинуться с места.

— Вы готовы к процедуре? — спросил он.

— Не могу сказать, что жду ее с нетерпением, — призналась она. — Но лучше уж быстрее покончить со всем этим.

Несмотря на то, что десятки раз присутствовала на вскрытии, она оказалась не совсем готова к запаху крови и гниющих внутренностей, который ударил ей в нос при входе в лабораторию. Впервые за всю свою врачебную карьеру она подумала, что, возможно, ей станет плохо при виде трупа.

Пожилой джентльмен в пластиковых защитных очках обернулся, когда они вошли. Она узнала судмедэксперта доктора Эшфорда Тирни, с которым познакомилась полгода назад на конференции по судебно-медицинской патологии. Неудачи хирургов-травматологов нередко становились предметом судебных разбирательств, и разрешать их приходилось на вскрытии у доктора Тирни. Как раз месяц тому назад она обращалась к нему в связи с подозрительными обстоятельствами смерти ребенка вследствие разрыва селезенки.

Приветливая улыбка доктора Тирни никак не вязалась с залитыми кровью перчатками на его руках.

— Доктор Корделл, рад вас видеть. — Он сделал паузу, словно смутившись от двусмысленности произнесенной фразы. — Хотя предпочел

бы встретиться с вами при более приятных обстоятельствах.

— Вы уже начали резать, — недовольно заметил Мур.

— Лейтенант Маркетт требует срочных результатов, — пояснил Тирни. — Сами знаете, каждый выстрел, произведенный полицейским, вызывает повышенный интерес у прессы.

— Но я специально приехал пораньше, чтобы мы подготовились к процедуре.

— Доктору Корделл не привыкать к вскрытию. Для нее здесь нет ничего нового. Позвольте мне закончить надрез, и она сможет взглянуть на лицо.

Тирни повернулся к столу и сосредоточился на брюшной полости. С помощью скальпеля он отрезал тонкую кишку, извлек петли кишок и швырнул их в стальной таз. Потом отошел от стола и кивнул Муру.

— Прошу вас.

Мур тронул Кэтрин за руку. Она неохотно подошла к труп. Поначалу она сконцентрировалась на зияющей ране. Открытая брюшная полость была для нее знакомой территорией; внутренние органы, как и куски тканей, были обезличенными. Они не имели эмоциональной окраски, на них не значилось имени владельца. Их она могла изучать холодным профессиональным взглядом, что она и сделала, отметив, что желудок, поджелудочная и печень пока еще были на своем месте, ожидая очереди на извлечение единым блоком. Y-образный надрез тянулся от шеи до лобка, раскрывая и грудную клетку, и брюшную полость. Сердце и легкие уже были извлечены, и грудная клетка напоминала пустую чашу. В ее стенке были заметны два пулевых отверстия: одно поверх левого соска, а другое ниже: под ребрами. Обе пули прошили грудину, повредив либо сердце, либо легкое. Между тем в левой верхней части брюшной полости имелось и третье входное отверстие от пули, которая, похоже, проникла в селезенку. Это было еще одно смертельное ранение. Кто бы ни стрелял в Карла Пачеко, он имел явное намерение убить его.

— Кэтрин! — произнес Мур, и она поняла, что ее молчание слишком затянулось.

Она набрала в грудь воздуха, вдыхая запахи крови и охлажденной плоти. Теперь она уже была знакома с внутренней патологией Карла Пачеко — пора было заглянуть ему в лицо.

Она увидела черные волосы. Узкое лицо, нос — острый, как бритва. Обвисшие мышцы челюсти, открытый рот. Прямые зубы. Наконец она осмелилась посмотреть в его глаза. Мур практически ничего не рассказал ей об этом человеке, назвал только имя и сообщил, что при задержании он

оказал сопротивление полиции и был убит.

«Так ты и есть Хирург?»

Глаза, затуманенные смертью, уже ничего не выражали. Она присмотрелась, пытаясь уловить хотя бы какой-то зловещий признак, еще витавший в трупке Карла Пачеко, но ничего не почувствовала. Эта мертвая оболочка была пуста, и в ней не осталось ничего от прежнего обитателя.

— Я не знаю этого человека, — сказала она и вышла из лаборатории.

Кэтрин ждала на улице возле машины, когда Мур вышел из здания. Ей казалось, что ее легкие до сих пор не очистились от тошнотворного запаха морга, и она жадно заглатывала горячий воздух, чтобы поскорее избавиться от него. Хотя на улице было жарко, озноб после кондиционированного помещения пробирал до костей.

— Кто такой этот Карл Пачеко? — спросила она.

Мур посмотрел в сторону клиники «Пилгрим», прислушиваясь к нарастающему вою сирены скорой помощи.

— Сексуальный хищник, — сказал он. — Мужчина, который охотился на женщин.

— Это и есть Хирург?

Мур вздохнул.

— Похоже, что нет.

— Но вы думали, что, возможно, это он.

— Анализ ДНК связывает его с Ниной Пейтон. Два месяца тому назад он изнасиловал ее. Но у нас нет доказательств, что он имеет отношение к Елене Ортис или Диане Стерлинг. Ничего, что могло бы как-то обосновать его появление в их жизни.

— Или моей.

— Вы уверены, что никогда его не видели?

— Я уверена только в том, что не помню его.

Солнце накалило машину словно духовку, и они стояли, открыв двери, ожидая, пока в салоне станет чуть прохладнее. Глядя на Мура, она заметила, как он устал. Его рубашка уже насквозь промокла от пота. Идеальное времяпрепровождение для субботы — поездка со свидетельницей в морг. Во многом жизни полицейских и врачей были схожи. Они работали сутками, и в их рабочем дне не было места пятичасовому чаепитию. Они видели человека в самые темные и трагические минуты его жизни. На их глазах происходили такие кошмары, которые до конца жизни не стирались из памяти.

А какими воспоминаниями живет он, думала Кэтрин на обратном пути. Сколько лиц несчастных жертв, сколько сцен преступлений хранится

в фотоальбоме его памяти? Она была лишь одной из многих женщин, живых и мертвых, которые требовали его внимания и защиты.

Мур остановился возле ее дома и заглушил двигатель. Посмотрев на окна своей квартиры, она поймала себя на том, что ей вовсе не хочется выходить из машины. Лишаться его общества. В последние несколько дней они провели вместе так много времени, что она уже привыкла рассчитывать на его силу и доброту. Если бы они встретились при более радостных обстоятельствах, она бы не осталась равнодушной к его внешности. А сейчас ей гораздо важнее были не его внешние данные, даже не ум, а то, что было в сердце. Это был мужчина, которому она могла доверять.

Кэтрин еще раз взвесила слова, которые приготовилась сказать, и подумала о том, к чему они могут привести. Но все-таки решила наплевать на последствия.

— Не зайдете выпить чего-нибудь? — тихо произнесла она.

Он ответил не сразу, и она почувствовала, как запылало лицо, поскольку его молчание становилось невыносимым. Ему, казалось, было трудно принять решение; он тоже понимал, что происходит между ними, и не знал, что с этим делать.

Когда наконец он посмотрел на нее и сказал: «Да, с удовольствием», им обоим стало ясно, что думали они вовсе не о напитках.

Они подошли к подъезду, и он обнял ее за плечи. Этот жест был чуть более интимным, нежели дружеское участие, — уж слишком непринужденно лежала его рука на ее плече, и тепло его прикосновения, как и ее ответная реакция не позволили ей с первого раза справиться с кодовым замком. Предвкушение вечера в его обществе сделало ее медлительной и неуклюжей. Дверь своей квартиры она открывала дрожащими руками. Они оказались в благодатной прохладе холла, и он остановился лишь на мгновение, чтобы закрыть дверь и щелкнуть замком.

И сразу заключил ее в объятия.

Уже очень давно она не подчинялась мужчине. Было время, когда от одной лишь мысли о том, что мужские руки коснутся ее тела, ее охватывала паника. Но в объятиях Мура она чувствовала себя совершенно иначе. Она отвечала на его поцелуи с жадностью, удивившей их обоих. Кэтрин так долго была лишена любви, что утратила рассудок, повинувшись лишь ненасытному голоду. Только сейчас, когда ожила, казалось, каждая клеточка ее тела, она вспомнила, что такое страсть, и ее губы раскрывались с готовностью изголодавшейся женщины. Она сама потащила его в спальню, ни на мгновение не отрываясь от него. И сама расстегнула ему рубашку и

пряжку ремня. Он знал, он определенно знал, что сегодня ему нельзя быть агрессором, иначе он напугает ее. Сегодня она должна была руководить. Но и скрыть свое возбуждение он не мог, и она это почувствовала сразу, как только расстегнула молнию его брюк и они соскользнули на пол.

Он потянулся к пуговицам ее блузки и замер, заглянув ей в глаза. Ее взгляд, как и учащенное дыхание не оставили никаких сомнений в том, что она хотела именно этого. Блузка медленно распахнулась, обнажив ее плечи. Лифчик мягко опустился на пол. Он расстегнул его с величайшей нежностью, словно освобождал ее груди. Она закрыла глаза и вздохнула с наслаждением, когда он наклонился, чтобы поцеловать их. Это было не насилием, а жестом чрезвычайного почтения и даже благоговения.

И впервые за два года Кэтрин позволила мужчине овладеть ею. Рядом с Муром в постели у нее даже мысли не возникло об Эндрю Капре. Не было ни вспышек страха, ни тяжелых воспоминаний, когда они наконец полностью освободились от одежды и она ощутила тяжесть его тела. Грубый акт, который совершил когда-то другой мужчина, не имел ничего общего с настоящим, и она по-новому ощущала себя. Жестокость — это не секс, а секс еще не любовь. Любовью можно было назвать то чувство, которое она испытала, когда Мур вошел в нее и, обхватив ладонями ее лицо, смотрел ей в глаза.

Она уже забыла, какое наслаждение может дать мужчина, и как будто растворилась в этом мгновении, испытывая небывалую радость, словно впервые в жизни.

Когда она проснулась в его объятиях, было темно. Кэтрин почувствовала, как он привстал, и расслышала его голос:

— Который час?

— Восемь пятнадцать.

— Ого! — Он счастливо расхохотался и завалился на спину. — Даже не верится, что мы проспали полдня. Похоже, я отоспался за целую неделю.

— В последнее время у тебя был дефицит сна.

— А что, заметно?

— Говорю тебе как врач.

— Мы с тобой в чем-то похожи, — сказал он, медленно проводя рукой по ее телу. — Мы оба слишком долго были лишены...

Какое-то время они лежали молча. Потом он тихо спросил:

— Как тебе было?

— Ты хочешь знать, насколько ты хорош как любовник?

— Нет. Я хочу знать, как было тебе. От того, что я к тебе прикоснулся.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

— Я ничего не сделал плохого? Не напугал тебя?

— С тобой я чувствовала себя в полной безопасности. Это то, что мне было нужно прежде всего. Ощущение безопасности. Мне кажется, ты единственный мужчина, который смог это понять. Единственный, кто вызвал во мне доверие.

— Некоторым мужчинам все-таки можно доверять, — заметил он.

— Да, но кому именно? Я таких не встречала.

— Этого не узнаешь, пока не столкнешься с трудностями. В тяжелую минуту такой мужчина обязательно окажется рядом.

— Тогда, наверное, мне просто не везло. Я слышала от других женщин, что, как только расскажешь мужчине о том, что с тобой произошло, как только произнесешь слово «изнасилование», он тут же отвернется от тебя. Как от испорченного товара. Мужчины не хотят даже слышать об этом. Они предпочитают молчание признанию. Но молчание опасно. Оно постепенно окутывает тебя, и вскоре ты уже не можешь говорить ни о чем. Вся жизнь становится запретной темой.

— Но так невозможно жить.

— Однако это единственный вариант, иначе останешься одна. Мужчины рядом, пока мы храним молчание. Хотя, пусть даже я и молчу, это все равно живет во мне.

Он поцеловал ее, и в этом простом поцелуе было больше любви, чем в самой пылкой страсти, потому что он последовал за признанием в самом сокровенном.

— Ты останешься у меня на ночь? — прошептала она.

Его теплое дыхание касалось ее волос.

— Если ты позволишь мне пригласить тебя на ужин.

— О, я совсем забыла о том, что надо поесть.

— Вот в чем разница между мужчиной и женщиной. Мужчина никогда не забывает о еде.

Улыбнувшись, она села в постели.

— Тогда приготовь что-нибудь выпить. А я покормлю тебя.

Он приготовил два martini, и они потягивали коктейли, пока она резала салат и жарила стейки. «Настоящая мужская еда», — думала она с радостью. Мясо с кровью для нового мужчины в ее жизни. Процесс приготовления еды никогда не казался ей таким приятным, как в этот вечер. Мур, улыбаясь, подавал ей соль и перец, а у нее слегка кружилась голова от алкоголя. Она не помнила, когда в последний раз еда казалась ей такой

вкусной. У нее было такое чувство, будто ее извлекли из закупоренного сосуда и она впервые в жизни ощутила все богатство запахов и вкусов.

Они ели на кухне, запивая мясо вином. Ее кухня с белым кафелем и белоснежной мебелью вдруг заиграла яркими красками. Здесь были и рубиновый цвет вина, и свежая зелень салата, и голубые цветы на салфетках. И он сидел напротив. Когда-то Мур казался ей бесцветным, как и все мужчины вокруг. Только сейчас она разглядела его по-настоящему, отметив и теплую грубоватую кожу, и паутинку лучистых морщинок возле глаз. Все очаровательные несовершенства прекрасно уживались на его лице.

У нас впереди целая ночь, думала Кэтрин, а более далекая перспектива вызвала у нее счастливую улыбку. Она встала из-за стола и протянула ему руку.

* * *

Доктор Цукер остановил видеозапись сеанса, проведенного доктором Полочком, и повернулся к Муру и Маркетту.

— Это вполне могла быть ложная память. Корделл придумала несуществующий второй голос. Видите ли, в этом и заключается проблема гипноза. Память — подвижная категория. Она может изменяться, переписываться в зависимости от ожиданий. Пациентка шла на сеанс, уже полагая, что у Капры был партнер. И вот, пожалуйста память воспроизвела ее фантазии! Второй голос. Второй мужчина в доме. — Цукер покачал головой. — Это ненадежный источник.

— В пользу того, что был кто-то второй, говорит не только ее память, — заметил Мур. — Наш неизвестный послал срезанные волосы, которые можно было раздобыть только в Саванне.

— Это она говорит, что волосы были срезаны в Саванне, — сказал Маркетт.

— Выходит, вы ей не верите?

— Лейтенант поднимает важный вопрос, — вмешался Цукер. — Мы имеем дело с эмоционально травмированной женщиной. Даже по прошествии двух лет после нападения состояние ее психики может быть нестабильным.

— Она кардиохирург.

— Да, на рабочем месте она ведет себя безупречно. Но она травмирована. Вы сами знаете. Изнасилование оставило свой след.

Мур замолчал, вспоминая самый первый день, когда он увидел Кэтрин. Ее движения были резкими, точными, выверенными. Она была совсем не той беспечной девчонкой, которая проявилась на сеансе гипноза — юная Кэтрин, купающаяся в лучах солнца на пирсе у озера. И вчера ночью эта жизнерадостная молодая Кэтрин вновь ожила в его объятиях. Она слишком долго была замурована в колющем панцире, ожидая освобождения.

— Ну и что мы будем делать с этим гипнозом? — спросил Маркетт.

— Я не хочу утверждать, что она не помнит этого, — ответил Цукер. — Но, знаете, это все равно что сказать ребенку, будто по двору проходил слон. По прошествии времени ребенок настолько сильно уверует в это, что сможет описать и его хобот, и соломинки на его спине, и сломанный бивень. Память становится для него реальностью. Даже если события вовсе не было.

— Но мы не можем и полностью игнорировать ее память, — заявил Мур. — Можно не верить в надежность Корделл как источника информации, но не станете же вы отрицать, что именно она является объектом интереса убийцы. То, что начал Капра, — сначала охота, потом убийство — не доведено до конца. Все продолжается здесь и сейчас.

— Преступник, копирующий почерк? — спросил Маркетт.

— Или партнер, — ответил Мур. — Бывали и такие прецеденты.

Цукер кивнул.

— Да, партнерство среди убийц не такая уж редкость. Как правило, мы считаем серийных убийц волками-одиночками, но до четверти серийных убийств совершаются в паре. Был сообщник у Генри Ли Лукаса. У Кеннета Бьянки. Партнерство во многом облегчает им задачу. Вдвоем легче похитить жертву, подавить ее сопротивление. Коллективная охота всегда эффективнее.

— Волки тоже охотятся вместе, — сказал Мур. — Может, и Капра был такой.

Маркетт взял пульт видеомэгнитофона, нажал кнопку обратной перемотки, а потом воспроизведения записи. На телеэкране снова возникла Кэтрин, сидевшая с закрытыми глазами, безвольно положив руки на колени.

«Кто произносит эти слова, Кэтрин? Кто говорит: „Сейчас моя очередь, Капра“?»

«Я не знаю. Этот голос мне незнаком».

Маркетт нажал на паузу, и лицо Кэтрин застыло на экране. Он взглянул на Мура.

— Прошло более двух лет с момента того нападения. Если он был

партнером Капры, почему так долго ждал, не преследовал ее? Почему все это происходит именно сейчас?

— Я тоже об этом думал. И, кажется, нашел ответ. — Мур раскрыл папку, с которой пришел на совещание, и достал вырванную страницу из газеты «Бостон глоб». — Это было напечатано за семнадцать дней до убийства Елены Ортис. Здесь подборка статей о трех женщинах-хирургах из Бостона. Третья статья посвящена Кэтрин Корделл, ее успехам, достижениям. Плюс цветная фотография. — Он передал газету Цукеру.

— А вот это уже интересно, — протянул тот. — Что вы видите, когда смотрите на эту фотографию, детектив Мур?

— Красивую женщину.

— А кроме этого? Что выражают ее поза, лицо?

— Уверенность. — Мур сделал паузу. — Недоступность.

— Вот и я вижу то же самое. Женщина на вершине успеха. Женщина, к которой трудно подобраться. Руки скрещены, подбородок гордо вскинут. Простым смертным даже мечтать о такой женщине боязно.

— Ну и к чему вы клоните? — спросил Маркетт.

— А вы вспомните, что заводит нашего неизвестного. Женщины с искалеченной психикой, травмированные насилием. Женщины символически уничтоженные. И вот перед ним Кэтрин Корделл — женщина, убившая его партнера, Эндрю Капру. Она вовсе не выглядит слабой. И не похожа на жертву. Нет, на этой фотографии она — победительница. Что, по-вашему, он испытал, увидев этот снимок? — Цукер посмотрел на Мура.

— Злость.

— Не просто злость, детектив, а слепую, неконтролируемую ярость. После того, как она покинула Саванну, он следует за ней в Бостон, но не может подобраться к ней, поскольку она превратила свой дом в неприступную крепость. И он вынужден коротать время, убивая других. Возможно, он по привычке представляет себе Корделл травмированной женщиной. Недочеловеком, ожидающим своей участи в качестве жертвы. И вот однажды он открывает газету и видит прямо перед собой вовсе не жертву, а королеву. — Цукер вернул газетную вырезку Муру. — Наш мальчик пытается вновь опустить ее. И прибегает к устрашению.

— А какова его конечная цель? — спросил Маркетт.

— Довести ее до уровня падшей жертвы, с которой ему привычнее иметь дело. Он может нападать только на тех женщин, которые настолько унижены и растоптаны, что не представляют для него угрозы. И если Эндрю Капра действительно был его партнером, тогда у нашего убийцы

появляется и другой мотив. Месть Корделл, которая разрушила их братство.

— Ну, и куда мы придем с этой версией о существовании партнера.

— Если у Капры на самом деле был партнер, — сказал Мур, — тогда мы опять возвращаемся к Саванне. Но здесь мы снова оказываемся с пустыми руками. Полицией проведено более тысячи опросов, но не выявлено ни одного подозреваемого. Думаю, пора пристально изучить окружение Эндрю Капры. И посмотреть, не всплывал ли кто из его знакомых здесь, в Бостоне. Фрост уже созванивается с детективом Сингером, который руководил расследованием в Саванне. Он может вылететь туда и еще раз просмотреть весь список лиц.

— Почему именно Фрост?

— А почему нет?

Маркетт взглянул на Цукера.

— Очередная сумасбродная затея? Мы опять в погоне за иллюзиями?

— Иногда иллюзия оборачивается реальностью.

Лейтенант на некоторое время задумался. Потом, соглашаясь, кивнул.

— Хорошо. Давайте отрабатывать Саванну.

Мур поднялся, чтобы идти, но Маркетт его остановил:

— Вы не могли бы задержаться на минутку? Мне нужно поговорить с вами. — Они дождались, пока Цукер покинет кабинет, и лейтенант, закрыв за ним дверь, сказал: — Мне бы не хотелось, чтобы в Саванну летел детектив Фрост.

— Могу я узнать, почему?

— Потому что я хочу, чтобы туда отправились вы.

— Но Фрост уже готов к отъезду, — возразил Мур. — Он лишь ждет команды.

— Дело не в нем. Дело в вас. Вам нужно немного отойти от этого дела.

Мур молчал, начиная понимать, к чему клонит лейтенант.

— Вы проводите слишком много времени с Кэтрин Корделл, — сказал Маркетт.

— Она — ключевой фигурант в этом деле.

— Слишком много вечеров в ее обществе. Во вторник вы были у нее в полночь.

«Риццоли. Об этом знала Риццоли».

— А в субботу вообще остались у нее на ночь. Что, в конце концов, происходит?

Мур не ответил. Да и что он мог сказать?

«Да, я переступил черту. Но это было выше моих сил».

Маркетт опустился в кресло с выражением глубокого разочарования на лице.

— Не могу поверить, что приходится говорить об этом с вами. Уж от вас я такого не ожидал. — Он вздохнул. — Пора вам отойти в сторону. Мы приставим к ней кого-нибудь другого.

— Но она доверяет мне.

— Это все, что вас связывает? Только доверие? Я слышал, все гораздо серьезнее. Думаю, нет необходимости объяснять вам, что вы ведете себя неподобающе. Послушайте, мы ведь с вами знаем, что такое бывало и с другими ребятами. И ничего хорошего из этого не получалось. И на этот раз будет то же самое. Сейчас вы ей нужны, ей с вами удобно. Ну порезвитесь вы пару недель, месяц. А потом однажды утром проснетесь вместе, и — бац! — все кончено. И либо она, либо вы получите очередную душевную травму. И пожалеете о том, что это вообще было. — Маркетт сделал паузу, ожидая ответа. У Мура его не было.

— Помимо личного аспекта, — продолжил лейтенант, — это еще осложняет расследование. И ставит в неловкое положение всю команду, черт возьми. — Он махнул рукой в сторону двери. — Езжайте в Саванну. И держитесь подальше от Корделл.

— Я должен хотя бы объяснить ей...

— Даже не звоните. Мы позаботимся, чтобы ей передали информацию о вашем отъезде. На ваше место я назначу Кроу.

— Только не Кроу, — резко произнес Мур.

— Кого тогда?

— Фроста. — Мур вздохнул. — Пусть это будет Фрост.

— Хорошо, Фроста. А теперь поспешите на самолет. Вырваться из города — вот что вам нужно, чтобы остудить голову. Возможно, вы на меня и сердитесь сейчас. Но в душе-то понимаете, что я прав.

Да, Мур это знал, и ему было больно взглянуть на свое поведение со стороны. А увидел он Святого Томаса — грешника, позволившего себе пойти на поводу своих желаний. Правда, которую он услышал из уст Маркетта, привела его в ярость еще и потому, что ему нечего было возразить. Он не мог отрицать очевидного. Ему удалось сдержаться в кабинете лейтенанта, но, когда он вышел и увидел Риццоли, которая сидела за своим столом, эмоции прорвались наружу.

— Поздравляю, — с сарказмом в голосе сказал он. — Вы взяли реванш. Теперь полегчало, не так ли?

— А что, должно было?

— Вы сказали Маркетту.

— Если бы я и сказала, то была бы не первым полицейским, который накапал на своего партнера.

Ее язвительная реплика возымела эффект. В холодном молчании он развернулся и вышел.

У подъезда он остановился, чтобы глотнуть воздуха, с отчаянием думая о том, что не увидит сегодня Кэтрин. И все-таки Маркетт был прав; все так и должно быть. Так должно было быть с самого начала. Не стоило допускать сближения, давать волю чувствам. Но она была так беззащитна, и он, дурак, клюнул на это. Долгие годы он шел по жизни прямо, не сворачивая, а сейчас оказался на незнакомой территории, где все подчиняется не логике, а страсти. Ему было неуютно в этом новом мире. И он не знал, как выбраться из него.

* * *

Кэтрин сидела в машине, собираясь с духом, чтобы войти в здание «Шредер Плаза». Весь день она с привычной любезностью осматривала пациентов, консультировала коллег, преодолевала мелкие неприятности, неизбежно возникавшие по ходу работы. Но ее улыбки были фальшивыми, а под маской теплоты и сердечности бушевало отчаяние. Мур не отвечал на ее звонки, и она не знала, почему. Всего одна ночь вместе — и уже что-то не сложилось между ними.

Наконец она выбралась из машины и вошла в здание штаб-квартиры Бостонского полицейского управления.

Хотя ей однажды уже довелось побывать здесь, на сеансе у доктора Полочека, здание все равно казалось ей запретной территорией, куда вход простым смертным был закрыт. Это впечатление усилилось, когда на нее уставился офицер, дежуривший на входе.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил он. В его голосе не было ни дружелюбия, ни враждебности.

— Я ищу детектива Томаса Мура из отдела убийств.

— Я позвоню наверх. Ваше имя?

— Кэтрин Корделл.

Пока он звонил, она ждала в вестибюле, испытывая ощущение неловкости и от строгости гранитной облицовки, и от любопытных взглядов мужчин — как в форме, так и в штатском, — которые проводили мимо. Это была вселенная Мура, и она здесь была инопланетянкой. Она забрела на чужую территорию, где на нее косились строгие мужчины с

кобурами на поясе. Кэтрин вдруг поняла, что совершила ошибку, что не следовало приходить сюда, и поспешила к выходу. Но уже возле самой двери ее окликнул чей-то голос:

— Доктор Корделл?

Она обернулась и узнала светловолосого мужчину с добрым приятным лицом, который только что вышел из лифта. Это был детектив Фрост.

— Может, поднимемся наверх? — предложил он.

— Я пришла к Муру.

— Да, я знаю. Я спустился, чтобы встретить вас. — Он жестом пригласил ее пройти к лифту. — Пойдемте?

На втором этаже он провел ее по коридору в отдел по расследованию убийств. Никогда прежде она не бывала в этом крыле, и ее поразило, насколько обстановка здесь напоминала деловой офис с его компьютерными терминалами и рабочими местами за стеклянными перегородками. Фрост подвел ее к креслу и усадил. Глаза его излучали доброту. Он видел, что ей здесь неуютно, и старался хоть как-то угодить.

— Чашку кофе? — предложил он.

— Нет, спасибо.

— Может, вам все-таки что-то принести? Содовой? Или стакан воды?

— Спасибо, не надо.

Он присел рядом.

— Итак. О чем вы хотели поговорить, доктор Корделл?

— Я надеялась, что застану детектива Мура. Все утро я провела в хирургии и подумала, вдруг он пытался дозвониться мне...

— Честно говоря... — Фрост запнулся, и в его взгляде промелькнуло смущение. — Около полудня я оставил для вас сообщение у вашего секретаря. Теперь по всем вопросам вам следует обращаться ко мне, а не к детективу Муру.

— Да, я получила сообщение. Я просто хотела узнать... — Кэтрин с трудом сдерживала слезы. — Я хотела узнать, почему вдруг все изменилось.

— Видите ли... м-м... такова тактика следствия.

— Что вы имеете в виду?

— Необходимо, чтобы Мур сконцентрировался на других аспектах этого дела.

— И кто это решил?

Фрост выглядел все более несчастным.

— Я в общем-то не знаю, доктор Корделл.

— Это Мур так решил?

Последовала пауза.

— Нет.

— Выходит, дело не в том, что он попросту не хочет видеть меня?

— Я уверен, что это не так.

Она не знала, говорит ли он правду или просто пытается утешить. Кэтрин заметила, что двое детективов с интересом смотрят на них, и это вдруг разозлило ее. Неужели все, кроме нее, знали правду? Не жалость ли увидела она в их взглядах? Все утро она с наслаждением вспоминала прошлую ночь. Ждала, что Мур позвонит, жаждала слышать его голос, зная, что он думает о ней. Но он так и не позвонил.

А в полдень ей передали сообщение Фроста, в котором говорилось, что отныне по всем вопросам ей следует обращаться к нему.

Ей оставалось только держать марку и сдерживать слезы.

— Есть причина, по которой я не могу поговорить с ним? — спросила она.

— Боюсь, его сейчас нет в городе. Он уехал сегодня днем.

— Все ясно. — Кэтрин поняла, что больше здесь ничего не узнает.

Она не стала спрашивать, куда уехал Мур и как можно связаться с ним. Она и так поставила себя в неловкое положение, явившись сюда, и теперь гордость взяла верх. В последние два года именно гордость была для нее источником силы. Она заставляла ее двигаться вперед день за днем, отказываясь от унижительной роли жертвы. Окружающие, глядя на нее, видели лишь холодный профессионализм и эмоциональную сдержанность, потому что ничего другого она им не позволяла видеть.

«Только Мур увидел меня настоящую, травмированную и беззащитную. И вот результат. Что ж, больше я себе такой слабости не позволю».

Когда она поднялась, чтобы уйти, спина ее вновь была прямой, а взгляд твердым. Выходя из офиса, она прошла мимо рабочего стола Мура. Она знала, что это его стол, потому что на нем стояла именная табличка. Она остановилась и успела рассмотреть фотографию, с которой улыбалась женщина с развевающимися на ветру волосами.

Она вышла, оставляя позади его мир и с сожалением возвращаясь в свой.

Глава 18

Мур считал, что жара в Бостоне невыносима; но, как выяснилось, он оказался совершенно не готов к тому, что ожидало его в Саванне. Выйдя из здания аэропорта, он словно окунулся в горячую ванну, и у него возникло полное ощущение, что он плывет в вязкой жидкости. Он доплелся до стоянки и взял машину напрокат. Когда он наконец добрался до своего отеля, его рубашку можно было выжимать. Он разделся, прилег на кровать, чтобы немного отдохнуть, и в итоге проспал до вечера.

Когда он проснулся, было уже темно, и он дрожал от холода под струей кондиционера. Голова раскалывалась.

Мур достал из чемодана свежую рубашку, оделся и вышел из отеля.

Даже вечером воздух больше напоминал пар, но он все равно ехал в машине с открытым окном, вдыхая влажные запахи Юга. Он никогда прежде не бывал в Саванне, но был наслышан об очаровании этого города, его живописных улочках со старинными особнячками и чугунными скамейками. Но сегодня он не собирался бродить туристскими маршрутами. Он ехал по конкретному адресу на северо-восточную окраину города. Это был очаровательный уголок с маленькими аккуратными домиками с уютными крылечками и палисадниками, в которых росли экзотические деревья с раскидистыми кронами. Он отыскал Ронда-стрит и остановился возле одного из домов.

В окнах горел свет, и он разглядел голубоватое мерцание телеэкрана.

Ему было интересно, кто теперь здесь живет и знают ли нынешние обитатели историю своего дома. Когда они гасили на ночь свет и ложились в постель, задумывались ли о том, что произошло однажды в этой самой спальне? Лежа в темноте, не слышали ли эхо ужаса, до сих пор отражавшегося от этих стен?

В окне показался силуэт — женский, изящный, с длинными волосами. Совсем как Кэтрин.

Теперь он мог мысленно нарисовать ту давнюю картину. Молодой человек на крыльце стучит в дверь. Дверь открывается, и золотистый свет льется в темноту. Кэтрин стоит в дверях, приглашая войти в дом молодого коллегу по работе в больнице, даже не подозревая о тех ужасах, которые он ей уготовил.

«А второй голос, второй человек — откуда он мог зайти?»

Мур долго сидел, разглядывая дом, изучая расположение окон,

кустарников. Потом выбрался из машины и пошел вдоль тротуара, чтобы осмотреть дом со всех сторон. Живая изгородь была густой, и он не смог заглянуть сквозь кусты на задний двор.

На крыльце в доме напротив зажегся свет.

Он обернулся и увидел полную женщину, которая уставилась на него из окна. К уху у нее была прижата телефонная трубка.

Мур вернулся в машину и уехал. Был еще один адрес, по которому он собирался наведаться, — рядом с колледжем, в семи милях к югу. Он задался вопросом, как часто ездила по этой дороге Кэтрин, заезжала ли вон в ту маленькую пиццерию, что слева, или ту прачечную, что промелькнула справа. Куда бы он ни посмотрел, он везде видел лицо Кэтрин, и это его беспокоило. Выходит, он опять впутывал личное в это расследование, что не предвещало ничего хорошего.

Наконец он нашел улицу, которую искал. Проехав несколько кварталов, остановился. Похоже, он прибыл по адресу. Но увидел лишь пустырь, густо заросший сорняками. Он рассчитывал найти здесь дом, принадлежавший госпоже Стелле Пул, пятидесятивосьмилетней вдове. Три года тому назад госпожа Пул сдавала апартаменты на верхнем этаже хирургу-интерну по имени Эндрю Капра, тихому молодому человеку, который всегда вовремя платил аренду.

Он вышел из машины и постоял на обочине, которая наверняка хранила следы Эндрю Капры. Взгляд его скользнул вверх и вниз по улице, некогда бывшей обителью Капры. Она находилась неподалеку от колледжа, и он предположил, что здешние дома в основном сдавались внаем студентам. Поскольку этот контингент здесь подолгу не задерживался, вряд ли кто из нынешних обитателей помнил зловещего соседа.

Ветер гонял горячий воздух, и ему не понравился запах, который поднимался от земли. Это был сырой запах тлена. Он взглянул на дерево, которое росло на пустыре, некогда бывшем палисадником дома Эндрю Капры, и увидел свисавший с ветки ком бородатого мха. Он содрогнулся: странный фрукт. Вспомнилось, как в далеком детстве на один из праздников Хэллоуин сосед, решив устроить самую смешную страшилку, обмотал шею чучела веревкой и повесил его к дереву. Отец Мура побелел от ужаса, когда увидел это. Он тут же бросился на соседский двор и, несмотря на протесты хозяина, срезал чучело.

У Мура сейчас тоже возникло такое желание — взобраться на дерево и сбить отвратительный мох.

Но вместо этого он вернулся к своей машине и поехал обратно в отель.

Детектив Марк Сингер поставил на стол картонную коробку и отряхнул руки от пыли.

— Это последняя. Мы все выходные рылись в архиве, зато теперь все на месте.

Мур посмотрел на десяток коробок с доказательной базой, выставленных в ряд на столе, и сказал:

— Мне нужно было привезти с собой спальный мешок и ночевать прямо здесь.

Сингер рассмеялся.

— Можно, конечно, и так, если вы собираетесь изучать каждую бумажку. Но из здания ничего не выносить, договорились? Фотокопия внизу, в коридоре, только введите свое имя и агентство. Ванная комната там же. В буфете почти круглосуточно есть булочки и кофе. Когда перекусите, ребята не обидятся, если вы оставите несколько баксов на чай.

Хотя все это было произнесено с улыбкой, Мур расслышал недвусмысленное предупреждение, сделанное в характерной для южанина мягкой и медлительной манере: «У нас тут свои порядки, и даже вам, важным дядям из Бостона, придется их соблюдать».

Кэтрин этот полицейский не нравился, и Мур понимал, почему. Сингер оказался моложе, чем он ожидал, ему не было еще и сорока, и этот мускулистый супермен явно не терпел критики в свой адрес. Но, поскольку в стае должен быть один вожак, Мур позволил Сингеру исполнить эту роль.

— В этих четырех коробках — оперативные материалы по расследованию, — пояснил Сингер. — Возможно, вы захотите начать с них. Протоколы перекрестных допросов вон в той коробке, отчеты по розыскным операциям здесь. — Он медленно обходил стол, постукивая по коробкам, которые называл. — А это документы из Атланты по Доре Чикконе. Но здесь только фотокопии.

— В полиции Атланты имеются оригиналы?

Сингер кивнул.

— Первая жертва, единственная, кого он убил там.

— Раз уж это фотокопии, могу я вынести хотя бы эту коробку и просмотреть документы в отеле?

— С условием, что все вернете. — Сингер вздохнул, оглядывая свое богатство. — Честно говоря, я не понимаю, что вы надеетесь здесь найти. Дело элементарное. На каждой жертве мы обнаружили ДНК Капры.

Провели исследование на соответствие волокон. Все сходится по времени. Капра живет в Атланте — и Дора Чикконе убита в Атланте. Он переезжает в Саванну — и начинают гибнуть местные дамы. Он всегда оказывался в нужном месте и в нужное время.

— Я ни секунды не сомневаюсь в том, что Капра — убийца.

— Тогда что вы сейчас роете? Некоторые из этих материалов трех-, а то и четырехгодовой давности.

Мур расслышал нотки агрессивности в голосе Сингера и понял, что действовать надо дипломатично. Стоило лишь намекнуть, что Сингер наделал ошибок при расследовании дела Капры, упустил такую важную деталь, как наличие сообщника, — и можно было распрощаться с надеждой на сотрудничество с полицией Саванны.

Мур выбрал ответ, при котором его нельзя было ни в чем заподозрить.

— Мы рассматриваем версию о том, что кто-то копирует почерк убийцы, — сказал он. — Наш бостонский маньяк, похоже, горячий поклонник Капры. Он с точностью воспроизводит все детали его преступлений.

— А откуда он может знать эти детали?

— Вполне возможно, что они переписывались с Капррой, когда тот еще был жив.

Сингер, казалось, успокоился. И даже хохотнул.

— Фан-клуб импотентов, а? Славно.

— Поскольку наш убийца хорошо знаком с почерком Капры, мне тоже нужно поучиться.

Детектив жестом указал на заваленный стол:

— Ну, тогда, вперед.

После того как Сингер удалился, Мур принялся изучать маркировку на коробках. Он открыл первую, на которой значилось: «№ 1. Оперативные документы». Внутри оказались три толстых скоросшивателя, под завязку набитые бумагами. И это была всего лишь одна из четырех коробок с такими материалами. В первом скоросшивателе были подшиты документы, имеющие отношение к трем нападениям, совершенным в Саванне: показания свидетелей, выписанные ордера. Второй том содержал списки подозреваемых, сведения о наличии у них судимостей, протоколы судмедэкспертизы. Чтобы изучить содержимое хотя бы этой, первой коробки, Муру понадобился бы целый день.

А на очереди были еще одиннадцать.

Он начал с краткого отчета Сингера по итогам расследования. И вновь его поразила неопровержимость доказательств, собранных против Эндрю

Капры. На его счету было пять нападения, четыре из них со смертельным исходом для жертвы. Первой была Дора Чикконе, убитая в Атланте. Годом позже убийства начались в Саванне. За год были убиты трое: Лайза Фокс, Рут Ворхес и Дженифер Торрегросса.

Убийства прекратились, когда Капра был застрелен в спальне Кэтрин Корделл.

В каждом случае в вагине жертвы была обнаружена сперма, и ее ДНК совпадала с ДНК Капры. Волосы, найденные на местах убийства Фокс и Торрегросса, также принадлежали Капре. Первая жертва, Чикконе, была убитая в Атланте в тот год, когда Капра заканчивал учебу на медицинском факультете Университета Эмори.

Убийства потянулись следом за Капррой в Саванну.

Каждая найденная улика четко вписывалась в схему следствия, и обвинение против Капры было сформулировано безупречно. Но Мур понимал, что читает лишь краткий отчет, в котором все элементы расследования были подтянуты к выводам, сделанным Сингером. Противоречивые детали могли быть исключены. Именно эти детали — мелкие, с виду незначительные, но весьма важные для расследования — он и надеялся выудить из этих коробок. Где-то здесь, думал он, Хирург оставил свои следы.

Он открыл первый том и начал читать.

Когда спустя три часа он поднялся, чтобы размять затекшую спину, был уже полдень, а гора бумаг ничуть не уменьшилась. Хуже того, за все это время он не уловил и намека на присутствие Хирурга. Он прошелся вокруг стола, разглядывая еще не раскрытые коробки, и его внимание привлекла одна из них: «№ 12. Фокс/Торрегросса/Ворхес/Корделл. Вырезки из газет/Видео/Прочее».

Мур открыл ее и обнаружил штук пять видеокассет, которые лежали на толстой стопке картонных папок. Он взял кассету, на корешке которой значилось: «Местожителство Капры». Видеозапись была датирована 16 июня. В этот день было совершено нападение на Кэтрин.

Мур застал Сингера на рабочем месте за поеданием сэндвича. Деликатес был щедро нашпигован жареным мясом. Стол детектива мог многое рассказать о своем хозяине. Он был организован в высшей степени по-армейски, бумаги лежали четкими стопками по расчерченным квадратам. Сингер явно отличался педантизмом, но с фантазией были проблемы.

— Есть где-нибудь видеоманитофон, которым можно воспользоваться? — спросил Мур.

— Мы держим его под замком.

Мур ждал, считая свой следующий вопрос настолько очевидным, что озвучивать его было бы неприлично. Оторвавшись от еды, Сингер с трагическим вздохом полез в ящик стола за ключами.

— Я так понимаю, он нужен вам срочно?

Телевизор и видеоманитофон Сингер вывез из кладовки на тележке и покатил в комнату, где работал Мур. Он подключил шнуры, включил аппаратуру и удовлетворенно хмыкнул, когда все заработало.

— Спасибо, — сказал Мур. — Возможно, мне это понадобится на несколько дней.

— Удалось сделать какие-то знаменательные открытия? — поинтересовался детектив. В его голосе явственно угадывались саркастические нотки.

— Я только начинаю.

— Вижу, вы достали кассету по Капре. — Сингер покачал головой. — Боже, что творилось в том доме!

— Я вчера вечером проезжал мимо. Там заброшенный пустырь.

— Дом сгорел около года назад. После Капры старушка уже не смогла сдавать верхние апартаменты. Ну, и начала брать деньги за экскурсии по ним. Верите или нет, но она на этом деле здорово заработала. Знаете, народ ведь падок на такие зрелища. Да и сама старуха была со странностями.

— Мне необходимо встретиться с ней, — произнес Мур.

— Ну, это вам удастся разве что на том свете.

— Она погибла при пожаре?

— Докурилась. — Сингер засмеялся. — Говорят же, курение вред, но для здоровья. Она как нельзя лучше доказала это на собственном примере.

Мур дождался, пока детектив выйдет из комнаты, после чего вставил в видеоманитофон кассету с надписью «Местожителство Капры».

Первые кадры были сняты днем и показывали внешний вид дома, где проживал Капра. Мур узнал дерево с бородастым мхом. Сам дом был безликий — двухэтажная коробка с облупившейся краской. Голос за кадром сообщил дату, время и место съемки. Он идентифицировал себя как детектива Спиро Патаки из полиции Саванны. По качеству дневного света Мур догадался, что съемку проводили рано утром. Камера прошла по улице, и он увидел пробегавшего трусцой жителя, с любопытством оглянувшегося прямо в объектив. Движение на улице было плотным (утренний «час пик»?), а на обочине выстроились соседи, с интересом наблюдая за оператором.

Камера вернулась к дому и, подпрыгивая, приблизилась к входной

двери. Оказавшись в доме, детектив Патаки бегло скользнул объективом по первому этажу, где проживала домохозяйка, госпожа Пул. Мур успел разглядеть потертые ковры, темную мебель, пепельницу, доверху набитую окурками. Фатальная привычка заядлого курильщика. Затем камера двинулась вверх по узкой лестнице и, минуя дверь с тяжелым замком, попала в верхние апартаменты, где квартировал Эндрю Капра.

Помещение второго этажа вызвало у Мура клаустрофобию. Оно было разбито на крохотные комнатки, и, судя по всему, умелец, который произвел эту «реконструкцию», преуспел в работе с деревянными панелями. Все стены были облицованы темным шпоном. Камера продвигалась по такому узкому коридору, что казалось, будто действие происходит в туннеле. «Спальня справа», — пояснил Патаки, поворачивая объектив в открытую дверь, из которой просматривались аккуратно застеленная двуспальная кровать, ночной столик и комод. Вот и вся мебель, которая уместилась в темной конуре.

«Двигаемся в сторону задней части жилой зоны», — сказал Патаки, когда камера вновь прыгнула в туннель. Вскоре в кадре появилась относительно большая комната, где полукругом стояли люди с мрачным выражением лиц. Возле двери чулана Мур различил Сингера. Похоже, здесь и разворачивалось основное действие.

Камера сосредоточилась на Сингере. «Эта дверь была заперта на висячий замок, — произнес он, показывая на сломанный замок. — Нам пришлось снимать ее с петель. Внутри мы обнаружили это». — Сингер открыл дверь чулана и дернул за тонкую цепочку.

В камере вдруг пропала резкость, потом что-то зарябило, и на экране появился следующий кадр, уже с четким изображением. Это была черно-белая фотография женского лица с широко раскрытыми безжизненными глазами и такой глубокой раной на шее, что обнажился хрящ трахеи.

«Я полагаю, что это Дора Чикконе, — сказал Сингер. — А теперь перейдем к следующей».

Камера сместилась вправо. Еще одна фотография, еще одна женщина.

«Судя по всему, это посмертные снимки четырех разных жертв. По-видимому, перед нами фотографии Доры Чикконе, Лайзы Фокс, Рут Ворхес и Дженифер Торрегроссы».

Это была личная портретная галерея Эндрю Капры. Его убежище, где он заново переживал наслаждение убийством. Но гораздо больше, чем сами фотографии, Мура насторожило то, что стены чулана, если не считать четырех портретов, были голыми, а на полке лежала коробочка с чертежными кнопками. Места для новых снимков было достаточно.

Из чулана камера вновь переместилась в большую комнату. И медленно поплыла по кругу, выхватывая предметы обстановки. Диван, телевизор, письменный стол, телефон. Книжные полки, заполненные учебниками по медицине. Камера продолжала свое путешествие по квартире, пока не дошла до кухонной зоны. Здесь в фокусе объектива оказался холодильник.

Мур придвинулся ближе, ощутив внезапную сухость во рту. Он уже знал, что последует дальше, и все равно сердце тревожно забилося и в животе похолодело от ужаса, когда он увидел, как Сингер приближается к холодильнику. Детектив замер и посмотрел в объектив камеры.

— А вот что мы обнаружили внутри, — сказал он и открыл дверцу.

Глава 19

Мур прошел целый квартал и на этот раз почти не ощутил жары — его еще бил озноб после просмотра видеопленки. Он с облегчением вырвался из конференц-зала, который теперь ассоциировался у него с диким ужасом. Да и сама Саванна с ее густым приторным воздухом и мягкой зеленью вызывала у него ощущение дискомфорта. Бостон, состоящий из острых углов и резких звуков, казался четким и предсказуемым. По крайней мере в Бостоне ты ощущал себя живым, пусть даже и пребывая в таком раздражении. Здесь же все было размыто. Он видел Саванну словно в дымке, сотканную из ласковых улыбок и усыпляющих голосов, и в очередной раз задавался вопросом: сколько еще темных тайн скрыто в глубинах этого напускного благодушия?

Когда Мур вернулся в штаб-квартиру, он застал Сингера за компьютером.

— Подождите, — сказал Сингер и нажал кнопку проверки орфографии. Не дай Бог в его отчетах обнаружатся орфографические ошибки. Удовлетворенный результатом, он поднял взгляд на Мура. — Да?

— Вы так и не нашли записную книжку Капры? — спросил Мур.

— Какую еще книжку?

— Большинство людей держат свою личную записную книжку возле телефона. Я не увидел такой на видео, и в списке его личных вещей она тоже не значится.

— Не забывайте, что произошло два года тому назад. Если ее не было в нашем списке, значит, ее не было вообще.

— Или же ее убрали из квартиры до того, как там появились вы.

— К чему вы клоните? — Сингер подозрительно покосился на Мура. — Я думал, вы приехали изучать почерк Капры, а не заниматься повторным расследованием дела.

— Меня интересуют друзья Капры. Все, кто хорошо его знал.

— Черт возьми, да никто его толком не знал. Мы опросили врачей и медсестер, с которыми он работал. Его квартирую хозяйку, соседей. Я лично ездил в Атланту, беседовал с его теткой. Кстати, это его единственная родственница из тех, кто жив.

— Да, я читал протоколы.

— Тогда вы должны знать, как он ловко всех дурачил. Я только и слышал восторженные отзывы о нем: «Внимательный доктор! Такой

вежливый молодой человек!» — фыркнул Сингер. — Они понятия не имели о том, каков он на самом деле.

Сингер снова повернулся к своему компьютеру.

— Да разве их, злодеев, распознаешь?

* * *

Подошла очередь последней видеозаписи. Мур намеренно оставил ее напоследок, потому что не был готов к предстоящему зрелищу. Предыдущие кассеты ему удалось просмотреть, не поддаваясь эмоциям, и он даже делал пометки, когда изучал спальни Лайзы Фокс, Дженифер Торрегроссы и Рут Ворхес. Снова и снова перед его глазами мелькали знакомые кровавые рисунки на стенах, связанные нейлоновыми шнурами запястья, пронизанные ощущением смерти взгляды жертв. Он мог без содрогания смотреть эти кадры, поскольку не знал этих женщин и их голоса не отзывались эхом в его памяти. Его внимание было сосредоточено не на жертвах, а на характерных деталях, которые могли бы рассказать о присутствии в их комнатах интересующего его субъекта. Он извлек из видеомэгнитофона пленку с записью, сделанную на месте убийства Ворхес, и положил на стол. Неохотно потянулся к последней кассете. На ней значились дата, номер дела и место съемки: «Местожительство Кэтрин Корделл».

Мур хотел было отложить ее, чтобы посмотреть завтра утром, со свежими силами. На часах было девять вечера; он провел в этой комнате весь день. Он держал кассету в руках, раздумывая, что делать.

Прошло мгновение, прежде чем он осознал, что в дверях стоит Сингер, наблюдая за ним.

— Старик, ты еще здесь? — сказал Сингер.

— Дел не впрокорот.

— Все пленки просмотрел?

— Все, кроме одной.

Сингер взглянул на видеокассету.

— Корделл.

— Да.

— Ну, давай, вставляй. Может, я что-то дополню.

Мур вставил кассету в видеомэгнитофон и нажал на кнопку воспроизведения записи.

Перед ними был фронтальный вид дома Кэтрин. Ночь. Крыльцо было

освещено, и свет горел во всех окнах. Голос за кадром сообщил дату и время — два часа ночи — и назвал имя офицера, проводившего съемку. Это опять был Спиро Патаки, который, казалось, числился здесь штатным оператором. Мур расслышал множество голосов и на их фоне стихающий вой сирен. Патаки произвел привычную съемку окрестностей, и за вспышками патрульных машин, перекрывших улицу, Мур разглядел встревоженных соседей, толпившихся возле ленты оцепления. Это удивило его, поскольку время было позднее. Судя по всему, происшествие наделало много шума, разбудив округу.

Патаки вернулся к дому и направился к крыльцу.

Сингер, глядя на экран, начал рассказывать:

— Мы получили сигнал о выстрелах. Соседка из дома напротив услышала первый выстрел, потом последовала долгая пауза, а после нее раздался второй. Она позвонила 911. Первый офицер полиции прибыл на место происшествия спустя семь минут. «Скорую» вызвали двумя минутами позже.

Мур вспомнил бдительную женщину, которая наблюдала за ним из окна соседнего дома.

— Я читал показания соседки, — сказал Мур. — Она заявила, что не видела, чтобы кто-то выходил из дома.

— Все верно. Она просто слышала два выстрела. После первого она встала с постели, выглянула в окно. Потом, минут через пять, прогремел второй выстрел.

Пять минут, подумал Мур. Почему такой интервал?

Между тем на экране уже возникла входная дверь, и дальше съемка происходила в доме. Мур увидел гардеробную комнату, которая была приоткрыта, и можно было разглядеть пальто на вешалках, зонтик, пылесос. Ракурс изменился, и действие переместилось в гостиную. На кофейном столике у дивана стояли два стакана, в одном из них еще остался напиток, похожий на пиво.

— Корделл пригласила его в дом, — продолжил Сингер. — Они выпили. Она пошла в ванную, спустя некоторое время вернулась и допила свое пиво. Через час на нее подействовал рогипнол.

Диван был обит тканью персикового цвета с выбитым на ней нежным цветочным рисунком. Мур и не догадывался о том, что Кэтрин тяготеет к таким чисто женским расцветкам, но теперь у него была возможность убедиться в этом. Цветы были и на шторах, и на мягких подушках. В Саванне в ее жизни было много цветов и много красок. Он представил себе, как она сидит на этом диване вместе с Эндрю Капррой, с участием

выслушивает его жалобы, а в это время рогипнол медленно всасывается в ее кровь. И постепенно подбирается к мозгу. Голос Капры кажется ей все более далеким.

Теперь камера двигалась в сторону кухни, зафиксировав обстановку во всех комнатах такой, какой ее обнаружили в два часа ночи в субботу.

Внезапно Мур подался вперед.

— Вон тот стакан... вы взяли из него пробы слюны на ДНК?

— А зачем?

— Вы не знаете, кто пил из него?

— В доме было только двое, когда прибыл первый офицер. — Сингер недоуменно пожал плечами. — Капра и Корделл.

— Два стакана стояли на кофейном столике. Кто пил из этого, третьего?

— Черт, он мог простоять в мойке весь день. Он не имел никакого отношения к ситуации, которую мы расследовали.

Оператор закончил осмотр кухни и перешел в коридор. Мур схватил пульт управления и нажал на кнопку перемотки. Он вернулся к первым кадрам, снятым на кухне.

— Что такое? — забеспокоился Сингер.

Мур не ответил. Он придвинулся еще ближе, вглядываясь в изображение уже знакомых предметов. Перед глазами проплыл холодильник, усеянный яркими магнитами в форме фруктов. Банки с мукой и сахаром, стоявшие на кухонном столике. Раковина с одиноким стаканом для воды. На этом съемка кухни заканчивалась.

Мур опять перемотал пленку назад.

— На что вы смотрите? — спросил Сингер.

В кадре снова появился пустой стакан. Камера начала движение в сторону коридора. Мур нажал на паузу.

— Вот, — сказал он. — Кухонная дверь. Куда она ведет?

— М-м... во внутренний двор. Открывается прямо на лужайку.

— А что за этим двором?

— Соседний двор. И еще один ряд домов.

— Вы не говорили с владельцем соседнего двора? Слышал ли он или она выстрелы?

— А какая разница?

Мур встал со стула и подошел к телевизору.

— Кухонная дверь, — сказал он, постучав по экрану. — На ней цепочка. Она не накинута.

Сингер сделал паузу.

— Но дверь-то заперта. Видите положение запирающей кнопки на ручке?

— Верно. Этой кнопкой можно щелкнуть на выходе, закрывая за собой дверь.

— И что?

— Почему Корделл нажала на эту кнопку, а цепочку не накинула? — Мур многозначительно посмотрел на детектива. — Запирая дверь на ночь, люди делают это одновременно. Они нажимают кнопку замка и накидывают цепочку. Она же не сделала второго шага.

— Может, просто забыла.

— В Саванне уже были убиты три женщины. Она была достаточно бдительной, раз держала под кроватью пистолет. Не думаю, чтобы она забыла про цепочку. — Он продолжал смотреть на Сингера. — Может быть, кто-то все-таки вышел из этой двери.

— В доме их было только двое. Корделл и Капра.

Мур задумался, стоит ли говорить то, что он хотел сказать. Выиграет ли он или, наоборот, проиграет от своей прямолинейности? Но Сингер уже догадался, к чему клонит Мур.

— Вы хотите сказать, что у Капры был партнер?

— Да.

— Пожалуй, это чересчур громкое заявление, если основываться на одной лишь цепочке.

Мур собрался с духом.

— Это еще не все. В ночь нападения Кэтрин Корделл слышала и другой голос в своем доме. Голос мужчины, который разговаривал с Капррой.

— Она мне об этом не говорила, — опешил Сингер.

— Это выяснилось в ходе сеанса судебно-медицинского гипноза.

Детектив расхохотался.

— Вы случайно не приглашали экстрасенса, чтобы подкрепить свою версию? Вот тогда бы я непременно поверил.

— Это объясняет, почему Хирург в точности владеет техникой Капры. Эти двое — партнеры. И сейчас Хирург занят мстью, отслеживая единственную уцелевшую жертву.

— В мире полно других женщин. Зачем ему именно она?

— Чтобы довести дело до конца.

— Что ж, у меня есть версия получше. — Сингер поднялся. — Корделл забыла накинуть цепочку на кухонной двери. Ваш бостонский убийца копирует то, что прочитал в газетах. А гипнотизер просто

воспроизвел ложную память. — Покачивая головой, он направился к двери. И бросил на прощание, с сарказмом:

— Дайте мне знать, когда поймаете настоящего убийцу.

Мур не стал поддаваться эмоциям и реагировать на последнюю реплику. Он понимал, что Сингер защищает себя и свою команду, и не мог винить его за это. Сейчас его больше беспокоило то, что он уже начинал сомневаться в своей интуиции. Он проделал долгий путь в Саванну, чтобы доказать или опровергнуть версию о партнере, а у него до сих пор не было ни одного доказательства.

Он опять устался на экран и нажал кнопку воспроизведения записи.

Камера ушла из кухни в коридор. На какое-то мгновение задержалась у двери в ванную: розовые полотенца, штора для душа с рисунком из разноцветных рыбок. У Мура вспотели ладони. Он с ужасом ждал следующего кадра, но не мог оторвать взгляда от экрана. Камера отвернулась от ванной и двинулась дальше по коридору, мимо висевшей на стене акварели с розовыми пионами. Следы крови на деревянном полу уже были размазаны подошвами сначала полицейских, первыми прибывших на место преступления, а потом и суетливых медиков из скорой помощи. То, что осталось, представляло собой абстрактный рисунок в багровых тонах. Впереди показалась открытая дверь, и камера задрожала в руках оператора.

Теперь в кадре была спальня.

Мур почувствовал, что внутри у него все перевернулось, и не потому, что увиденное было зрелищем более жутким, нежели другие из его богатой практики. Нет, этот ужас ранил слишком глубоко, потому что женщина, которая здесь страдала, была не только ему знакома, но и очень дорога. Ему уже приходилось видеть снимки с места преступления, но они не передавали и доли тех ощущений, что вызывала живая картинка. Хотя Кэтрин и не было в кадре — к тому времени ее уже увезли в больницу, — свидетельства ее мучений словно кричали ему в лицо с экрана. Он увидел нейлоновый шнур, которым были связаны ее запястья и щиколотки, еще не снятый с ножек кровати. Хирургические инструменты — скальпель и ранорасширители, — оставленные на ночном столике. Потрясение было настолько сильным, что он даже отпрянул от экрана, словно отброшенный сильным ударом.

Когда наконец объектив камеры сместился в сторону, сосредоточившись на неподвижном теле Капры на полу, у него в душе ничто не дрогнуло; шок, вызванный предыдущими кадрами, поверг его в состояние ступора. Рана в брюшной полости Капры сильно кровоточила, и под трупом набралась огромная лужа крови. Вторая пуля, попавшая в глаз,

усугубила и без того смертельное ранение. Он вспомнил про пятиминутный интервал между двумя выстрелами. Кадры подтверждали это. Судя по размерам лужи на полу, Капра, еще живой, истекал кровью в течение как минимум нескольких минут.

Видеозапись подошла к концу.

Какое-то время он сидел, уставившись на погасший экран, потом, очнувшись, выключил видеомагнитофон. Он так обессилел, что не мог подняться со стула. Наконец он заставил себя встать, но только чтобы уйти из этого ненавистного помещения. Он прихватил с собой коробку с фотокопиями документов по расследованию в Атланте. Фотокопии можно было посмотреть и в другом месте.

Вернувшись в отель, Мур принял душ и пообедал в номере, заказав гамбургер с жареным картофелем. Позволил себе для разрядки часок поваляться перед телевизором. Но все это время щелкал кнопками, перепрыгивая с канала на канал, только чтобы занять свои руки, которые так и тянулись к телефону. Просмотр видеокассеты вновь вернул его к мыслям о смертельной опасности, которая угрожает Кэтрин, и он не мог оставаться спокойным.

Дважды он брался за трубку и клал ее обратно. И вот наконец он опять схватил ее, и в этот раз пальцы уже не повиновались ему, а сами набирали хорошо знакомый номер. После четырех гудков у Кэтрин включился автоответчик.

Мур повесил трубку, не оставив сообщения.

Он уставился на телефонный аппарат, устыдившись того, что его решимость так быстро пошатнулась. Он ведь обещал себе твердо придерживаться своих принципов, согласился с требованием Маркетта не общаться с Кэтрин до конца расследования.

«Когда все это закончится, я как-нибудь улажу эту проблему между нами».

Мур посмотрел на пачку документов из Атланты, которую оставил на столе. Была полночь, а он еще не брался за них. Вздохнув, он открыл первую папку.

Дело Доры Чикконе, первой жертвы Эндрю Капры, нельзя было назвать увлекательным чтивом. Он уже знал его в общих чертах; основные моменты были приведены в кратком отчете Сингера. Но Мур не читал оперативных материалов из Атланты, и вот теперь ему предстояло вернуться в прошлое и изучить первый опыт Эндрю Капры. Именно здесь все и началось. В Атланте.

Он прочитал первый отчет, составленный полицией по горячим

следам, потом прошелся по протоколам опросов свидетелей. Здесь были показания соседей Чикконе и бармена из местного кабака, где ее в последний раз видели живой, и подруги, которая обнаружила тело. К делу был подшит список подозреваемых с их фотографиями; Капры среди них не было.

Двадцатидвухлетняя Дора Чикконе была студенткой магистратуры университета Эмори. В ночь смерти ее в последний раз видели живой около полуночи в баре «Ла Кантина», где она потягивала коктейль «Маргарита». Через сорок часов она была найдена мертвой у себя дома, голая, привязанная к кровати нейлоновым шнуром. У нее была перерезана шея и удалена матка.

Мур нашел итоговый отчет. Это был грубый набросок, сделанный неразборчивым почерком, как будто детектив из Атланты составлял его по памяти, лишь бы уложиться в какие-то нормативы. Уже по этим страницам было понятно, что следствие обречено на неудачу; это угадывалось даже в унылых закорючках полицейского. Мур и сам не раз испытывал это тяжелое ощущение, которое накапливалось по мере того, как проходили первые сутки после убийства, потом неделя, месяц, а дело не двигалось с мертвой точки. Вот и у детектива из Атланты тоже не было надежды на успех. Убийца Доры Чикконе так и остался неизвестным.

Он принялся изучать протокол вскрытия.

Резня, которую устроили Доре Чикконе, не имела ничего общего с молниеносными и умелыми убийствами, совершенными Капррой позднее. Внутренние края ран были неровными, словно у Капры не хватило уверенности сделать чистый надрез в нижней части живота. Он как будто колебался, и лезвие дрожало в его руке, кромсая кожу. После иссечения кожного покрова процедура больше напоминала любительское хакерство. Скальпель глубоко проник и в мочевой пузырь, и в кишечник, прежде чем был извлечен главный приз. Здесь, на первой жертве, он не применял никакого шовного материала, чтобы перевязать артерии. Кровотечение было обильным, и Капра должен был работать вслепую, поскольку все органы, служившие ему анатомическими метками, были затоплены кровью.

Только смертельный удар был нанесен с каким-то намеком на мастерство. Это была глубокая ровная рана на шее, тянувшаяся слева направо. Казалось, после того как голод был утолен и лихорадка спала, убийца смог взять себя в руки и завершить работу с холодным профессионализмом.

Мур отложил в сторону протокол вскрытия и вернулся к остаткам своего обеда, подвинув к себе поднос. Его вдруг затошнило, и он вынес

поднос за дверь. Потом вернулся к столу и раскрыл следующую папку, в которой были подшиты отчеты из криминалистической лаборатории.

Первый отчет был составлен по результатам анализа спермы: «В мазке, взятом из вагины жертвы, обнаружены сперматозоиды».

Он знал, что анализ спермы на ДНК позднее подтвердил, что сперма принадлежит Капре. До убийства Доры Чикконе он изнасиловал ее.

Мур обратился к следующему отчету, который был составлен лабораторией по исследованию волос и волокон. Анализу были подвергнуты волосы, вычесанные с лобка жертвы. Среди них обнаружили рыжеватые волосы, идентичные волосам Капры. Он пролистал страницы отчета, где приводились результаты анализа самых разных волосков, найденных на месте преступления. Большинство образцов принадлежали самой жертве — это были волосы и с головы, и с лобка. На простыне нашли и короткий светлый волос, позднее идентифицированный как не человеческий. В написанном от руки дополнении к отчету было указано: «У матери жертвы имеется собака породы золотистый ретривер. Похожие волосы были обнаружены на заднем сиденье автомобиля жертвы».

Он дошел до последней страницы отчета и замер. Это был анализ еще одного волоса, на этот раз человеческого, но не идентифицированного. Он был найден на подушке. В любом доме можно обнаружить выпавшие волосы. Ежедневно человек вычесывает из головы десятки волосков, и, независимо от того, насколько тщательно вы производите уборку и как часто пылесосите, на простынях, коврах, обивке мебели остаются микроскопические следы пребывания в вашем доме гостей. Этот единственный волос, обнаруженный на подушке, мог остаться от любовника, гостя, родственника. Но это был волос не Эндрю Капры.

«Один человеческий волос, светло-русый, АО (изгиб), длина корневого ствола 5 сантиметров. Волос в стадии телогена. Отмечен *Trichorrhexis invaginata*. Происхождение неизвестно».

Trichorrhexis invaginata. «Бамбуковый» волос.

Там был Хирург.

Мур откинулся на спинку стула, ошеломленный своим открытием. Сегодня днем он читал отчеты экспертизы по Фокс, Ворхес, Торрегроссе и Корделл. Ни на одном месте преступления не был обнаружен волос с характерным признаком *Trichorrhexis invaginata*.

Но партнер Капры все время находился рядом. Он оставался невидимым, не обнаруживая себя ни спермой, ни ДНК. Единственным доказательством его присутствия на месте преступления был этот волосок и еще его голос, похороненный в памяти Кэтрин.

«Их братство родилось в самом первом убийстве. В Атланте».

Глава 20

У Питера Фалко руки были по локоть в крови. Он поднял взгляд, когда в операционную ворвалась Кэтрин. Как бы напряженно ни складывались их отношения в последнее время, как бы ни тяготило ее общение с ним, все это разом улетучилось. Сейчас они были профессионалами, сообща исполнявшими свой врачебный долг.

— Там еще один на подходе! — крикнул Питер. — Итого четверо. Последнего до сих пор вырезают из машины.

Из разреза хлынула кровь. Он схватил с лотка тампон и засунул его в открытую брюшную полость.

— Я помогу, — сказала Кэтрин и надорвала стерильную упаковку халата.

— Нет, с этим я справлюсь. Ты нужна Кимбаллу во второй операционной.

И словно в подтверждение его слов за окнами раздался вой сирены кареты скорой помощи.

— Этот будет твой, — произнес Фалко. — Дерзай.

Кэтрин выбежала к погрузочной платформе встречать носилки с пациентом. Там уже стояли доктор Кимбалл и две медсестры, ожидая, пока воющая машина припаркуется к платформе. Кимбалл еще не успел открыть дверь кареты, откуда уже слышались крики пострадавшего.

Это был молодой человек, руки и плечи которого были сплошь покрыты татуировкой. Он грязно ругался, пока его на носилках вывозили из машины. Кэтрин взглянула на пропитанную кровью простыню, накрывавшую нижнюю часть его туловища, и сразу поняла, почему он так кричит.

— Мы закачали в него тонну морфия на месте, — сообщил врач скорой помощи, пока они везли его во вторую операционную. — Но его, похоже, ничего не берет!

— Сколько? — спросила Кэтрин.

— Внутривенно сорок — сорок пять миллиграммов. Мы остановились, когда у него стало резко падать давление.

— Перекладываем по моей команде! — крикнула медсестра. — Раз, два, три!

— Иисус проклятый ХРИСТОС! БОЛЬНО ЖЕ! — во всю мощь заорал пострадавший.

— Я знаю, миленький. Я знаю, — залепетала медсестра.
— НИ ЧЕРТА ты не знаешь!
— Через минуту тебе станет легче. Как тебя зовут, сынок?
— Рик... О, Боже, моя нога...
— Рик... как дальше?
— Роланд!
— Есть на что-нибудь аллергия, Рик? — наклоняясь к пациенту, спросила сестра.
— Да что же это за КОЗЛЫ ЗДЕСЬ СОБРАЛИСЬ!
— Что с показаниями? — вмешалась в их диалог Кэтрин, натягивая перчатки.
— Давление сто два на шестьдесят. Пульс сто тридцать.
— Десять миллиграммов морфия внутривенно, срочно, — сказал Кимбалл.
— КОЗЕЛ! ДАЙ МНЕ СТО!
Пока медсестры суетились, подвешивая емкости с внутривенными растворами и забирая кровь на анализ, Кэтрин откинула окровавленную простыню, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела резиновый жгут, наложенный врачами скорой помощи на конечность, в которой с трудом можно было распознать ногу.
— Дайте ему тридцать, — скомандовала она.
Нижняя часть правой ноги крепилась на тонких лоскутках кожи. Все остальное представляло собой кровавое месиво, а ступня вообще была развернута назад.
Она потрогала пальцы ноги и почувствовала, что они холодные; судя по всему, кровь сюда уже давно не поступала.
— Они сказали, что кровь хлестала из артерии, — пояснил врач «скорой». — Полицейский, первым прибывший на место происшествия, наложил жгут.
— Этот полицейский спас ему жизнь.
— Морфий введен!
Кэтрин направила лампу на рану.
— Похоже, повреждены и подколенный нерв, и артерия. Нога осталась без сосудов. — Она посмотрела на Кимбалла, и они оба поняли, что им предстоит.
— Везем его в операционную, — сказала Кэтрин. — Он достаточно стабилен, чтобы его можно было транспортировать. А здесь место освободится.
— Как раз вовремя, — заметил Кимбалл, поскольку к больнице

приближалась еще одна воющая карета скорой помощи. Он повернулся, чтобы выйти встречать очередного пациента.

— Эй. Постой! — Парень схватил Кимбалла за руку. — Ты что, не доктор? Болит же, черт возьми! Скажи этим сукам, чтобы сделали что-нибудь!

Кимбалл искоса взглянул на Кэтрин. И сказал:

— Будь с ними повежливей, приятель. Эти суки здесь главные.

Ампутация всегда была тяжелым выбором для Кэтрин. Если бы ногу можно было спасти, она бы сделала все от нее зависящее. Но, когда спустя полчаса она встала за операционный стол со скальпелем в руке и еще раз посмотрела на остатки правой ноги пациента, выбор стал очевиден. Голень представляла собой сплошное месиво, а большая и малая берцовые кости были раскрошены. Судя по уцелевшей левой ноге, правая была когда-то мускулистой и правильно сформированной, к тому же с хорошим загаром. Ступня — как ни странно, практически не поврежденная, несмотря на ужасающий угол разворота, — сохранила следы от сандалий, а между пальцами остался песок. Ей не нравился этот пациент, его грубые ругательства и оскорбления, которыми он осыпал и ее, и медсестер, но, вонзая скальпель в его плоть, вырезая кожный лоскут и зачищая острые концы поврежденных берцовых костей, она испытывала жалость и грусть.

Операционная медсестра убрала со стола ампутированную ногу и обернула ее простыней. Нога, еще недавно ощущавшая тепло песка на пляже, должна была стать пеплом после кремации вместе с другими органами и конечностями, принесенными в жертву ради спасения жизни.

Операция вызвала у Кэтрин ощущение депрессии и опустошенности. Когда она, сняв с себя халат и перчатки, вышла наконец из операционной, меньше всего ей хотелось увидеть поджидавшую ее Джейн Риццоли.

Она подошла к умывальнику, чтобы смыть с рук запах талька и латекса.

— Уже полночь, детектив. Вы вообще когда-нибудь спите?

— Наверное, так же, как и вы, — усмехнулась Риццоли. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Я думала, вы больше не занимаетесь этим делом.

— Я никогда его не брошу. Кто бы там что ни говорил.

Кэтрин вытерла руки и повернулась к Риццоли.

— Вы мне не слишком симпатизируете, не так ли?

— Нравитесь вы мне или нет, это сейчас неважно.

— Может, я что-то не так сказала? Или сделала?

— Послушайте, вы здесь уже закончили на сегодня?

— Вы недолюбливаете меня из-за Мура, я угадала?

Риццоли заметно посуровела.

— Личная жизнь Мура меня не касается.

— Но вы ведь не одобряете его выбор.

— Он никогда не спрашивал моего мнения.

— Ваше мнение написано у вас на лице.

Риццоли посмотрела на нее с нескрываемой неприязнью.

— Когда-то я восхищалась Муром. Я думала, он настоящий. Полицейский, который никогда не переходит грань. А выходит, он ничуть не лучше других. Но я никак не могу поверить, что все это с ним произошло из-за женщины.

Кэтрин сняла с головы шапочку и бросила ее в корзину.

— Он понимает, что совершил ошибку, — сказала она и вышла из операционного отделения в коридор.

Риццоли последовала за ней.

— С каких это пор?

— С тех пор как уехал, не сказав ни слова. Я так думаю, что была для него просто временным отступлением от принципов.

— А может, это он был для вас отступлением от принципов?

Кэтрин стояла в коридоре, с трудом сдерживая слезы.

«Я не знаю. Я не знаю, что и думать».

— Вы, похоже, оказались в центре вселенной, доктор Корделл. К вам приковано все внимание. И Мура. И Хирурга.

Кэтрин гневно уставилась на Риццоли.

— Вы думаете, мне все это нужно? Я никогда не напрашивалась на роль жертвы!

— Но все равно так получается, верно? Существует какая-то странная связь между вами и Хирургом. Я поначалу не разглядела ее. Мне казалось, он убивал предыдущих жертв, воплощая свои больные фантазии. А теперь я уверена, что все это из-за вас. Он как кот, который убивает птичек и несет их к ногам хозяйки, чтобы продемонстрировать свой талант охотника. Те жертвы были дарами, которые должны были произвести впечатление на вас. Вот почему он убил Нину Пейтон не сразу, а только когда она оказалась в этой больнице под вашей опекой. Прежде всего он хотел, чтобы вы оценили его мастерство. Вы — его навязчивая идея. И я хочу знать, почему.

— Но на этот вопрос может ответить только он один.

— А у вас нет никаких соображений?

— Откуда? Я даже не знаю, кто он.

— Он был в вашем доме вместе с Эндрю Капрой. Если только под

гипнозом вы сказали правду.

— В ту ночь я видела только Эндрю. И он единственный... — Она остановилась. — Может быть, не я его навязчивая идея, детектив. Вы об этом не думали? Может, это Эндрю?

Риццоли нахмурилась, озадаченная таким заявлением. Кэтрин вдруг поняла, что попала в точку. Центром вселенной для Хирурга была вовсе не она, а Эндрю Капра. Олицетворение божества, учитель, которому он подражал и которого, возможно, стремился превзойти. Он был для него братом по крови, а Кэтрин его уничтожила.

Она подняла взгляд на табло, где высветился вызов, адресованный ей: «Доктор Корделл, в операционную. Доктор Корделл, в операционную».

«Господи, оставят меня когда-нибудь в покое?»

Она вызвала лифт.

— Доктор Корделл!

— Мне некогда отвечать на ваши вопросы. Меня ждут пациенты.

— Когда у вас будет время?

Двери лифта распахнулись, и Кэтрин зашла в кабину — усталый солдат, возвращающийся на передовую.

— Мое дежурство только начинается.

* * *

Я узнаю их по крови.

Я смотрю на ряды пробирок, как смотрят на конфеты в коробке, гадая, какая вкуснее. Наша кровь так же уникальна, как мы сами, а мой наметанный глаз распознает самые разнообразные оттенки красного — от ярко-пурпурного до темно-вишневого. Я знаю, что придает крови цвет — гемоглобин с разной степенью насыщения кислородом. Это всего лишь химия и не более того; правда, такая химия может вызвать шок, навести ужас. Никто не может остаться равнодушным к виду крови.

Хотя я и вижу ее каждый день, она не перестает возбуждать меня.

Я смотрю на пробирки жадным взором. Они собрались здесь со всего Бостона и его окрестностей, их присылают из врачебных кабинетов и клиник, доставляют из больницы, что находится за соседней дверью. У нас самая большая диагностическая лаборатория в городе. Где бы вы ни оказались в Бостоне, стоит вам только протянуть руку к игле процедурной сестры, знайте, что ваша кровь найдет дорогу сюда. Ко мне.

Я придвигаю к себе первый ряд пробирок. На каждой значится имя пациента, имя врача, дата. Рядом — стопка лабораторных предписаний. Я тянусь к ним, начинаю листать, изучая имена.

Дойдя до середины, я останавливаюсь. Передо мной предписание для пациентки Карен Соубел, двадцати пяти лет, которая проживает по адресу 7536 Клар-роуд в Бруклине. Белая, не замужем. Все это я узнаю из ее лабораторной формы, где, кстати, указаны и номер ее полиса социального страхования, и место работы, и страховая компания.

Врач запросил два анализа крови: на ВИЧ-инфекцию и сифилис.

В графе диагноза значится: «Сексуальное насилие».

В ряду пробирок я нахожу ту, что содержит кровь Карен Соубел. Она густая и темно-красная, словно кровь раненого животного. Я держу ее в руках и ощущаю тепло; я вижу ее, чувствую эту женщину по имени Карен. Растоптанную и перепуганную. Ожидающую своего часа.

Вдруг я слышу голос и с изумлением поднимаю голову.

В лабораторию только что зашла Кэтрин Корделл.

Она стоит так близко, что я могу протянуть руку и дотронуться до нее. Я удивлен ее появлением здесь, тем более в такой час — между темнотой и рассветом. Редко кто из врачей заходит в наш полуподвальный мир, и ее появление повергает меня в состояние крайнего возбуждения. Увидеть ее здесь — все равно что увидеть Персефону в подземном царстве Аида.

Мне интересно, что привело ее сюда. Но вот я вижу в ее руке несколько пробирок с золотистой жидкостью, которые она протягивает лаборанту за соседним столом со словами: «Плевральное излияние» — и понимаю, почему она снизошла до нас. Как и многие врачи она не доверяет особо ценные образцы курьерам и лично относит пробирки в здание лаборатории «Интерпат», соединенное туннелем с клиникой «Пилгрим».

Я вижу, как она уходит. Она идет мимо моего стола. Плечи ее поникли, и она еле плетется, словно пробирается сквозь топь. Усталость и флуоресцирующий свет придают ее коже нездоровую бледность. Она исчезает за дверью, так и не узнав, что все это время я наблюдал за ней.

Я снова смотрю на пробирку с кровью Карен Соубел, которую все еще держу в руках, и замечаю, что она стала унылой и безжизненной. Добыча, недостойная охотника. Тем более в сравнении с той, что только что прошла мимо.

Я до сих пор ощущаю запах Кэтрин.

Я захожу в компьютер и набираю имя врача: «К. Корделл». На экране появляется список всех лабораторных анализов, которые она заказала в

течение последних суток. Я вижу, что она находится в больнице с десяти вечера. Сейчас половина шестого утра, пятница. Ей предстоит работать еще целый день.

А мой рабочий день близится к концу.

Когда я выхожу из здания, на часах уже семь утра, и солнце брызжет мне в глаза. С утра уже жарко. Я иду к подземному паркингу, спускаюсь на лифте на пятый уровень и бреду вдоль рядов машин к месту номер 541, где стоит ее автомобиль. Это лимонно-желтый «Мерседес», модель нынешнего года. Она содержит его в идеальной чистоте.

Я достаю из кармана брелок с ключами, который храню вот уже две недели, и вставляю один из ключей в замок багажника.

Крышка багажника открывается.

Я заглядываю внутрь и замечаю рычаг открывания изнутри — великолепная мера предосторожности для маленьких детей, которые могут случайно залезть в багажник.

По пандусу ползет чья-то машина. Я быстро закрываю багажник «Мерседеса» и ухожу.

Десять кровавых лет шла Троянская война. Девственная кровь Ифигении, пролившаяся на алтарь в Авлиде, помогла греческим судам выйти в море и двинуться на Трою, но их ожидала нескорая победа, ибо боги на Олимпе разделились. На стороне Трои оказались Афродита и Арес, Аполлон и Артемида. На стороне греков стояли Гера, Афина и Посейдон. Победа улыбалась то одной стороне, то другой, как меняет свое направление ветер. Герои убивали героев, погибали сами, и, как говорит поэт Вергилий, земля была залита потоками крови.

В конце концов не сила, а хитрость поставила Трою на колени. На рассвете последнего дня осады ее воины пробудились от вида огромного деревянного коня, оказавшегося у ворот города.

Когда я думаю о Троянском коне, меня всегда поражает тупость троянских воинов. Неужели, вкатывая этого бегемота в город, они не могли додуматься до того, что там прячется вражеское войско? Зачем вообще они затащили его за ворота? Зачем всю ночь пировали, преждевременно празднуя победу? Мне нравится думать, что я бы никогда не допустил подобной глупости.

Возможно, это неприступные стены Трои ввергли их в состояние самоуспокоенности. Раз ворота закрыты, а баррикады надежны, как может прорваться враг? Он стоит там, за стенами.

И никому не приходит в голову, что враг, возможно, уже внутри. Совсем рядом.

*Я размышляю о деревянном коне, размешивая сахар и сливки в кофе.
Потом берусь за телефон.*

— Отделение хирургии, Хелен, — отвечает секретарь.

— Могу я сегодня днем прийти на прием к доктору Корделл? — спрашиваю я.

— У вас экстренный случай?

— Не совсем. У меня какая-то мягкая шишка на спине. Она не болит, но я бы хотел, чтобы врач посмотрела.

— Я могу записать вас на прием через две недели.

— А сегодня днем никак нельзя? Я могу прийти в самом конце приема.

— Мне очень жаль, господин... как ваше имя?

— Трой.

— Господин Трой, у доктора Корделл все расписано до пяти вечера, а потом она сразу поедет домой. Через две недели — это все, что я могу вам предложить.

— Что ж, не беспокойтесь. Я обращусь к другому врачу.

Я повесил трубку. Теперь я знаю, что вскоре после пяти она выйдет из больницы. Она будет усталой и наверняка поедет прямо домой.

Сейчас девять утра. Для меня сегодня день ожидания, предвкушения.

Десять кровавых лет греки осаждали Трою. Десять лет они упорствовали, бросались на стены врага, и удача то улыбалась им, то отворачивалась по воле богов.

Я ждал всего два года, чтобы получить свой приз.

Достаточно долгий срок.

Глава 21

Секретарь по работе со студентами медицинского факультета университета Эмори внешне была вылитая Дорис Дей — яркая блондинка, с возрастом превратившаяся в знойную южную матрону. В кабинете Уинни Блисс рядом со шкафчиком для студенческой почты уютно расположились и кофейник, и хрустальная вазочка с домашним печеньем — Мур вполне мог себе представить, как измученный учебной студент-медик приходит сюда за утешением. Уинни проработала на этой должности двадцать лет и, поскольку своих детей у нее не было, отдавала всю свою нерастраченную материнскую любовь студентам, которые каждый день являлись в ее кабинет за почтой. Она кормила их печеньем, помогала подыскать комнату, давала советы в делах сердечных и утешала в случае провала на экзаменах. И каждый год в день выпуска она проливала слезы по ста десяти деткам, покидавшим ее навсегда. Все это она рассказывала Муру своим бархатным южным голосом, угощая печеньем и кофе, и он охотно ей верил. Уинни Блисс была на редкость мягкой и заботливой.

— Я поначалу не поверила, когда мне позвонили из полиции Саванны два года назад, — сообщила она, грациозно опустившись в кресло. — Я сказала им, что это, должно быть, ошибка. Я видела Эндрю каждый день, он приходил сюда, ко мне, за почтой, и это был самый что ни на есть приятный молодой человек. Вежливый, никогда от него слова грубого не услышишь. Знаете, детектив, я привыкла смотреть людям в глаза, просто чтобы дать понять, что я их вижу. В глазах Эндрю я видела хорошего мальчика.

«Лишнее свидетельство того, как легко нас обмануть», — подумал Мур.

— За те четыре года, что Капра учился здесь, вы не припоминаете, были ли у него близкие друзья? — спросил Мур.

— Вы имеете в виду возлюбленных?

— Меня больше интересуют его друзья-мужчины. Я говорил с его прежней домохозяйкой здесь, в Атланте. Она сказала, что к нему иногда заходил молодой человек. Она думала, что он тоже студент-медик.

Встав из-за стола, Уинни подошла к шкафу с документами и достала оттуда компьютерную распечатку.

— Вот список курса, на котором учился Эндрю. Всего сто десять студентов, из них половина — мужчины.

— У него были близкие друзья среди них?

Она бегло просмотрела три страницы списка и покачала головой.

— Мне очень жаль. Я просто не могу вспомнить никого, с кем он был особенно близок.

— Вы хотите сказать, что у него вообще не было друзей?

— Нет, я просто не знаю никого из его друзей.

— Могу я посмотреть список?

Она протянула ему распечатку. Мур просмотрел первую страницу, но, кроме имени Капры, ни одно из имен ему не было знакомо.

— А вы знаете, где сейчас живут все эти студенты?

— Да. Я обновляю их почтовые адреса для рассылки бюллетеня выпускника.

— Кто-нибудь из них проживает в Бостоне или его окрестностях?

— Дайте-ка мне проверить. — Она повернулась к компьютеру, и ее пальчики с розовым маникюром весело забегали по клавиатуре. Наивная Уинни Блисс казалась женщиной из другой эпохи, и ему было странно видеть, как она ловко работает с компьютерными файлами. — Вот, есть в Ньютоне, Массачусетс. Это недалеко от Бостона?

— Да. — Мур придвинулся ближе к монитору, чувствуя нарастающее волнение. — Как его зовут?

— Это не он, а она. Латиша Грин. Чудесная девочка. Она всегда приносила мне огромные пакеты с печеньем. Конечно, это было нечестно с ее стороны, поскольку она знала, что я блюду фигуру, но мне кажется, ей просто нравилось кормить людей. Такая уж натура.

— Она была замужем? Был ли у нее бойфренд?

— О, у нее потрясающий муж! Я таких великанов больше никогда не встречала! Ростом под два метра и с такой красивой черной кожей.

— Черной... — повторил он.

— Да. Такая, знаете, шелковистая...

Мур вздохнул и вновь обратился к списку.

— И вам неизвестен больше никто из однокурсников Капры, кто жил бы поблизости от Бостона?

— Нет, если смотреть по моему списку. — Уинни повернулась к нему. — О, похоже, вы разочарованы. — Она произнесла это с такой печалью в голосе, как будто лично была виновата в его неудаче.

— Мне сегодня выпадают одни нули, — признался он.

— Съешьте конфетку.

— Нет, спасибо.

— Тоже блудете фигуру? — Она лукаво посмотрела на него.

— Я не сладкоежка.

— Тогда вы точно не южанин, детектив.

Он не мог удержаться от смеха. Уинни Блисс с ее широко распахнутыми глазами и мягким голосом просто очаровала его, как наверняка очаровывала всех студентов — и юношей, и девушек, — которые заходили к ней в кабинет. Его взгляд скользнул по стене за ее столом, на которой были развешаны групповые фотографии выпускников.

— Это студенты медицинского факультета?

Она обернулась и посмотрела на стену.

— Я вменяю в обязанность своему мужу делать фотографии выпускников. Это непросто, собрать их вместе. Как любит говорить мой муж, студенты — как кошки, которые гуляют сами по себе. Но мне хочется иметь такие фотографии, и я заставляю их всех собираться. Разве они не милые?

— А где курс Эндрю?

— Я покажу вам альбом. Там и имена указаны. — Уинни встала и подошла к книжному шкафу со стеклянными дверцами. С благоговением она взяла с полки тонкую папку и провела ладонью по обложке, словно смахивая пыль. — Это выпускной курс Эндрю. Здесь фотографии его сокурсников, и здесь же вы найдете названия клиник, где они проходили интернатуру. — Она на мгновение заколебалась, потом протянула ему альбом. — Это мой единственный экземпляр. Поэтому не могли бы вы посмотреть его здесь, не вынося отсюда?

— Я устроюсь вон в том углу, чтобы вам не мешать. И все время буду в поле вашего зрения. Договорились?

— О, я вовсе не потому, что не доверяю вам!

— А зря, — произнес он и подмигнул ей. Она зарделась словно школьница.

Он устроился с альбомом в углу в зоне отдыха, возле кофейника и вазы с печеньем. Плюхнувшись в потертое кресло, Мур раскрыл памятный выпускной альбом медицинского факультета Эмори. Пробыл полдень, и вереница студентов-первокурсников в белых халатах потянулась в кабинет проверить поступившую почту. Когда же из этих детей вырастают доктора? Он вряд ли доверил бы свое стареющее тело этим юнцам. Он замечал их любопытные взгляды, слышал шепот Уинни Блисс: «Это детектив по расследованию убийств, из Бостона. Да-да, этот неприметный господин в углу».

Мур плотнее вжался в кресло и сосредоточился на фотографиях. Рядом с каждой значились фамилия студента, его родной город и название

интернатуры, куда он был приглашен. Дойдя до фотографии Капры, он замер. Капра смотрел прямо в объектив — улыбающийся молодой человек с честным и открытым взглядом. Это и повергало Мура в дрожь: хищники бродили среди добычи, не вызывая подозрений.

Рядом с фотографией Капры значилось название программы его стажировки. Хирургия, медицинский центр «Риверлэнд», Саванна, Джорджия.

Ему стало интересно, кто из его однокурсников был направлен на работу в Саванну, кто еще проживал в этом городе в то время, когда Капра вел охоту на женщин. Он пролистал страницы альбома, вглядываясь в названия клиник, и обнаружил, что еще трое студентов-медиков стажировались в пригородах Саванны. Двое из них были женщины, третий — мужчина-азиат.

Еще один тупик.

Опустошенный, он откинулся на спинку кресла. Альбом раскрылся у него на коленях, и он увидел фотографию декана медицинского факультета, улыбающегося в объектив. Под снимком было напечатано его напутствие выпускникам: «Исцелить мир».

«Сегодня 108 замечательных молодых людей дают священную клятву, завершая свое долгое и трудное путешествие в мир знаний... Этой клятве врач, целитель остается верным всю свою жизнь...»

Мур выпрямился в кресле и начал снова перечитывать послание декана.

«Сегодня 108 замечательных молодых людей...»

Он поднялся и подошел к столу Уинни.

— Госпожа Блисс!

— Да, детектив? — тут же откликнулась она.

— Вы сказали, что на первом курсе Эндрю было сто десять студентов.

— Мы принимаем каждый год по сто десять человек.

— А вот декан в своей речи упоминает только о ста восьми выпускниках. Что случилось с остальными двумя?

Уинни печально покачала головой.

— Я до сих пор не могу забыть, что случилось с той бедной девочкой.

— Что за девочка?

— Лора Хатчинсон. Она работала в клинике на Гаити. Это один из наших факультативных курсов. Я слышала, что дороги там, мягко говоря, ужасные. Так вот, грузовик вылетел в кювет и перевернулся.

— Выходит, это был несчастный случай...

— Она сидела на заднем сиденье. Ее не могли эвакуировать в течение

десяти часов.

— А еще один студент? — спросил Мур. — Был еще один, который не дошел до последнего курса.

Уинни опустила глаза, и он догадался, что ей не очень-то хочется говорить на эту тему.

— Госпожа Блисс!

— Такое бывает довольно часто, — неохотно проговорила она. — Студент вылетает из института. Мы пытаемся помочь ему наверстать программу, но, понимаете, некоторые на самом деле плохо усваивают материал.

— Так этот студент... как его имя?

— Уоррен Хойт.

— Он бросил учебу?

— Да, можно и так сказать.

— У него были какие-то проблемы?

— Ну... — Она огляделась по сторонам, словно пытаясь найти того, кто мог бы прийти ей на помощь, но рядом никого не было. — Наверное, вам лучше поговорить с одним из его преподавателей, доктором Каном. Он сможет ответить на все ваши вопросы.

— А вы не можете?

— Здесь скорее... личные мотивы. Доктор Кан вам все расскажет.

Мур взглянул на часы. Он рассчитывал сегодня вечером вылететь обратно в Саванну, но, видимо, предстояло задержаться.

— Где можно найти доктора Кана? — спросил он.

— В анатомичке.

Еще из коридора он уловил запах формалина. Мур остановился перед дверью с табличкой АНАТОМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ, собираясь с духом. Хотя ему и казалось, что он готов к предстоящему испытанию, зайдя в лабораторию, Мур опешил от увиденного. Все пространство занимали двадцать восемь столов, расставленных в четыре ряда. На столах лежали трупы в разных стадиях разложения. В отличие от трупов, которые Мур привык видеть в лаборатории судебно-медицинской патологии, эти выглядели искусственными. Кожа была натянута словно винил, забальзамированные сосуды окрашены в ярко-голубой или красный цвет. Сегодня студенты занимались головой, отделяя лицевые мышцы. С каждым трупом работало четверо студентов, и в лаборатории стоял гул голосов, зачитывающих вслух тексты из учебников, задающих вопросы, предлагающих советы. Если бы не отвратительные экспонаты на столах, студентов вполне можно было бы принять за заводских рабочих,

колдующих над механическими узлами.

Молоденькая девушка с любопытством взглянула на Мура — незнакомца в строгом костюме, который забрел в святая святых.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросила она, нависая со скальпелем над щекой трупа.

— Доктора Кана.

— Он в другом конце комнаты. Видите того крупного мужчину с белой бородой?

— Да, вижу, спасибо. — Он двинулся между рядов, невольно заглядываясь на каждый труп, мимо которого проходил. На женщину с костлявыми конечностями. На чернокожего мужчину с обнаженными крупными мышцами бедра. В конце зала группа студентов внимательно слушала верзилу а-ля Санта-Клаус, который демонстрировал ткани лицевого нерва.

— Доктор Кан? — произнес Мур.

Мужчина оторвал взгляд от трупа, и от Санта-Клауса не осталось и следа. У профессора были темные глубокие глаза без тени юмора.

— Да?

— Я — детектив Мур. Меня направила к вам госпожа Блосс.

Кан выпрямился, и неожиданно Мур оказался перед человеком-горой. В его огромной руке скальпель казался неуместной хрупкой вещицей. Он отложил инструмент и сорвал с рук перчатки. Когда он отвернулся к умывальнику, Мур увидел, что белые волосы Кана схвачены в конский хвост.

— Ну, и зачем я вам понадобился? — спросил Кан, протянув руку за бумажным полотенцем.

— У меня есть несколько вопросов, касающихся одного студента-первокурсника, который учился у вас семь лет назад, Уоррена Хойта.

Хотя Кан стоял к нему спиной, Мур видел, как застыла над раковиной массивная рука профессора. Наконец Кан оторвал полотенце и молча вытер руки.

— Вы его помните? — спросил Мур.

— Да.

— Хорошо помните?

— Он был запоминающимся студентом.

— Не хотите рассказать поподробнее?

— Не так чтобы очень. — Кан скомкал бумажное полотенце и швырнул в мусорную корзину.

— Речь идет об уголовном расследовании, доктор Кан.

Несколько студентов уставились на них во все глаза. Слово «уголовное» явно привлекло их внимание.

— Пройдемте в мой кабинет, — сказал профессор.

Мур последовал за ним в соседнюю комнату. Сквозь стеклянную перегородку хорошо просматривалась лаборатория с ее двадцатью восемью столами. Целая деревня трупов.

Кан закрыл дверь и повернулся к нему.

— Почему вас интересует Хойт? Он что-то натворил?

— Ничего, насколько нам известно. Мне просто нужно знать о его взаимоотношениях с Эндрю Капрой.

— Эндрю Капра? — фыркнул Кан. — Наш самый знаменитый выпускник. Теперь медицинские институты будут особенно популярны. Как же, учат психопатов правильно кромсать тела.

— Вы считали Капру сумасшедшим?

— Я не уверен в том, что существует психиатрический диагноз для таких людей, как Капра.

— Хорошо, спрошу иначе: какое у вас о нем было мнение?

— Я не замечал никаких отклонений. Эндрю казался мне совершенно нормальным.

Такое описание каждый раз повергало Мура в состояние особой тревоги.

— А Уоррен Хойт?

— Почему вы спрашиваете про Уоррена?

— Мне нужно знать, были ли они с Капрой друзьями.

Кан задумался.

— Не знаю. Я не могу сказать, что делается за стенами этой лаборатории. Меня интересует только то, что происходит здесь. Студенты пытаются впихнуть в свои и без того перегруженные мозги такой объем информации, что не всем удается справиться со стрессом.

— Именно это и произошло с Уорреном Хойтом? Поэтому он бросил учебу?

Кан повернулся к стеклянной перегородке и уставился на анатомическую лабораторию.

— Вы никогда не задумывались, откуда берутся трупы?

— Простите?

— Откуда они появляются в медицинских институтах? Как получается, что они оказываются на этих столах, со вспоротыми животами?

— Я полагаю, некоторые люди завещают свои тела медицинским школам.

— Совершенно верно. Каждый из этих трупов когда-то был человеком, принявшим в высшей степени благородное решение. Они завещали нам свои тела. Вместо того чтобы гнить в каком-нибудь гробу из палисандрового дерева, они решили посвятить свои останки полезному делу. На них учатся новые поколения целителей. Без настоящих трупов это было бы невозможно. Студентам необходимо видеть человеческое тело в трех измерениях, во всех вариациях. Им необходимо исследовать со скальпелем в руке ответвления сонной артерии, лицевые мышцы. Да, чему-то можно научиться и на компьютере, но это совсем не то, что самому надрезать кожу. Извлечь тончайший нерв. Для таких операций необходимо настоящее человеческое тело. Нужны люди, обладающие щедрой душой и благородством, готовые подарить самое дорогое, что у них есть, — свои тела. Я считаю, что люди, чьи трупы лежат на этих столах, уникальны. Я глубоко уважаю их и прививаю такое же отношение своим студентам. В этой комнате не хихикают и не отпускают скабрёзные шутки. Ребята с благоговением и почтением относятся к мертвым телам. Когда анатомирование заканчивается, останки кремируются с соблюдением положенного ритуала. — Профессор обернулся и посмотрел на Мура. — Так заведено в моей лаборатории.

— А какое это имеет отношение к Уоррену Хойту? — спросил Мур.

— Самое прямое.

— Он поэтому ушел из института?

— Да. — Он снова отвернулся к окну.

Мур стоял, уставившись в широкую спину профессора, ожидая, пока тот найдет нужные слова.

— Препарирование трупа — длительный процесс, — продолжил Кан. — Не все студенты справляются с заданиями в срок, предусмотренный расписанием. Некоторым нужно дополнительное время, чтобы усвоить сложный материал по анатомии человека. Поэтому я разрешаю им приходить в лабораторию в любое время. У каждого из них есть ключ от этого здания, так что они могут работать здесь даже ночью. Некоторые так и делают.

— И Уоррен приходил?

Последовала пауза.

— Да.

Жуткое подозрение шевельнулось в голове Мура.

Кан подошел к шкафу с документами, выдвинул ящик и принялся рыться в ворохе бумаг.

— Это было воскресенье. Я уезжал на уик-энд из города и

намеревался вернуться в тот же вечер, чтобы подготовить образец для занятий в понедельник. Знаете, эти дети такие неряхи. Некоторые кромсают трупы так, что работать с ними дальше невозможно. Поэтому я всегда готовлю один хороший экспонат, чтобы продемонстрировать им анатомию тех или иных органов. Мы как раз изучали репродуктивную систему человека, и студенты начали препарировать эти органы. Помню, было поздно, когда я приехал в кампус, наверное, за полночь. Я увидел свет в окнах лаборатории и подумал, что какой-то чересчур усердный студент решил обойти сокурсников. Я зашел в здание. Прошел по коридору. Открыл дверь.

— И там был Уоррен Хойт, — догадался Мур.

— Да. — Кан наконец нашел то, что искал в ящике. Он вытащил папку и повернулся к Муру. — Когда я увидел, чем он занимается, я... я был вне себя. Я схватил его за рубашку и швырнул прямо на умывальник. Я не церемонился, признаюсь, но я был настолько зол, что не мог сдерживаться. Мне до сих пор не по себе, когда подумаю об этом. — Он сделал глубокий вдох, но даже сейчас, спустя семь лет, ему было трудно успокоиться. — Закончив орать на него, я приволок его сюда, в этот кабинет. Усадил за стол и заставил написать заявление, что с восьми утра следующего дня он уходит из института. Я не стал требовать от него объяснений, но он должен был уйти, иначе я грозился написать докладную о том, чему стал свидетелем. Разумеется, он согласился. У него просто не было выбора. Да и не могу сказать, чтобы он очень расстроился. Вот это меня больше всего поражало в нем — ему все было нипочем. Он ко всему подходил спокойно и рационально. Таков был Уоррен. Очень рационалистичный. Никогда не переживал. Он был словно... — Кан сделал паузу. — ...словно робот.

— А что вы увидели? Что он делал в лаборатории?

Кан протянул Муру папку.

— Здесь все написано. Я хранил эти записи на случай возможного судебного иска со стороны Уоррена. Знаете, сегодня студенты могут запросто подать на вас в суд за что угодно. Если бы когда-нибудь Уоррен попытался восстановиться в институте, я бы дал ход этим документам.

Мур взял папку. Она была подписана просто: «Уоррен Хойт». Внутри были три страницы машинописного текста.

— Группа Уоррена была прикреплена к трупу женщины, — сказал Кан. — Они начали препарирование малого таза, чтобы рассмотреть мочевой пузырь и матку. Органы не подлежали извлечению, их просто нужно было обнажить. В тот воскресный вечер Уоррен пришел в лабораторию, чтобы завершить работу. Но то, что должно было называться

бережным препарированием, превратилось в зверское расчленение. Как будто, взяв в руки скальпель, он полностью потерял контроль над собой. Хойт не просто обнажил органы. Он варварски вырезал их из тела. Сначала он отрубил мочевой пузырь и положил его между ног трупа. Потом вырезал матку. Все это он проделал, даже не надевая перчаток, как будто хотел пощупать органы своими руками. В этот момент я и застал его. В одной руке он держал сочащийся орган, а другой рукой... — От отвращения у Кана сорвался голос.

То, что не смог произнести Кан, было напечатано на странице, которую как раз читал Мур. И он сам закончил фразу:

— Он мастурбировал.

Кан прошел к столу и сел в кресло.

— Вот почему я не мог допустить, чтобы он получил медицинское образование. Господи, какой же из него получился бы врач? Если он проделывал такое с трупом, что бы он сотворил с живым пациентом?

«Я знаю, что. Я видел его работу своими глазами».

Мур обратился к третьей странице досье Хойта и прочитал заключительный параграф.

«Господин Хойт согласен добровольно покинуть учебное заведение с 8:00 утра завтрашнего дня. Взамен я обещаю хранить конфиденциальность в том, что касается этого инцидента. В связи с повреждением трупа его партнеры по столу номер 19 будут подключены к другим группам для изучения этой стадии препарирования».

Партнеры по лаборатории.

Мур взглянул на Кана.

— Сколько студентов было в группе Хойта?

— У каждого стола работают по четыре студента.

— И кто были трое других?

Кан нахмурился.

— Я не помню. Это было семь лет назад.

— А вы не храните записи о лабораторных работах?

— Нет. — Он сделал паузу. — Но я помню одну девушку из его группы. — Профессор потянулся к компьютеру и вызвал списки своих студентов-первокурсников по годам. На экране появились имена сокурсников Уоррена Хойта. Кану хватило мгновения, чтобы пробежать их глазами, после чего он произнес: — Вот она. Эмили Джонстоун. Я помню ее.

— И чем она вам так запомнилась? — поинтересовался Мур.

— Ну, во-первых, она была просто прелесть. Милашка вроде Мег

Райан. Во-вторых, после того как Уоррен был отчислен из института, она пришла ко мне узнать, почему он ушел. Мне не хотелось называть ей причину. Тогда она сама спросила, не связано ли это с женщинами. Похоже, Уоррен не давал Эмили проходу, и она его здорово побаивалась. Нечего и говорить, что она испытала облегчение после его ухода.

— Как вы думаете, она может помнить остальных двух коллег по группе?

— Не исключено. — Кан снял телефонную трубку и позвонил в секретариат. — Привет, Уинни. У тебя случайно нет контактного телефона Эмили Джонстоун? — Он взял ручку, записал номер и повесил трубку. — Она работает в частной клинике в Хьюстоне, — сказал он, набирая новый номер. — У них там сейчас одиннадцать, значит, она должна быть на месте... Алло, Эмили? Это голос из твоего прошлого. Доктор Кан из Эмори... Верно, анатомичка. Какая древность, не правда ли?

Мур подался вперед, с волнением вслушиваясь в каждое слово. Когда Кан наконец повесил трубку и взглянул на него, Мур прочитал ответ по его глазам.

— Она действительно помнит двух других партнеров по анатомичке, — сказал Кан. — Одна из них была женщина по имени Барб Липпман. А другой...

— Капра?

Кан кивнул.

— Четвертым в группе был Эндрю Капра.

Глава 22

Кэтрин остановилась в дверях кабинета Питера. Он сидел за столом, заполняя медицинскую карту, и не догадывался о том, что она наблюдает за ним. За все время их знакомства ей как-то не довелось увидеть его за работой в кабинете, и сейчас зрелище вызвало у нее легкую улыбку. Питер трудился с завидным усердием и являл собой пример исключительной преданности делу, разве что одна легкомысленная деталь портила картину: бумажный самолетик, валявшийся на полу. Питер был неотделим от своих летательных аппаратов.

Кэтрин постучала в косяк двери. Он поднял взгляд поверх очков, удивленный ее появлением.

— Можно к тебе? — спросила она.

— Конечно. Заходи.

Она села напротив. Питер молчал, терпеливо выжидая, когда она заговорит. Ей показалось, что он готов ждать хоть целую вечность.

— Все так осложнилось... между нами, — начала она. Он кивнул. — Я знаю, что тебе это неприятно так же, как и мне. И меня это очень беспокоит. Потому что ты всегда мне нравился, Питер. Может, это было незаметно, но это так. — Она набрала в грудь воздуха, отчаянно подыскивая подходящие слова. — Проблемы, возникшие между нами, никак не связаны с тобой. Это все только из-за меня. В моей жизни сейчас много чего происходит. Мне трудно объяснить.

— Ты и не обязана ничего объяснять.

— Да, но просто я вижу, что наши отношения разваливаются. Не только наше партнерство, но и дружба. Странно, что я никогда не задумывалась о нашей дружбе. Я и не понимала, как много она значит для меня, пока не почувствовала, что она ускользает. — Кэтрин поднялась, чтобы уйти. — Как бы то ни было, мне очень жаль. Вот, собственно, все что я хотела сказать. — Она направилась к двери.

— Кэтрин, — тихо окликнул он. — Я знаю про Саванну.

Она обернулась. Он смотрел на нее прямым взглядом.

— Мне рассказал детектив Кроу, — произнес он.

— Когда?

— На днях, когда мы с ним беседовали во время перерыва. Он думал, что я в курсе.

— Ты мне ничего не говорил.

— Я считал, что мне не стоит первому поднимать этот вопрос, и надеялся, что ты сама заговоришь. Я понимал, что тебе понадобится время, и был готов ждать сколько угодно.

Она резко выдохнула.

— Ну, что ж. Теперь ты знаешь обо мне все самое плохое.

— Нет, Кэтрин. — Он встал из-за стола. — Я знаю лучшее! Я знаю, какая ты сильная, смелая. Все это время я и не догадывался, с каким тяжким грузом ты живешь. Ты могла бы мне рассказать. Довериться мне.

— Я думала, что это изменит наши отношения к худшему.

— Разве это возможно?

— Я не хочу, чтобы ты жалел меня, — тихо проговорила она. — Мне никогда не хотелось ничьей жалости.

— Жалости за что? За то, что ты дала отпор? За то, что выжила, несмотря на всю безнадежность ситуации? Какого черта я бы стал жалеть тебя?

Кэтрин с трудом сдержала слезы.

— Ну, не ты, так другие.

— Они просто тебя не знают. Не знают так, как знаю я.

Питер обогнул стол, словно уничтожая последнюю преграду между ними.

— Ты помнишь день нашей первой встречи?

— Когда я пришла на собеседование.

— И что ты помнишь про тот день?

Она недоуменно покачала головой.

— Мы говорили о медицинской практике. О том, чем я буду заниматься.

— В общем, тебе запомнилась лишь деловая часть.

— Ну, в общем, да.

— Забавно, — усмехнулся он. — Я думаю об этом дне совсем по-другому. Я не помню, какие вопросы я тебе задавал, о чем спрашивала ты. Помню только мгновение, когда я оторвал взгляд от стола и увидел, как ты заходишь в этот кабинет. Я был поражен. На ум не приходило ничего толкового — лишь какие-то глупости и банальности. Мне не хотелось выглядеть таким в твоих глазах. Я подумал: вот женщина, у которой есть все. Она умна, красива. И она стоит передо мной.

— О Боже, как же ты ошибался. Ничего во мне такого особенного не было. — Кэтрин сморгнула слезы. — Никогда не было. Я держусь только за счет силы воли...

Ни слова не говоря, он обнял ее. Все это произошло так естественно и

легко, что никто из них не испытал неловкости. Питер просто держал ее в своих объятиях, ничего не требуя взамен. Друг утешал друга.

— Скажи мне, чем я могу помочь, — произнес он. — Я сделаю все, что ты скажешь.

Она вздохнула.

— Я так устала, Питер. Ты не мог бы просто проводить меня до машины?

— И это все?

— Сейчас мне нужно только это. Мне необходимо, чтобы рядом был человек, которому я доверяю.

Он отступил на шаг и улыбнулся ей.

— Тогда я именно тот, кто тебе нужен.

Пятый этаж подземного гаража больницы был безлюден, и эхо их шагов, отражавшееся от бетонного пола, напоминало шорох блуждающих привидений. Будь Кэтрин одна, она бы без конца озиралась по сторонам. Но Питер шел рядом, и она не испытывала страха. Он подвел ее к «Мерседесу». Постоял, ожидая, пока она сядет за руль. Потом захлопнул дверцу машины и жестом указал на замок.

Кивнув, Кэтрин нажала на кнопку и услышала уютный щелчок, подтверждавший, что двери надежно заперты.

— Я позвоню тебе потом, — сказал Питер.

Отъезжая, она увидела в зеркале заднего вида, как он махнул ей рукой. Когда она завернула за угол, Питер исчез из виду.

На обратном пути в Бэк-Бэй она поймала себя на том, что улыбается.

«Некоторым мужчинам можно доверять», — говорил ей Мур.

«Да, но каким? Я таких не встречала».

«Этого не узнаешь, пока не столкнешься с проблемами. Настоящий мужчина всегда окажется рядом в трудную минуту».

Друг или любовник, Питер был одним из таких мужчин.

Притормозив на Коммонуэлт-авеню, Кэтрин свернула на аллею, ведущую к дому, и нажала кнопку на пульте управления воротами подземного гаража. Ворота поползли вверх, и она въехала в гараж. Посмотрела в зеркало заднего вида, убедившись, что ворота закрылись, и только после этого свернула к своему месту. Осторожность была ее второй натурой, и этот ритуал она никогда не забывала исполнить. Прежде чем войти в лифт, она осмотрела кабину. Перед выходом из лифта оглядела коридор. Войдя в квартиру, тут же закрыла все замки. Ее крепость, как всегда, была надежна защищена. Только после этого она позволила себе

перевести дух.

Стоя у окна, она потягивала ледяной чай и наслаждалась прохладой своей квартиры, глядя на вспотевшие лбы горожан, снующих по улице. За последние трое суток ей удалось поспать всего три часа. «Я заслужила это мгновение комфорта, — думала она, приложив ледяную стенку стакана к щеке. — Я заслужила ранний отход ко сну и уик-энд полного безделья». Она решила не думать больше о Муре. Хватит с нее боли.

Кэтрин уже допивала чай, когда раздался зуммер пейджера. Срочный вызов из больницы был сейчас как нельзя более некстати. Когда она перезвонила оператору клиники, в ее голосе угадывалось раздражение.

— Это доктор Корделл. Я знаю, вы только что звонили мне на пейджер, но у меня сегодня нет ночного дежурства. Хочу сказать, что я сейчас же отключаю пейджер.

— Извините за беспокойство, доктор Корделл, но был звонок от сына Германа Гвадовски. Он настаивает на встрече с вами сегодня.

— Это невозможно. Я уже дома.

— Да, я сказал ему, что вы уехали на весь уик-энд. Но он говорит, что сегодня его последний день в городе. И он хочет встретиться с вами, прежде чем отправится к адвокату.

«К адвокату?»

Кэтрин устало опустилась на стул. Господи, у нее совершенно не было сил заниматься этим делом. Только не сейчас. Только не в таком состоянии, когда от усталости голова совершенно не соображает.

— Доктор Корделл!

— Господин Гвадовски сказал, в котором часу он хочет встретиться?

— Он сказал, что будет ждать в кафетерии больницы до шести.

— Спасибо. — Кэтрин повесила трубку и тупо уставилась на сверкающий кухонный кафель. Как тщательно следила она за его чистотой! Но, как бы ни усердствовала она в наведении порядка в своей жизни, она не могла предугадать появление в ней таких вот иванов гвадовски.

Она схватила сумочку и ключи от машины и вновь покинула свою тихую гавань.

В лифте Кэтрин посмотрела на часы и заволновалась, увидев, что уже без четверти шесть. Она явно не успевала на встречу, Гвадовски чего доброго решит, что она его игнорирует.

Сев за руль своего «Мерседеса», она в первую очередь схватила трубку автомобильного телефона и связалась с оператором клиники «Пилгрим».

— Это снова доктор Корделл. Мне нужно срочно соединиться с господином Гвадовски, сказать ему, что я опаздываю. Вы не знаете, откуда

он звонил?

— Минутку, сейчас проверю... Нет, он звонил не из больницы.

— Тогда, может, с мобильного?

Последовала пауза.

— Странно.

— Что такое?

— Он звонил с того же номера, что и вы сейчас.

Кэтрин оцепенела, страх сковал ее холодом.

«Моя машина. Звонок был сделан из моей машины».

— Доктор Корделл!

И тогда она увидела его, поднимающегося словно кобра, в зеркале заднего вида. Она глотнула воздуха, чтобы закричать, и горло ее перехватило от удушливого запаха хлороформа.

Трубка выпала у нее из рук.

* * *

Джерри Слипер ожидал его на выходе из здания аэропорта. Мур закинул свою ручную кладь на заднее сиденье, сел в машину и громко хлопнул дверцей.

— Вы нашли ее? — первым делом спросил Мур.

— Пока нет, — ответил Слипер, отъезжая от тротуара. — Ее «Мерседес» исчез, в квартире не обнаружено следов беспорядка. Что бы это ни было, все произошло очень быстро, в ее машине или рядом. Питер Фалко был последним, кто видел ее, примерно в пять-пятнадцать в гараже больницы. Примерно через полчаса оператор клиники позвонил Корделл на пейджер, а потом говорил с ней по телефону Корделл перезвонила ему уже из машины. Разговор внезапно оборвался. Оператор заявляет, что звонил сын Германа Гвадовски.

— Есть подтверждение?

— Иван Гвадовски уже в полдень был на борту самолета, летевшего в Калифорнию. Он не звонил.

Они и без слов знали, кто звонил оператору. Мур в волнении смотрел на габаритные фонари ехавших впереди машин, и ему казалось, будто это красные костры полыхают в ночи.

«Он держит ее с шести вечера. Что он успел натворить за эти четыре часа?»

— Я хочу видеть, где живет Уоррен Хойт, — сказал Мур.

— Мы как раз туда и едем. Нам известно, что он закончил свою смену в лаборатории «Интерпат» в семь утра. В десять утра он позвонил своему начальнику сказать, что у него семейные проблемы и он не выйдет на работу как минимум в течение недели. С тех пор его никто не видел. Ни дома, ни на работе.

— А что за семейные проблемы?

— У него нет семьи. Его единственная тетка умерла в феврале.

Габаритные огни слились в сплошное красное пятно. Мур заморгал и отвернулся, чтобы Слипер не заметил его слез.

Уоррен Хойт жил в Норт-энд, лабиринте узких улочек и домиков из красного кирпича, составлявших колорит старого Бостона. Этот район считался безопасным во многом благодаря неусыпному контролю со стороны итальянского населения, владевшего в этом округе бизнесом. И вот здесь, на улице, по которой прогуливались ничего не подозревавшие туристы и горожане, проживал настоящий монстр.

Квартира Хойта находилась на третьем этаже кирпичного дома. Несколько часов назад бригада криминалистов уже обшарила это место в поисках улик, и, когда Мур, войдя внутрь, увидел распахнутые шкафы и почти пустые полки, у него возникло ощущение, будто жилище уже покинула душа его хозяина. Он понял, что не найдет ничего, что подскажет ему, где искать Уоррена Хойта.

Из спальни вышел доктор Цукер.

— Здесь что-то не так, — сказал он, обращаясь к Муру.

— Хойт — тот, кого мы ищем? — перебил его Мур.

— Не знаю.

— Так что мы все-таки имеем? — Он перевел взгляд на Кроу, который стоял в дверях.

— Мы сделали слепок с подошвы обуви. Восемь с половиной, соответствует отпечаткам, найденным на месте убийства Ортис. Собрали несколько волосков с подушки — короткие, светло-русые. Тоже похожи. Кроме того, обнаружен длинный черный волос на полу ванной. Длинной до плеч.

Мур нахмурился.

— Здесь была женщина?

— Может, подруга.

— Или очередная жертва, — заметил Цукер. — О которой мы пока не знаем.

— Я беседовал с хозяйкой, она живет этажом ниже, — продолжил Кроу. — В последний раз она видела Хойта сегодня утром, когда он

вернулся с работы. Она не знает, где он сейчас может находиться. Думаю, вы и сами догадываетесь, в каких красках она его расписала: «Прекрасный квартирант. Тихий мужчина, никогда не доставлял хлопот».

Мур взглянул на Цукера.

— Что вы имели в виду, когда говорили, что здесь что-то не так?

— Нет инструмента. Его машина припаркована возле дома, но там тоже ничего нет. — Цукер жестом указал на почти пустую гостиную. — Вид у этой квартиры какой-то нежилой. В холодильнике почти нет продуктов. В ванной — кусок мыла, зубная щетка и бритва. Как в отеле. Это место для ночлега, не более того. Непохоже, чтобы в этой квартире он заново переживал свои фантазии.

— И все-таки он живет здесь, — не согласился Кроу. — Его почта приходит на этот адрес. В шкафу висит его одежда.

— Но в этой квартире отсутствует самое главное, — многозначительно сказал Цукер. — Его трофеи. Их нигде нет.

Ощущение ужаса охватило Мура. Цукер был прав. Хирург вырезал у каждой жертвы анатомический трофей; он должен был их где-то хранить, чтобы любоваться своим мастерством. Возбуждаться в перерыве между охотами.

— У нас пока нет полной картины, — заявил Цукер и повернулся к Муру. — Мне нужно осмотреть место работы Уоррена Хойта. Его лабораторию.

Барри Фрост сел за компьютер и набрал на клавиатуре имя пациентки: «Нина Пейтон». На экране появились данные.

— Этот компьютер и есть его рабочее место, — сказал Фрост. — Здесь он находит своих жертв.

Мур уставился на экран монитора, не веря своим глазам. Вокруг гудели аппараты, звонили телефоны, сновали лаборанты с пробирками. И в этом стерильном мире нержавеющей стали и белых халатов, в мире, предназначенном для исцеления, Хирург тихонько охотился за добычей. С этого компьютера он мог вызвать имя любой женщины, чья кровь или биологическая жидкость подвергалась анализу в лаборатории «Интерпат».

— Это лучшая диагностическая лаборатория в городе, — пояснил Фрост. — Сдайте кровь в любой клинике Бостона или в частном кабинете врача, и с большой долей вероятности она окажется на исследовании именно здесь.

«Именно здесь, у Уоррена Хойта».

— У него был ее домашний адрес, — произнес Мур, бегло

просматривая информацию по Нине Пейтон. — Место работы. Возраст, семейное положение...

— И диагноз, — подсказал Цукер, ткнув пальцем в два слова на экране: «сексуальное нападение». — Именно за этим Хирург и охотится. Это его заводит. Эмоционально травмированные женщины. Женщины с клеймом изнасилования.

Мур уловил нотки возбуждения в голосе Цукера. Эта игра явно занимала профессора, для него она была своеобразным состязанием умов. Наконец он получил возможность проследить тактику оппонента, оценить степень его гениальности.

— Вот здесь он все и планировал, — продолжал Цукер. — Держа в руках их кровь. Узнавая их самые постыдные тайны. — Он выпрямился и оглядел лабораторию, как будто видел ее впервые. — Вам никогда не приходило в голову, что лаборанту все про вас известно? — задал он вопрос. — Подставляя ему свою руку и позволяя всадить иголку в вену, вы открываетесь ему со всеми своими секретами. Ваша кровь все про вас расскажет. Умираете ли вы от лейкемии или СПИДа. Выкурили вы сигарету или выпили стакан вина в последние несколько часов. Принимаете ли вы прозак от депрессии или виагру от импотенции. Он держал в своих руках самую суть женщины. Он мог изучить ее кровь, прикоснуться к ней, почувствовать ее запах. А она об этом даже не догадывалась. Она и не знала, что часть ее тела находится в руках незнакомца.

— Жертвы не знали его, — подвел итог Мур. — Никогда не видели.

— Но Хирург знал их. Причем знал очень близко. — Взгляд Цукера светился лихорадочным блеском. — Хирург совершенно не похож ни на одного серийного убийцу, с которым мне приходилось сталкиваться. Он уникален. Он остается невидимым, поскольку выбирает добычу, не видя ее. — Он уставился на ряды пробирок на прилавке. — Эта лаборатория — поистине территория охоты. Вот как он находит их. По крови. По их душевной боли.

Когда Мур вышел из здания медицинского центра, ночной воздух впервые за последнее время показался ему прохладным. Значит, в Бостоне уже не так много женщин откроют на ночь окна, и добычи для охотника станет меньше.

«Но сегодня Хирург не выйдет на охоту. Сегодня он будет занят своей последней жертвой».

Мур резко остановился возле своей машины и какое-то время стоял, парализованный отчаянием. Может, в эту минуту Уоррен Хойт тянется к

скальпелю. Вот сейчас...

Он расслышал приближающиеся шаги. Усилием воли Мур заставил себя обернуться, чтобы взглянуть на человека, остановившегося рядом в тени.

— Он забрал ее, да? — произнес Питер Фалко.

Мур кивнул.

— Боже, о Боже! — Фалко с тоской посмотрел в ночное небо. — Я проводил ее до машины. Она была рядом со мной, и я отпустил ее домой. Я позволил ей уехать...

— Мы делаем все возможное, чтобы найти ее. — Это была дежурная фраза. Даже произнося ее, Мур чувствовал пустоту своих слов. Так говорили полицейские, когда дело было плохо, когда почти не оставалось надежды на успех.

— Что именно вы делаете?

— Нам известна личность преступника.

— Но вы не знаете, куда он ее увез, — заметил Питер Фалко.

— Со временем мы это установим.

— Скажите, чем я могу помочь. Я все сделаю.

Мур старался говорить спокойно, чтобы скрыть собственный страх, предчувствие ужасного.

— Я знаю, вам тяжело стоять в стороне. Но предоставьте нам делать нашу работу.

— О да, вы же профессионалы! Так почему же вы допустили такое?

Муру нечего было ответить.

В волнении, Фалко подошел к нему и встал под фонарным столбом. Свет упал на его усталое, измученное беспокойством лицо.

— Я не знаю, что произошло между вами и Кэтрин, — сказал он. — Но я точно знаю, что она доверяла вам. Надеюсь, для вас это что-то да значит. Надеюсь, она для вас больше, чем просто очередная жертва, еще одно имя в списке пострадавших.

— Да, — подтвердил Мур.

Мужчины пристально смотрели друг на друга, и это было молчаливым признанием того, что они оба знали. И чувствовали.

— Вы даже не подозреваете, насколько она мне дорога, — сказал Мур.

И Фалко тихо произнес:

— Мне тоже.

Глава 23

— Какое-то время он подержит ее живой, — сказал доктор Цукер. — Так же, как когда-то целый день продержал Нину Пейтон. Сейчас он полностью контролирует ситуацию. И может полностью распоряжаться своим временем.

Риццоли содрогнулась, вдумавшись в его слова: «полностью распоряжаться своим временем». Она подумала и о том, сколько нервных окончаний имеется в человеческом теле и сколько боли оно может вытерпеть, прежде чем над ним сжалится Смерть. Она оглядела комнату для совещаний и обратила внимание на Мура, который сидел, обхватив голову руками. Он выглядел совершенно измученным. Время было за полночь, и лица всех собравшихся не отличались свежестью и оптимизмом. Риццоли выделялась из этого круга: она стояла, прислонившись к стене. Женщина-невидимка, которую никто не замечал, поскольку ей было позволено только слушать, но не участвовать в обсуждении. Обреченная на должность административного дежурного, лишенная личного оружия, она теперь была лишь сторонним наблюдателем в деле, которое знала гораздо лучше любого из присутствующих.

Взгляд Мура скользнул в ее сторону, но он смотрел, скорее, сквозь нее. Как будто не хотел видеть.

Доктор Цукер суммировал информацию, собранную по Уоррену Хойту — Хирургу.

— Он долго шел к этой главной цели, — говорил Цукер. — Теперь, когда он ее достиг, ему захочется максимально продлить удовольствие.

— Выходит, Корделл всегда была его мишенью? — спросил Фрост. — А на других жертвах он только практиковался?

— Нет, они тоже доставляли ему удовольствие. Они помогали снять сексуальное напряжение на пути к заветному призу. В любой охоте хищнику интереснее отслеживать самую трудную добычу. Корделл была женщиной, подобраться к которой не так-то просто. Она всегда была начеку, соблюдала все меры предосторожности. Ее дом был забаррикадирован сложными замками и сигнализацией. Она избегала близких отношений с кем-либо. Редко выходила из дома по вечерам, разве только на ночные дежурства в больнице. Она была для него самой трудной, но и самой соблазнительной добычей. Он сознательно усложнил себе задачу, поставив ее в известность о том, что на нее идет охота. Устрашение

было составной частью его игры. Ему хотелось, чтобы она чувствовала, как все плотнее сжимается вокруг нее кольцо. Другие женщины были лишь отвлекающим маневром. Главной мишенью была Корделл.

— Не была, а есть, — резко поправил его Мур. — Она еще не умерла.

В комнате воцарилась гробовая тишина, все потупились, отвернувшись от Мура.

Цукер невозмутимо кивнул. Его ледяное спокойствие ничто не могло поколебать.

— Спасибо за поправку.

В разговор вмешался Маркетт.

— Вы читали его анкету? — спросил он.

— Да, — ответил Цукер. — Уоррен был единственным ребенком в семье. Судя по всему, обожаемым ребенком. Родился он в Хьюстоне. Отец был ученым-ракетостроителем, а это вам не шутки. Мать происходила из старинного рода нефтепромышленников. Оба они уже скончались. Так что Уоррен получил в наследство и ум, и деньги. В детстве за ним не числилось криминальных подвигов. Ни арестов, ни штрафов — ничего, что могло бы вызвать подозрения. Разве что единственный инцидент в медицинском институте, в анатомической лаборатории. Помимо этого я не нашел никаких тревожных симптомов, которые выдавали бы в нем хищника. В общем, нормальный парень. Вежливый и надежный.

— Среднестатистический, — тихо произнес Мур. — Обыкновенный.

Цукер кивнул.

— Да, мальчик, который ничем не выделялся, никому не доставлял хлопот. Это самый опасный вариант преступника, потому что здесь не просматриваются ни патология, ни психиатрический диагноз. Он очень похож на Теда Банди. Интеллигентный, организованный внешне очень исполнительный. Но у него есть один психический сдвиг: он обожает истязать женщин. И, сталкиваясь с ним каждый день, вы никогда не подумаете, что за его улыбкой и добрым взглядом притаились мысли о том, с каким удовольствием он бы выпустил из вас кишки.

Содрогаясь от зловещего голоса Цукера, похожего на шипение, Риццоли оглядывала своих коллег.

«А ведь он прав. Я каждый день вижу Барри Фроста. Он кажется мне отличным парнем. Счастлив в браке. Всегда жизнерадостный. Но я не знаю, что у него на уме».

Фрост поймал на себе ее взгляд и покраснел.

— После инцидента в медицинском институте, — продолжил Цукер, — Хойт был вынужден бросить учебу. Он получил специальность

лаборанта-медика и последовал за Эндрю Капрой в Саванну. Похоже, их дружба длилась несколько лет. Справки об авиаперелетах и выписки с кредитных карточек подтверждают, что они часто путешествовали вместе. В Грецию и Италию. В Мехико, где оба устроились волонтерами в сельскую клинику. Это был альянс двух охотников. Братья по крови, объединенные общими жестокими фантазиями.

— Кетгутная нить, — вставила Риццоли.

Цукер озадаченно взглянул на нее.

— Что?

— В странах «третьего мира» до сих пор пользуются кетгутом как шовным материалом. Вот откуда у него эти нити.

Маркетт одобрительно кивнул:

— Возможно, она права.

«Я абсолютно права», — оцетинившись, подумала Риццоли.

Цукер между тем продолжал говорить:

— Корделл убила Эндрю Капру и тем самым разрушила идеальную пару убийц. Она уничтожила самого близкого для Хойта человека. И поэтому стала его главной мишенью. Главной жертвой.

— Если Хойт находился в доме в ту ночь, когда был застрелен Капра, почему он не убил ее тогда? — спросил Маркетт.

— Я не знаю. Есть много неясностей в событиях той ночи в Саванне, пролить свет на которые может только сам Уоррен Хойт. Нам известно лишь, что он переехал в Бостон вскоре после того, как сюда приехала Кэтрин Корделл. И через год была убита Диана Стерлинг.

Наконец заговорил Мур. Не глядя на собравшихся, он вымученным голосом произнес:

— Как нам найти его?

— Вы можете держать под наблюдением его квартиру, но я не думаю, что он скоро там объявится. Это не его берлога. Не там он предается своим фантазиям. — Цукер откинулся на спинку кресла, уставившись в пустоту. Он как будто погрузился в мир Уоррена Хойта и его мысли. — Его настоящее убежище не связано с повседневной жизнью. Вполне возможно, оно находится довольно далеко от его квартиры, и туда он наведывается тайно. Не исключено, что он снимает это помещение под вымышленным именем.

— Снимая помещение, вы должны платить за него, — сказал Фрост. — Можно проследить за движением средств на его банковском счете.

Цукер кивнул.

— Вы узнаете, что это его берлога, потому что найдете там трофеи.

Сувениры, которые он забирал у своих жертв. Возможно, он подготовил это помещение к тому, чтобы впоследствии притаскивать туда добычу. Своего рода камера пыток. Это место, где его никто не потревожит, не помешает завершить процедуру. Может быть, отдельно стоящее здание. Или квартира, оборудованная звуконепроницаемой защитой.

«Чтобы никто не услышал криков Корделл», — подумала Риццоли.

— В этом помещении он может быть самым собой, расслабиться. Он никогда не оставляет свою сперму на месте преступления, и это дает мне основание думать, что он способен задерживать эякуляцию до тех пор, пока не окажется в безопасном месте. В своей же берлоге он испытывает максимальное удовлетворение. Вероятно, он периодически навещается туда, чтобы заново пережить наслаждение пытки. Это поддерживает его в промежутках между убийствами. — Цукер оглядел собравшихся. — Туда он и отвез Кэтрин Корделл.

* * *

*Греки называли это *dere*, обозначая фронтальную часть шеи или горло, и это самая красивая, самая уязвимая часть женской анатомии. В горле пульсируют жизнь и дыхание, и под молочно-белой кожей Ифигении трепетали голубые вены, на которые был нацелен отцовский кинжал. Пока Ифигения лежала, распростертая на алтаре, успел ли Агамемнон полюбоваться изящным изгибом ее шеи? Или же он высматривал уязвимые точки, куда следовало нанести удар? Пусть и снедаемый тоской, неужели он не почувствовал в то мгновение, когда нож впился в кожу, сладостную негу, разлившуюся в паху, прилив сексуального наслаждения?*

Даже древние греки со своими жуткими сказками об отцах, приносящих в жертву своих дочерей, о сыновьях, совокупляющихся со своими матерями, умалчивают о таких извращениях. Да, собственно, и не нужно говорить об этом; это одна из наших общих постыдных тайн, и мы понимаем ее без слов. Из тех воинов, что с каменными лицами слушали девичьи крики, наблюдали за тем, как срывают одежды с Ифигении, как подставляют под нож ее лебединую шею, кто из них не испытал неожиданный прилив блаженства? У кого не затвердел член?

И кто из них впредь при виде женского горла не испытает непреодолимое желание вонзить в него нож?

У нее горло такое же бледное, как, наверное, было и у Ифигении. Она берегла его от солнца, как и все рыжие, и лишь редкие веснушки портят ее алебастровую кожу. Все эти два года она берегла свою шею для меня. Я ценю это.

Я терпеливо ждал, пока она очнется. Я не сомневаюсь, что она уже проснулась и знает, что я рядом. Это видно по тому, как участился ее пульс. Я касаюсь ее горла — ложбинки, что повыше грудной клетки, и она судорожно вздыхает. Она задерживает дыхание, пока я глажу ее шею, прочерчивая пальцем сонную артерию. Пульс бьется сильно, и кожа ритмично вздымается. Я чувствую, как у меня под пальцем зарождается первая капелька пота. Пот словно дымка обволакивает ее кожу, и лицо начинает светиться. Когда я подбираюсь к ее челюсти, она наконец делает выдох; он похож на стон, потому что мешает клейкая лента на губах. Нет, моя Кэтрин не должна так скулить. Другие были глупыми газелями, но Кэтрин — тигрица, единственная, кто осмелился вступить в схватку и пролить кровь.

Она открывает глаза и смотрит на меня, и я вижу, что она все понимает. Я наконец победитель. А она, самая достойная из всех, — побежденная.

Я выкладываю свои инструменты. Они приятно клацают о металлический лоток, который я поставил возле кровати. Я чувствую что она наблюдает за мной, и знаю, что ее взгляд прикован к сверкающей стали. Она знает предназначение каждого инструмента, она и сама ими не раз пользовалась. Ретрактор нужен, чтобы расширить края раны. Гемостат перекроет кровеносные сосуды. А скальпель — о, мы оба знаем, для чего он используется.

Я ставлю лоток в изголовье, чтобы она могла видеть дальнейшее действие. Мне не нужно ничего говорить; обо всем скажет мерцание инструментов.

Я касаюсь ее живота, и брюшные мышцы напрягаются. Это нерожавший живот, его ровную поверхность не портят никакие рубцы. Лезвие пройдет по нему как по маслу.

Я беру скальпель и прижимаю его кончик к животу. Она судорожно вздыхает, и глаза ее расширяются.

Однажды я видел фотографию зебры, сделанную в тот момент, когда в ее шею впиваются клыки льва и глаза ее закатываются в

смертельном ужасе. Я никогда не забуду этот образ. Его я вижу и сейчас, в глазах Кэтрин.

* * *

«О Боже. О Боже. О Боже».

Кэтрин с трудом дышала, чувствуя, как вбивается в кожу острие скальпеля. Обливаясь потом, она закрыла глаза, с ужасом ожидая предстоящей боли. Судорожный всхлип застрял в горле, в нем была мольба к Всевышнему о смерти быстрой, но только не такой. Только не мучительное кромсание плоти.

Скальпель убрали.

Она открыла глаза и посмотрела в его лицо. Такое неприметное, незапоминающееся. Человек, которого она могла встречать десятки раз и не обращать на него внимания. И тем не менее он знал ее. Он блуждал по орбите ее мира, поместив ее в центр своей вселенной, а сам все время оставался в тени.

«И я даже не догадывалась о том, что он где-то поблизости».

Он отложил скальпель в лоток. И, улыбаясь, произнес:

— Еще не время.

Только когда он вышел из комнаты, она догадалась, что пытка отложена, и испустила вздох облегчения.

Так вот в чем заключалась игра. Продлить муку, продлить удовольствие. Он хотел, чтобы она пока жила и думала о том, что последует дальше.

«Каждая минута жизни — это шанс на спасение».

Действие хлороформа закончилось, и она, находясь в полном сознании, судорожно пыталась найти выход. Она была распластана на кровати со стальным каркасом. Одежды на ней не было, запястья и щиколотки привязаны клейкой лентой к ножкам кровати. Хотя она изо всех сил старалась высвободиться, ей это не удавалось. Тогда, в Саванне, Капра воспользовался нейлоновым шнуром, и она смогла высвободить одну руку. Хирург явно не собирался повторять такую ошибку.

Обессиленная, взмокшая от пота, она оставила попытки освободиться и сосредоточилась на окружающей обстановке.

Над кроватью висела одинокая электрическая лампочка. Сырой воздух и запах земли подсказали ей, что она находится в подвале. Повернув голову, она смогла различить каменную кладку фундамента. Над головой

заскрипели шаги, и она расслышала, как отодвинули стул. Деревянный пол. Старый дом. Наверху заработал телевизор. Она не помнила, как оказалась в этом помещении и как долго ее сюда везли. Они могли быть далеко от Бостона — в таком месте, где никто и искать не станет.

Ее взгляд упал на металлический лоток. Она уставилась на аккуратно разложенные инструменты, подготовленные к предстоящей процедуре. Сколько раз она сама выкладывала такие же инструменты, но лишь с целью спасения жизни. С помощью скальпелей и гемостатов она оперировала раковые опухоли и извлекала пули, останавливала кровотечение из поврежденных артерий и осушала полости, заполненные кровью. Теперь она видела в этих инструментах приближение собственной смерти. Он намеренно поставил их возле кровати, чтобы она могла видеть и острое лезвие скальпеля, и стальные зубы гемостатов.

«Не паникуй. Думай. Думай».

Она закрыла глаза. Страх словно живое существо стискивал ее горло своими щупальцами.

«Ты победила их однажды. И сможешь победить снова». Она почувствовала, как побежала по груди струйка пота. Выход должен быть. Просто обязан. Думать об альтернативе было слишком страшно.

Открыв глаза, она уставилась на лампочку над головой и сосредоточилась на том, что делать дальше. Она вспомнила, что говорил ей Мур: Хирург питается страхом. Он атакует женщин слабых, ощущающих себя жертвами. Женщин, с которыми он чувствует себя властелином.

«Он не убьет меня, пока не завоюет».

Она глубоко вдохнула, понимая теперь, какую партию должна сыграть.

«Победи страх. Вызови в себе ярость. Покажи ему, что тебя не сломить никакими пытками. Даже смертью».

Глава 24

Риццоли внезапно проснулась, и шею пронзило острой болью. Господи, только не еще одна растянутая мышца, подумала она, медленно поднимая голову и щурясь от яркого солнца, заглядывавшего в окно. Остальные столы в офисе пустовали, она была одна. Где-то около шести утра она, обессилев от усталости, уронила голову на стол, пообещав себе вздремнуть минутку. Сейчас было уже половина десятого. Пачка компьютерных распечаток, которую она использовала как подушку, была влажной от слюны.

Она посмотрела на рабочий стол Фроста и увидела висевший на спинке стула пиджак. На столе Кроу стоял пакет с булками. Выходит, коллеги заходили в офис, пока она спала, и видели ее такую неприбранную, с отвисшей во сне челюстью, да еще слюнявую. Риццоли представила себе, какое это было захватывающее зрелище.

Она встала и потянулась, пытаясь размять затекшую шею, но знала, что все это бесполезно. Ей предстояло весь день ходить скособоченной.

— Привет, Риццоли. Проснулась, спящая красавица?

Обернувшись, она увидела детектива из другой команды, который пялился на нее из-за стеклянной перегородки.

— А что, разве не похожа? — огрызнулась она. — Где все?

— Ваши с восьми утра на совещании.

— Что?

— Думаю, оно уже закончилось.

— А мне даже не сказали. — Она бросилась к двери, и от злости сон как рукой сняло. О, она знала, что происходит. Вот так и вышвыривают за борт — не говоря прямо в лицо, а унижая по капельке. Сначала не зовут на совещания, потом вообще отстраняют от дела. Низводят до никчемной канцелярской крысы.

Она влетела в зал заседаний. Там был только Барри Фрост, который уже собирал со стола бумаги. Он поднял голову, и щеки его слегка вспыхнули, когда он увидел ее.

— Спасибо, что сообщил мне о совещании, — сказала она.

— Ты выглядела такой усталой. Я решил, что потом тебе все расскажу.

— Когда, через неделю?

Фрост опустил голову, избегая ее взгляда. Они достаточно долго работали в паре, и она без труда определила, что он чувствует себя

виноватым.

— Итак, я за бортом, — сказала она. — Так решил Маркетт?

Фрост печально кивнул.

— Я выступал против. Пробовал убедить его, что ты нам нужна. Но он сказал, что с этой стрельбой и все такое...

— Что еще он сказал?

Фрост неохотно проговорил:

— Что ты не допущена к работе.

«Не допущена к работе». Иначе говоря, ее карьера окончена.

Фрост вышел из комнаты. Ее вдруг затошнило от недосыпа и голода; она плюхнулась на ближайший стул и какое-то время сидела, уставившись на пустой стол. На мгновение память вернула ее в далекое детство, когда она, девятилетняя презираемая сестренка, отчаянно сражалась за право остаться в команде мальчишек. Но те, как водится, отвергали ее. То же происходило и сейчас. Она понимала, что смерть Пачеко была лишь поводом, чтобы убрать ее из команды. Подобные промахи не раз сходили с рук другим полицейским. Но женщине, да еще лучшему детективу, единственная ошибка вроде Пачеко могла стоить карьеры.

Когда она вернулась за свой стол, в офисе уже никого не было. Пиджак Фроста исчез, как и пакет Кроу. Она могла с таким же успехом исчезнуть, никто бы этого не заметил. Собственно говоря, ей оставалось лишь расчистить свой стол, поскольку она здесь была уже не нужна.

Риццоли открыла ящик стола, чтобы забрать сумку, и замерла. Посмертное фото Елены Ортис смотрело на нее из вороха бумаг.

«А я ведь тоже его жертва», — подумала она.

Как бы ни злилась она на своих коллег, источником ее бед был именно Хирург. Хирург унизил ее, втоптал в грязь ее доброе имя.

Она резко захлопнула ящик.

«Нет, рано. Я не готова сдаться».

Ее взгляд переметнулся на стол Фроста, и она заметила стопку бумаг, которые он принес из зала заседаний. Оглядевшись по сторонам, она убедилась, что за ней никто не наблюдает. Детективы из другой группы работали в дальнем углу офиса.

Риццоли схватила бумаги со стола Фроста, положила их к себе на стол и села читать.

Это были выписки с банковского счета Уоррена Хойта. Вот на чем сейчас сосредоточилось следствие: на бумагах. Найдешь деньги — найдешь и Хойта. Она увидела его банковские чеки, выписки о приходе и расходах. Море цифр. Родители позаботились о его финансовом

благополучии, и каждую зиму он путешествовал по странам Карибского бассейна, посещал Мексику. Она не обнаружила доказательств наличия у него другой квартиры, не было ни счетов за аренду, ни ежемесячных выплат.

Что ж, этого и следовало ожидать. Он был далеко не глуп. Если у него и было убежище, то он наверняка заплатил за него вперед и наличными.

Наличные. Не всегда можно предугадать, когда они иссякнут. Снятие наличных в банкомате зачастую бывает незапланированной или спонтанной акцией.

Она принялась просматривать банковские выписки, подтверждающие такие сделки, и обнаружила их на отдельном листке. В большинстве своем это были операции в банкоматах поблизости от места жительства Хойта или медицинского центра. Но это были привычные места его обитания. Она искала необычные.

И нашла два таких места. Одно снятие наличных прошло в банкомате города Нэшua, штат Нью-Гемпшир, 26 июня. Второе — в банкомате супермаркета Хоббз-Фуд-Март в Литии, штат Массачусетс, 13 мая.

Риццоли откинулась на спинку стула, гадая, отследил ли Мур эти две операции. Вполне возможно, что они могли затеряться в списке приоритетных мероприятий, составленных командой.

Она расслышала шаги и встрепенулась, с ужасом подумав о том, что ее застанут за чтением документов со стола Фроста. Но тревога оказалась ложной: в офис зашел курьер из лаборатории. Он улыбнулся Риццоли, кинул на стол Мура папку и вышел.

Выждав немного, Риццоли подошла к столу Мура и заглянула в папку. Верхняя страница была отчетом из лаборатории по исследованию волос и волокон, в котором приводился анализ светло-русых волос с подушки Уоррена Хойта.

«*Trichorrhexis invaginata*, совпадающий с образцом волоса, найденного в ране жертвы Елены Ортис». Здорово. Подтверждение, что Хойт был тем, кого они искали.

Риццоли перевернула страницу. Далее шел отчет из той же лаборатории по волосу, изъятому с пола ванной Хойта. Этот волос был явно чужой.

Она закрыла папку и направилась в лабораторию.

Эрин Волчко сидела перед призмой, просматривая серию микроснимков. Когда Риццоли вошла в лабораторию, Эрин протянула ей фото и спросила:

— Что это? Быстро!

Риццоли нахмурилась, разглядывая черно-белый снимок с изображением чешуйчатой полоски.

— Уродство какое-то.

— Да, но что это?

— Возможно, что-то от насекомого. Тараканья лапа.

— Это волос оленя. Здорово, правда? Он совсем не похож на человеческий.

— Кстати, о человеческих. — Риццоли протянула ей отчет, который только что прочитала. — Ты не можешь рассказать мне подробнее?

— Это тот, что из квартиры Уоррена Хойта?

— Да.

— Короткие светло-русые волосы с подушки Хойта показывают *Trichorrhaxis invaginata*. Похоже, это ваш неизвестный.

— Нет, меня интересует другой волос. Черный, найденный на полу в ванной.

— Давай-ка я покажу тебе фото. — Эрин порылась в стопке микроснимков. Она тасовала их словно карточную колоду, и вскоре вытащила нужный. — Вот этот волос из ванной. Видишь цифровые коды?

Риццоли посмотрела на листок бумаги, исписанный почерком Эрин. «A00-B00-C05-D33».

— Да. Знать бы еще, что это такое, — сказала она.

— Первые два кода — A00 и B00 — показывают, что волос прямой и черный. Под микроскопом можно увидеть и другие детали. — Она протянула Риццоли снимок. — Посмотри на стержень. Это на толстой стороне. Видишь, поперечное сечение почти круглое?

— Ну и что это значит?

— Это единственная деталь, позволяющая нам различать расы. Волосяной стержень у африканца, к примеру, почти плоский, как тесьма. А теперь посмотри на пигментацию, и ты заметишь, что она очень плотная. Видишь толстую кутикулу? Все это говорит в пользу одного и того же вывода. — Эрин взглянула на нее. — Этот волос характерен для уроженца Восточной Азии.

— Кого ты имеешь в виду, говоря о Восточной Азии?

— Китайца или японца. Или выходца из Индии. Не исключено также, что это коренной американский индеец.

— А это можно подтвердить? И достаточно ли этого образца, чтобы определить ДНК?

— К сожалению, нет. Волос был срезан, а не выпал естественным путем. На нем нет фолликулярной ткани. Но я уверена, что он принадлежит

не европейцу и не африканцу.

Женщина-азиатка, думала Риццоли, возвращаясь к себе. Как это связать с делом? В застекленном коридоре, ведущем в северное крыло, она остановилась и, щурясь от солнца, посмотрела в окно на окрестности Роксбери. Была ли это жертва, труп которой еще не найден? Или Хойт срезал ее волосы в качестве сувенира, как однажды проделал это с волосами Кэтрин Корделл?

Она обернулась и удивилась, увидев Мура, который направлялся в южное крыло. Он бы так и не заметил ее, если бы она его не окликнула.

Он остановился и неохотно повернулся к ней.

— Тот длинный черный волос, найденный на полу ванной Хойта, — сказала она. — Лаборатория подтверждает, что он принадлежит азиатской женщине. Возможно, есть еще одна жертва.

— Мы обсуждали это.

— Когда?

— Сегодня утром, на совещании.

— Черт возьми, Мур! Не обращайтесь со мной как с балластом!

Его холодное молчание было резким контрастом ее эмоциональной вспышке.

— Я тоже хочу достать его, — выпалила Риццоли. Медленно, неумолимо она приблизилась к нему, встав почти вплотную. — Я хочу достать его не меньше, чем ты. Позволь мне вернуться.

— Это не мое решение, а Маркетта. — Он отвернулся, намереваясь уйти.

— Мур!

Он нехотя остановился.

— Я так не могу, — сказала она. — Эта наша вражда... я не вынесу.

— Сейчас не время говорить об этом.

— Послушай, я виновата. Я очень разозлилась на тебя из-за Пачеко. Я понимаю, что это слабое объяснение моему поступку. И не снимает с меня вины за то, что я рассказала Маркетту про вас с Корделл.

Он повернулся к ней.

— Зачем ты это сделала?

— Я только что сказала, зачем. Я злилась.

— Нет, дело не в Пачеко. Все это из-за Кэтрин, не так ли? Ты с самого первого дня невзлюбила ее. Ты не могла смириться с тем, что...

— Что ты в нее влюблен?

Повисла долгая пауза.

Когда Риццоли заговорила, она не могла удержаться от сарказма:

— Знаешь, Мур, сколько бы ты ни распространялся насчет женского ума, женских способностей, ты все равно падок на то, на что западают все мужчины. На сиськи и задницу.

Он побелел от злости.

— Значит, ты ненавидишь ее за внешность. И злишься из-за того, что мне это нравится. Знаешь, что я тебе скажу, Риццоли? Какому мужику можешь понравиться ты, если сама себе не нравишься?

Она с горечью смотрела ему вслед. Еще недавно она бы ни за что не поверила, что Мур может произнести такие жестокие слова. Слышать их от него было вдвойне больнее, чем от кого бы то ни было.

И еще горше было сознавать, что, возможно, он сказал правду, в которой она не смела себе признаться.

Внизу, в вестибюле, она остановилась возле мемориальной доски в память погибших полицейских Бостона. Их имена были выгравированы в алфавитном порядке, начиная с Эзекиля Годсона, погибшего в 1854 году. На полу стояла ваза с цветами. Будешь убит на боевом посту — станешь героем. Как просто, как очевидно. Риццоли ничего не знала о тех людях, имена которых стали бессмертными. Знала только одно: возможно, и среди них были нечистоплотные полицейские, но смерть стерла все пятна с их имен и репутаций. Стоя сейчас перед этой плитой, она почти завидовала им.

Она вышла из здания и подошла к своей машине. Порывшись в бардачке, нашла карту Новой Англии. Разложив ее перед собой на сиденье, она отыскиала уже знакомые названия и задумалась, какое выбрать первым: Нэшua, штат Нью-Гемпшир, или Литию, на западе Массачусетса. Уоррен Хойт пользовался банкоматом в обоих городах. Осталось только подбросить монетку.

Риццоли завела двигатель. Было десять-тридцать утра; до Литии она добралась лишь к полудню.

* * *

Вода. Это все, о чем могла думать Кэтрин. Ее прохладный чистый вкус мерещился ей как в бреду. Она думала обо всех фонтанах, которые могла бы сейчас осушить, вспоминала умывальники в больничных коридорах, из кранов которых текли ледяные струи, обжигающие губы, подбородок. Она думала о ледяных компрессах, о пациентах, которые после операции жадно тянули шеи и разжимали свои спекшиеся губы, только чтобы получить

заветные капли жидкости.

И еще она думала о Нине Пейтон, связанной в своей спальне, сознающей приближение собственной смерти и все равно мечтающей только об утолении жажды.

«Вот как он мучает нас. Вот как ломает. Он хочет, чтобы мы умоляли дать глоток воды, чтобы умоляли о спасении. Ему нужен полный контроль. Он добивается признания своей власти».

Всю ночь Кэтрин лежала, созерцая горящую лампочку. Несколько раз она проваливалась в сон, только чтобы проснуться в панике. Но паника не бывает долгой, и со временем, когда ее тело уже не могло сражаться с тугими оковами, она погрузилась в состояние лихорадочного возбуждения. Она находилась в каком-то кошмаре между забвением и реальностью, и все ее мысли были подчинены только жажде.

Скрипнули половицы. Дверь в подвал распахнулась.

Она резко очнулась от забытья. Сердце застучало так сильно, что, казалось, еще немного, и оно выпрыгнет из груди. Она вдыхала холодный воздух подвала, пропитанный запахами земли и сырого камня. Дыхание сбилось, когда шаги приблизились и она увидела его, нависающего над кроватью. Свет от одинокой лампочки отбрасывал тень на чужое лицо, и оно стало похожим на улыбающийся череп с пустыми глазницами.

— Хочешь пить, да? — сказал он. Какой тихий голос. Какой вкрадчивый.

Она не могла говорить из-за клейкой ленты на губах, но он прочитал ответ в ее безумном взгляде.

— Посмотри, что у меня есть, Кэтрин. — Он протянул ей бутылку, и она расслышала, как звенят в ней кубики льда, а на запотевшем стекле выступили капельки воды. — Хочешь глотнуть?

Она кивнула, глядя не на него, а на бутылку. Жажда сводила ее с ума, но она уже думала о том, что будет дальше, после этого драгоценного глотка. Планировала свои действия, взвешивала шансы.

Он налил воду в стакан.

— Только если будешь хорошо себя вести.

«Я буду», — пообещали ее глаза.

Было больно, когда он сдирал с губ ленту. Кэтрин лежала покорная, подставив рот соломинке, через которую должна была пролиться влага. Она жадно глотнула, но это была всего лишь тонкая струйка, едва смочившая ее воспаленное от сухости горло. Она сделала еще глоток и сразу закашлялась, а драгоценная жидкость пролилась мимо рта.

— Не могу... не могу пить лежа, — едва прошептала она. —

Пожалуйста, дай мне сесть. Пожалуйста.

Он отставил стакан и уставился на нее своими бездонными глазницами. Перед ним была женщина на грани обморока. Женщина, которую нужно было оживить, если он хотел получить полное удовольствие.

Он начал срезать ленту, которой были привязаны к кровати ее запястья.

Сердце так колотилось — она испугалась, что он заметит это. Правая рука освободилась и безжизненной плетью упала на кровать. Кэтрин не шевелилась, не напрягала ни единый мускул.

Повисла бесконечная пауза.

«Ну, давай же. Отвязывай левую руку. Режь!»

Она слишком поздно заметила, что сдерживает дыхание, и это не ускользнуло от его внимания. В отчаянии она расслышала, как хрустит клейкая лента, которую он заново отматывал.

«Сейчас или никогда».

Она вслепую потянулась к лотку с инструментами, и стакан с водой упал на пол. Ее пальцы сомкнулись на стальной рукоятке. Скальпель!

В то же мгновение, когда он бросился на нее, она взмахнула скальпелем и полоснула по коже.

Он отлетел в сторону и взвыл, схватившись за руку.

Она метнулась влево, срезала скальпелем ленту с другого запястья. Еще одна рука свободна!

Кэтрин резко села, и взгляд ее внезапно затуманился. Сказывался день без воды, и она никак не могла сфокусировать взгляд, чтобы направить лезвие скальпеля. Она махнула им вслепую, и щиколотку пронзила острая боль. Еще один удар ножом — правая нога была освобождена.

Она потянулась к последнему узлу.

Тяжелый ретрактор ударил ее в висок, так что она едва не потеряла сознание.

Второй удар пришелся на щеку, и она расслышала, как хрустнула кость.

Она не помнила, как выронила скальпель.

Когда к ней вернулось сознание, лицо пульсировало от жуткой боли, а правый глаз не видел. Кэтрин попыталась шевельнуться, но запястья и щиколотки вновь были привязаны к стойкам кровати. Рот еще не был заклеен.

Он стоял над ней. Она видела пятна крови на его рубашке. «Его крови», — подумала она с удовлетворением. Жертва показала клыки.

«Меня не так легко покорить. Он питается страхом; от меня он этого не дождется».

Он взял с лотка скальпель и приблизился к ней. Хотя сердце бешено билось, она лежала смирно, не сводя с него глаз. Словно дразнила его, насмеялась над ним. Теперь она знала, что смерть неизбежна, и с осознанием этого пришло ощущение свободы. Это была храбрость приговоренного. Два года она покорно бродила в стаде. Два года позволяла призраку Эндрю Капры распоряжаться ее жизнью. Все, довольно.

«Ну давай, режь меня. Но ты все равно не победишь. Я умру непокоренной».

Он коснулся лезвием ее живота. Мышцы невольно напряглись. Он все ждал, когда на лице ее покажется страх.

Но по-прежнему видел лишь вызов.

— Что, не можешь сделать это без Эндрю? — сказала она. — У тебя даже не встает без его помощи. Эндрю трахал один за двоих. А ты мог только наблюдать.

Он нажал на лезвие, прокалывая кожу. Даже сквозь боль, сквозь первые капли крови она все равно смотрела на него без страха, лишая его удовольствия.

— Ты ведь даже бабу не можешь трахнуть! Нет, это должен был делать твой кумир Эндрю. Но он тоже был слабак.

Скальпель дрогнул в его руке. Завис над животом. Она видела его перед собой в тусклом свете.

«Эндрю. Ключ — в Эндрю. Это его кумир. Его бог».

— Слабак. Эндрю был слабак, — продолжала она. — Ты знаешь, зачем он приходил ко мне в ту ночь? Он приходил умолять меня.

— Нет. — Слово прозвучало еле слышным шепотом.

— Он просил, чтобы я не выгоняла его. Умолял меня. — Она рассмеялась. Ее хриплый смех казался странным в этом царстве смерти. — Как он был жалок! Да, твой Эндрю, твой герой. Умолял меня помочь ему.

Рука его впилась в скальпель. Лезвие опять легло на живот, и свежая кровь потекла на постель. Усилием воли она заставила себя не поморщиться, не крикнуть. Вместо этого она продолжала говорить, и с каждым словом ее голос звучал все увереннее, как будто это она держала скальпель.

— Он рассказывал мне о тебе. Ты ведь этого не знал, правда? Он сказал, что ты даже заговорить с женщиной не можешь, такой ты трус. Ему самому приходилось находить их для тебя.

— Лгунья.

— Ты был для него ничто. Просто паразит. Пиявка.

— Лгунья!

Лезвие вонзилось в кожу, и, как она ни сопротивлялась этому, из ее горла вырвался крик.

«Ты все равно не победишь, сукин сын. Потому что я больше не боюсь тебя. Я ничего не боюсь».

Она широко открыла глаза, в которых пламенел вызов, и не сводила с него взгляд, пока он не начал делать следующий надрез.

Глава 25

Риццоли стояла перед рядами с сухими тортами, задаваясь вопросом, сколько же коробок с такой гадостью хранилось на этих полках. Супермаркет «Хоббз-Фуд-Март» оказался вонючей бакалейной лавкой, типичным семейным заведением, если только представить себе, что в роли его хозяев выступают жирные злодеи, готовые травить школьников испорченным молоком. «Папой» был Дин Хоббз, старый янки с подозрительным взглядом, придирчиво рассматривающий банкноты, прежде чем принять их к оплате. Он жадно сгреб мелочь в кассу и сердито пробил чек.

— Я не слежу, кто пользуется банкоматом, — сказал он Риццоли. — Его здесь поставил банк для удобства моих клиентов. Я к нему не имею никакого отношения.

— Наличные были сняты в мае. Двести долларов. У меня есть фотография человека, который...

— Я уже все сказал тому полицейскому из управления штата. То было в мае. А сейчас август. Думаете, я помню кого-то из клиентов, кто приходил в мае?

— Так здесь была полиция? — удивилась Риццоли.

— Сегодня утром, задавали те же вопросы. Вы что, копы, не общаетесь друг с другом?

Выходит, сделки с наличностью уже были отслежены полицией штата. Черт, она зря теряет здесь время.

Взгляд господина Хоббза метнулся в сторону подростка, который изучал полку с конфетами.

— Эй, ты собираешься платить за «сникерс»?

— Мм... да.

— Тогда, может, вытащишь его из кармана, а?

Мальчишка положил батончик обратно на полку и выбежал из магазина.

— За этим парнем глаз да глаз, — фыркнул Дин Хоббз.

— Вы его знаете? — спросила Риццоли.

— Знаю его родителей.

— А остальных посетителей? Вы, наверное, знаете большинство из них?

— А вы вообще-то видели наш город?

— Мельком.

— Вот именно мельком можно разглядеть всю Литию. Тысяча двести жителей. И смотреть-то нечего.

Риццоли достала фотографию Уоррена Хойта. Это был лучший вариант, который им удалось раздобыть, фотография двухлетней давности с его водительского удостоверения. Он смотрел прямо в объектив — узколицый молодой мужчина с аккуратной стрижкой и странной улыбкой. Хотя Дин Хоббз наверняка уже видел эту фотографию, она все-таки еще раз показала ее.

— Его зовут Уоррен Хойт.

— Да, я видел это фото, — сказал Хоббз. — Полицейский из штата показывал.

— Вы его узнаете?

— Сегодня утром не узнал. И сейчас не узнаю.

— Вы уверены?

— Разве я говорю недостаточно убедительно?

Тут он был прав. Говорил он тоном человека, не привыкшего менять собственное мнение.

Колокольчик возвестил о приходе нового посетителя, и в магазин зашли две девочки-подростка, блондиночки, с длинными голыми ногами и в коротких шортах. Дин Хоббз сразу же переключил свое внимание на них, пока они, хихикая, удалялись в дальний конец прилавков.

— Как они подросли, — пробормотал он удивленно.

— Господин Хоббз.

— Да?

— Если вы увидите этого человека, я прошу вас сразу же позвонить мне. — Риццоли протянула ему свою визитную карточку. — Мне можно звонить в любое время суток. На пейджер или на сотовый.

— Да, да.

Девочки, уже с пакетом картофельных чипсов и упаковкой из шести банок диетической пепси, подошли к кассе. Они стояли во всем своем подростковом великолепии — без лифчиков, соски отчетливо проступали сквозь тонкие маечки. Дин Хоббз пускал слюни, и Риццоли решила, что он уже забыл о ее существовании.

«Вот моя участь. Появляются смазливые девицы, и я становлюсь невидимкой».

Она вышла из магазина и вернулась к машине. На солнце салон нагрелся, так что ей пришлось постоять рядом, открыв дверцу. На главной улице Литии было безлюдно. Она увидела газозаправочную станцию,

хозяйственный магазин, кафе, но не заметила ни одного жителя. Жара загнала людей в дома, и на улице стоял гул от работающих кондиционеров. Даже в малоэтажной Америке уже никто не сидел на открытом крыльце. Чудо кондиционирования превратило его в нерентабельную пристройку.

Она услышала, как хлопнула дверь магазина, и две девчушки лениво выползли на солнце. Пожалуй, они были единственными живыми существами в этом городке. Когда они шли по улице, Риццоли заметила, что в окне одного из домов шелохнулась штора. В маленьких городах люди многое замечают. И уж точно не пропускают хорошеньких девушек.

Интересно, заметят ли они, если кто-то из них пропадет?

Риццоли захлопнула дверцу машины и вернулась в магазин.

Господин Хоббз копался в овощном ряду, ловко закапывая кочаны свежего салата и выставляя в первый ряд заветренный товар.

— Господин Хоббз!

Он обернулся.

— Это опять вы?

— Еще один вопрос.

— Не уверен, что у меня найдется ответ.

— В этом городе проживают женщины-азиатки?

Этого вопроса он никак не ожидал и потому смотрел на нее озадаченно.

— Что?

— Ну, японки или китаянки. А может, индейского происхождения.

— У нас есть пара чернокожих семей, — предложил он, как будто они могли сойти вместо азиатов.

— Возможно, такая женщина пропала. У нее длинные черные волосы, очень прямые, до плеч.

— Вы говорите, она азиатка?

— Или из индейцев.

Он рассмеялся.

— Ну, эта, я думаю, вам не подойдет.

Риццоли встрепенулась. Хоббз отвернулся к овощной полке и принялся выкладывать старые цуккини поверх свежих.

— Кто она, господин Хоббз?

— Не азиатка, это уж точно. И не из индейцев.

— Вы ее знаете?

— Видел здесь пару раз. Она арендует на лето старую ферму «Стерли». Высокая такая. Но не то чтобы хорошенькая.

Да, иначе бы он отметил это.

— Когда вы видели ее в последний раз?
Он обернулся и крикнул:
— Эй, Маргарет!
Открылась задняя дверь, и вышла госпожа Хоббз.
— Чего тебе?
— Ты не возила продукты на ферму «Стерди» на прошлой неделе?
— Возила.
— Та девчонка была на месте?
— Да, она заплатила мне.
— Вы ее видели после этого, госпожа Хоббз? — спросила Риццоли.
— Нет. Зачем мне она?
— А где находится эта ферма?
— Там, на Уэст-Форк. Последний дом у дороги.
Риццоли посмотрела на сигнал пейджера.
— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросила она. — У моего сотового села батарейка.
— Надеюсь, это не междугородный звонок?
— В Бостон.
Хозяин фыркнул и отвернулся к своим овощам.
— Платный телефон на улице.
Выругавшись про себя, Риццоли вновь вышла на раскаленную улицу, отыскивала таксофон и опустила монеты в прорезь.
— Детектив Фрост.
— Ты мне звонил на пейджер.
— Риццоли? Что ты делаешь в западном Массачусетсе?
Она с досадой подумала о том, что ее местонахождение стало известно по определителю номера.
— Решила прокатиться, — язвительно ответила она.
— Ты все-таки занимаешься этим делом?
— Просто выясняю кое-какие моменты. Ничего серьезного.
— Черт, если... — Фрост вдруг понизил голос. — Если Маркетт узнает...
— Но ты ведь ему не скажешь?
— Нет, конечно. Но ты все равно возвращайся. Он тебя разыскивает и страшно зол.
— Мне еще нужно проверить здесь один адрес.
— Послушай, Риццоли. Оставь ты это, или рискуешь вообще вылететь из управления.
— Разве ты не видишь сам? Я и так почти вылетела. Меня уже

задолбали! — Еле сдерживая слезы, она повернулась навстречу горячему ветру, гонявшему пыль по пустынной улице. — Он — это все, что у меня есть. Хирург. Мне остается только поймать его.

— Из полиции штата там уже были. Вернулись с пустыми руками.

— Я знаю.

— Тогда что ты там делаешь?

— Задаю вопросы, которые не задали они. — Она повесила трубку, вернулась в машину и отправилась на поиски черноволосой женщины.

Глава 26

Ферма «Стерли» оказалась единственным строением в конце длинной грязной дороги. Это был старый дом с белой облупившейся краской и крыльцом, посреди которого были навалены дрова.

Риццоли какое-то время сидела в машине, чувствуя себя полностью разбитой. Она была деморализована столь плачевным окончанием своей карьеры: одна на грязной дороге, в размышлениях о бесполезности своих усилий. Ей не хотелось подниматься по этим ступенькам, стучаться в эту дверь. Беседовать с ошалевшей женщиной, у которой случайно оказались черные волосы. Она вспомнила Эда Гейгера, еще одного бостонского полицейского, который однажды вот так же остановился на грязной дороге и решил в свои сорок девять лет, что наступил конец его жизненного пути. Риццоли была первым детективом, прибывшим на место происшествия. Когда другие полицейские толпились возле машины с залитым кровью лобовым стеклом, качали головами и сокрушались о бедном Эде, Риццоли не испытывала ни малейшего участия к полицейскому, решившемуся прострелить себе башку.

«А ведь это так легко», — подумала она, вдруг вспомнив о своем оружии. Это был не служебный пистолет, а ее личный, который она прихватила из дома. Оружие может быть и лучшим другом, и злейшим врагом. Иногда и тем, и другим одновременно.

Но она не была Эдом Гейгером и не собиралась так просто сдаваться. Заглушив двигатель, она нехотя вышла из машины, чтобы продолжить работу.

Риццоли была городской жительницей, и тишина здешних мест казалась ей странной. Она поднялась на крыльцо, и каждый скрип половиц воспринимался ею как чудо. Мухи кружились у нее над головой. Она постучала в дверь, подождала. Дернула ручку двери и обнаружила, что она заперта. Она постучала еще раз, потом крикнула, причем голос ее прозвучал на удивление громко.

— Есть тут кто-нибудь?

Теперь на нее обрушились москиты. Она хлопнула себя по щеке и увидела на ладони кровь. К черту эту сельскую жизнь; по крайней мере в городе кровопийцы были о двух ногах, и ты мог видеть их приближение.

Она снова громко постучала в дверь, прихлопнула еще несколько москитов и тяжело вздохнула. Похоже, дома никого не было.

Риццоли обошла дом сзади, выискивая следы насильственного вторжения, но все окна были закрыты, решетки на месте. Окна располагались достаточно высоко над землей, и залезть в них без лестницы было невозможно. Дом стоял на высоком каменном фундаменте.

Она отошла от дома и оглядела задний двор. Здесь находился старый амбар и пруд, поросший травой. Одинокая дикая утка лениво рассекала стоячую воду — наверное, отбилась от стаи. В саду тоже не просматривались признаки человеческих усилий — трава была по пояс, а москитов тучи.

К амбару вели следы протекторов. Трава была примята недавно проехавшей машиной.

Осталось проверить последнее местечко.

Риццоли проследовала по тропе к амбару и остановилась. У нее не было ордера на обыск, но кто узнает? Она просто посмотрит, нет ли внутри машины.

Она схватилась за ручки и распахнула тяжелые двери.

В амбар ворвался солнечный свет, прорезал темноту и разбудил полчища ночных бабочек. Риццоли оцепенела, увидев прямо перед собой автомобиль.

Это был желтый «Мерседес».

Ледяной пот выступил на ее лице. И такая вдруг разлилась тишина вокруг — разве что жужжали мухи.

Она не помнила, как расстегнула кобуру и вытащила пистолет. Просто осознала, что он оказался в руке, когда двинулась к машине. Она заглянула в водительское окошко и убедилась, что за рулем никого нет. Потом оглядела салон, и взгляд ее задержался на переднем пассажирском сиденье, где валялось что-то черное. Парик.

«Откуда поступают волосы для изготовления черных париков? С Востока. Женщина с черными волосами».

Она вспомнила видеозапись, сделанную камерой наблюдения в больнице в день убийства Нины Пейтон. Ни на одной из пленок они не увидели Уоррена Хойта, прибывшего в пятый корпус.

«Потому что он поднялся на этаж как женщина, а возвращался как мужчина».

И тут раздался крик.

Риццоли метнулась к дому, чувствуя, как забилось сердце.

«Неужели Корделл?»

Она мчалась сквозь заросли травы, напрямик к задней двери дома.

Заперто.

Она отступила на шаг, оглядев и дверь, и раму. Для вышибания дверей требовалась не столько физическая сила, сколько энергетика, подкрепленная адреналином. Будучи новичком, да к тому же единственной женщиной в команде, Риццоли уже приходилось однажды выполнять приказ выбить дверь в квартиру подозреваемого. Это было испытанием на прочность, и коллеги-мужчины ожидали и даже надеялись, что она провалит его. Пока они стояли в предвкушении ее позора, Риццоли собрала всю свою ярость и обрушила ее на дверь. Двумя резкими пинками она вышибла ее и заслужила одобрительные аплодисменты.

И вот сейчас она пребывала в таком же состоянии. Прицелившись, Риццоли три раза выстрелила в замок. Потом резко ударила ботинком по двери. Дерево хрустнуло. Она снова ударила. На этот раз дверь подалась, и она влетела внутрь, держа оружие наготове. Огляделась по сторонам. Кухня. Жалюзи были опущены, но света оказалось достаточно, чтобы увидеть, что там никого нет. Грязная посуда в раковине. Жужжащий холодильник.

«Здесь ли он? Может, в соседней комнате поджидает меня?»

Черт, надо было надеть жилет. Но она не ожидала такого поворота событий.

Пот струился по ней градом, затекая под спортивный бюстгальтер. Она заметила на стене телефонный аппарат. Сняла трубку. Гудка не было. Шанса вызвать подкрепление тоже.

Риццоли оставила трубку висеть и подкралась к двери следующей комнаты. Здесь была гостиная, обставленная потертым диваном и несколькими стульями.

Где же Хойт? Где он?

Она двинулась дальше. На полпути она замерла, испугавшись вибрации собственного пейджера. Черт! Риццоли отключила его и продолжила путь.

В холле она остановилась. Входная дверь была настежь распахнута.

«Ушел».

Она вышла на крыльцо. Не обращая внимания на москитов, она осмотрела двор, выглянула на дорогу, где стояла ее машина, отметила густые заросли травы и протянувшуюся невдалеке кромку леса. Слишком много мест, где можно укрыться. Пока она, как последняя идиотка, ломала заднюю дверь, он выскользнул из дома и удрал в неизвестном направлении.

«Корделл в доме. Ищи ее».

Риццоли вернулась в дом и поспешила к лестнице. Наверху было душно, и она взмокла, пока осмотрела три спальни, ванную и гардеробные.

Корделл нигде не было.

Господи, она же здесь задохнется от жары.

Она спустилась вниз, и от воцарившейся в доме тишины ей стало не по себе. Она вдруг поняла, что Корделл уже мертва. Что вопль, который она слышала, находясь в амбаре, был предсмертным — последний звук, вырвавшийся из умирающего горла.

Она вернулась на кухню. Из окна над раковиной хорошо просматривался амбар.

«Он увидел меня, когда я шла через заросли травы к амбару. Видел, как я открывала двери. Он знал, что я найду „Мерседес“. И понял, что время пришло. Тогда он прикончил свою жертву и сбежал».

Холодильник дернулся и замер. Она услышала собственное дыхание, которое показалось ей барабанной дробью.

Обернувшись, она увидела дверь, ведущую в подвал. Это было единственное место, которое она еще не обыскала.

Она открыла дверь и увидела темноту под ногами. О черт, как же она ненавидела это — спускаться по ступеням навстречу ужасу. Она не хотела идти, но понимала, что там, внизу, лежит Корделл.

Риццоли полезла в карман за фонариком. Следуя за его тонким лучиком, она спустилась на одну ступеньку, потом на следующую. Воздух становился все более прохладным и сырым.

Она почувствовала запах крови.

Что-то прошелестело прямо перед ее лицом, и она в ужасе отпрянула. Потом вздохнула с облегчением, когда в свете фонаря увидела свисающую с потолка цепочку выключателя. Она протянула к ней руку и дернула. Свет не зажегся.

Ладно, обойдемся фонариком.

Она вновь направила луч фонаря на ступени и продолжила спуск, крепко прижимая к себе пистолет. После одуряющей жары в прохладном подвале ее начал бить озноб, и холодный пот выступил на коже.

Риццоли дошла до последней ступеньки и встала на сырую землю. Здесь было еще холоднее, а запах крови ощущался все сильнее. Воздух был густым и влажным. И тишина как в склепе. Самым громким звуком было ее дыхание, со свистом вырывающееся из легких.

Она посветила фонариком в арку и едва не вскрикнула, когда на нее уставилось собственное отражение. Она стояла с оружием в руке, оцепенев от ужаса, постепенно осознавая, что видит прямо перед собой.

Стеклянные сосуды. Огромные аптекарские сосуды, выстроенные в ряд на полке. Ей не нужно было смотреть, что плавает внутри, она и так

знала.

«Его сувениры».

Всего было шесть сосудов, каждый под своим именем. Жертв оказалось больше, чем им было известно.

Последний сосуд стоял пустым, но имя уже было обозначено на этикетке. Контейнер ждал своего приза. Лучшего из всех призов.

«Кэтрин Корделл».

Риццоли резко обернулась, и луч фонарика заплясал по потолку, стенам, выхватывая из темноты массивные колонны и камни фундамента. Наконец он замер в дальнем углу. На стене темнело пятно.

Кровь.

Она посветила туда, и свет упал на тело Корделл, привязанное к кровати. На нем блестела свежая кровь. На белом бедре алела отметина, как будто оставленная ладонью Хирурга. Возле кровати стоял лоток с инструментами — набор пыточных приспособлений.

«О Боже! Я ведь могла тебя спасти...»

Обезумев от ярости, она посветила фонариком вдоль окровавленного тела. На шее не было зияющей раны от смертельного удара.

Луч света, казалось, дрогнул. Нет, дрогнул не свет, а грудь Корделл!

«Она еще дышит».

Риццоли сорвала скотч с губ Корделл и почувствовала ее теплое дыхание. Увидела, как дрогнули ее веки.

«Слава Богу, жива!»

Одновременно с дикой радостью пришло вдруг ощущение: что-то не так. Но думать об этом было некогда. Она должна вытащить отсюда Корделл.

Зажав фонарик в зубах, она быстро перерезала ленту на запястьях Корделл и нащупала пульс. Пульс был — слабый, но определенно был.

И все-таки она не могла избавиться от неприятного ощущения тревоги. Даже когда освобождала от оков щиколотки Корделл, в голове вертелась неясная навязчивая мысль. И наконец она поняла, в чем дело.

Тот крик. Она слышала крик Корделл, когда была в амбаре.

Но у Корделл рот был заклеен скотчем.

«Он сорвал его. Он хотел, чтобы она закричала. Он хотел, чтобы я услышала этот крик. Ловушка!»

В тот же миг рука ее потянулась к пистолету, который она положила на кровать. Но дотянуться она не успела.

Прямо в висок обрушился удар такой силы, что она тут же распласталась на земляном полу. Она отчаянно пыталась встать на

четвереньки, но безуспешно.

Последовал новый удар, заваливший ее на бок. Риццоли услышала, как хрустнули ребра, и от боли перехватило дыхание. Она опрокинулась на спину, чувствуя, что задыхается.

Над головой зажегся свет — одинокая лампочка болталась под потолком.

Он стоял над ней, и его лицо вырисовывалось черным овалом. Это был Хирург, обозревающий свою новую добычу.

Она перекатилась на другой бок и все-таки попыталась приподняться.

Он пихнул ее ногой, и она снова завалилась на спину. Удар пришелся на сломанные ребра, и она взывала в агонии боли, больше уже не в силах шевельнуться. Даже когда увидела занесенный над головой ботинок.

Подошвой он пригвоздил ее руку к полу.

Она закричала.

Хирург потянулся к лотку с инструментами и взял скальпель.

«Нет! Господи, только не это!»

Он склонился на ней, ботинком все еще прижимая ее руку к полу, и занес скальпель. Потом безжалостно полоснул им по ее раскрытой ладони.

Она издала дикий вопль, когда сталь пронзила руку насквозь, пригвождая ее к земле.

Он схватил следующий скальпель. Взял ее правую руку и так же придавил к полу подошвой. И снова занес нож над головой. А потом опустил, прорезая и плоть, и землю.

На этот раз крик вырвался слабый. Это был, скорее, стон побежденного.

Он поднялся и какое-то время любовался ею, как любителю коллекционер, прищипливая очередную бабочку к доске.

Потом подошел к лотку с инструментами и взял третий скальпель. Распластанная на земле, пригвожденная к ней, Риццоли могла только наблюдать и ждать финального акта. Он обошел ее сзади и опустился на корточки. Схватил за волосы и грубо задрал ей голову, обнажая шею. Теперь она смотрела прямо на него, и его лицо стало не просто черным овалом. Оно превратилось в черную дыру. Она чувствовала, как пульсирует на ее горле сонная артерия, в такт биению сердца. Кровь жила своей жизнью, путешествуя по артериям и венам. Ей оставалось лишь гадать, как долго она продержится в сознании. И будет ли смерть постепенным погружением в темноту. Она уже понимала ее неизбежность. Всю свою жизнь она оставалась борцом, всю жизнь сопротивлялась поражению, но на этот раз ей не повезло. Ее шея была безжалостно подставлена холодному

орудию убийцы. Она видела его сверкающее лезвие и зажмурилась, когда оно коснулось кожи.

«Боже, сделай так, чтобы все прошло быстро!»

Она услышала, как он сделал подготовительный вдох, и почувствовала его зверскую хватку на своих волосах.

Грохот выстрела был для нее шоком.

Она распахнула глаза. Он все еще сидел на корточках возле нее, но уже не держал ее за волосы. Скальпель выпал из его рук. Что-то теплое капнуло ей на лицо. Кровь.

Не ее кровь, его.

Он завалился на бок и исчез из поля ее зрения.

Уже смирившись с близкой смертью, Риццоли никак не могла поверить в то, что будет жить. Она с трудом пыталась понять суть происходящего. Она видела покачивающуюся над головой лампочку. По стене двигались какие-то тени. Повернув голову, она увидела руку Кэтрин Корделл, вяло опустившуюся на кровать.

Увидела пистолет, выпавший из ее руки.

Где-то вдалеке выла сирена.

Глава 27

Риццоли сидела на больничной койке перед экраном телевизора. Ее руки были так основательно забинтованы, что издали напоминали боксерские перчатки. На голове было выбрито большое пятно — в этом месте доктора накладывали черепные швы. Она возилась с пультом телевизора и не сразу заметила, что в дверях стоит Мур. Он постучал. Когда она обернулась, он на мгновение увидел в ней слабую беззащитную женщину. Впрочем, она тут же нацепила маску независимости и стала прежней Риццоли, настороженно наблюдающей за тем, как он прошел в палату и сел на стул.

На экране телевизора мелькали кадры очередной мыльной оперы.

— Ты не можешь выключить эту пошлятину? — раздраженно бросила она и указала перебинтованной рукой на пульт управления. — У меня не получается нажать на кнопку. Они, наверное, думают, что я могу переключать носом или еще чем-нибудь.

Он взял пульт и выключил телевизор.

— Спасибо тебе, — фыркнула она. И поморщилась от боли в трех сломанных ребрах.

С выключенным телевизором стала заметной долгая пауза, повисшая между ними. Из коридора доносились крики врачей и грохот тележек, развозивших еду.

— За тобой здесь хорошо ухаживают? — спросил он.

— Вполне прилично для сельской больницы. Может, даже лучше, чем в городе.

В то время как Кэтрин и Хойт были доставлены самолетом в медицинский центр «Пилгрим» в Бостон в связи с их тяжелыми ранениями, Риццоли поместили в местную больницу. Несмотря на удаленность от города, почти все детективы из отдела убийств уже совершили паломничество в эти края, чтобы повидать коллегу.

И все приносили цветы. Букет роз от Мура затерялся среди ваз, расставленных по всей палате.

— Ого! — произнес он. — Я смотрю, у тебя много поклонников.

— Да. Не верится? Даже Кроу прислал букет. Вон те лилии. Думаю, он этим пытается мне что-то сказать. Тебе не кажется, что это на тему похорон? А видишь те чудные орхидеи? Это от Фроста. Черт возьми, это я должна была послать ему цветы в знак благодарности за спасение.

Именно Фрост позвонил в полицию штата и вызвал подкрепление. Когда Риццоли отключила пейджер, он связался с Дином Хоббзом и узнал о ее передвижениях. В частности, о том, что она поехала на ферму «Стерди» разыскивать женщину с черными волосами.

Риццоли продолжала инвентаризацию своего цветочного фонда.

— А вот эта огромная ваза с тропическими растениями от семьи Елены Ортис. Гвоздики прислал Маркетт, скупердьяй. А жена Слипера принесла вот этот гибискус.

Мур изумленно качал головой.

— Ты все это запомнила?

— Да, конечно, ведь мне никто никогда не дарил цветы. Я буду помнить этот момент всю жизнь.

В ней опять проступила уязвимость. И еще он заметил, что ее темные глаза как-то особенно блестят. Она была в синяках, в бинтах, с уродливой лысиной на голове. Но, абстрагируясь от недостатков в ее внешнем облике, не замечая квадратной челюсти и выпирающего лба, можно было увидеть ее красивые глаза.

— Я только что разговаривал с Фростом. Он сейчас в «Пилгриме», — сказал Мур. — Говорит, что Хойт будет жить.

Она промолчала.

— Сегодня утром ему провели экстубацию гортани. У него до сих пор трубка в груди, поскольку повреждено легкое. Но дышит он самостоятельно.

— Он в сознании?

— Да.

— Говорит?

— С нами нет, — ответил Мур. — Только со своим адвокатом.

— Господи, если бы у меня тогда была возможность прикончить этого гада...

— Ты бы этого не сделала.

— Думаешь?

— Я думаю, что ты слишком хороший полицейский, чтобы не повторять прошлых ошибок.

Она в упор посмотрела на него:

— Кто знает!

«Даже ты не знаешь. Никто не знает, пока не окажется перед таким выбором».

— Я думал, что ты уже сделала определенные выводы, — сказал он, поднимаясь.

— Эй, Мур, — окликнула она его.

— Да?

— Ты ничего не сказал про Корделл.

Он намеренно не стал затрагивать эту тему. Кэтрин была главной причиной конфликта между ним и Риццоли, незаживающей раной в их отношениях.

— Я слышала, она идет на поправку.

— Операция прошла успешно.

— Он сделал это...

— Нет. Он не закончил экзекуцию. Ты прибыла вовремя.

Риццоли с облегчением откинулась на подушки.

— Я сейчас еду к ней в «Пилгрим», — сказал он.

— И что дальше?

— А дальше мы ждем тебя на работе, чтобы ты сама могла сжимать трубку своего проклятого телефона.

— Нет, я имела в виду, что будет дальше между вами?

Мур помолчал, уставившись в окно, откуда на лилии струился солнечный свет.

— Не знаю.

— Маркетт до сих пор печалится по этому поводу?

— Он предупредил меня. И был прав. Мне не следовало заходить так далеко. Но я не мог удержаться. Интересно, что было бы...

— Выходит, ты вовсе не святой Томас? — проговорила она. Мур грустно усмехнулся и кивнул. — Нет ничего более скучного, чем идеал, детектив.

Он вздохнул.

— Всегда приходится делать выбор. Трудный выбор.

— Главный выбор не бывает легким.

Повисла пауза.

— Может, выбирать нужно вовсе не мне, — наконец сказал он, — а ей.

Когда он подошел к двери, Риццоли окликнула его:

— Когда увидишь Корделл, передай ей от меня пару добрых слов, хорошо?

— И что сказать?

— Скажи, чтобы в следующий раз целилась выше.

«Я не знаю, что будет дальше».

Он ехал обратно в Бостон, и воздух, врывавшийся в открытое окно его машины, был заметно прохладнее. Ночью пришел холодный фронт из

Канады, и в городе стало легче дышать. Он думал о Мэри, своей сладкой Мэри, о галстуках, которые она ему никогда не завяжет. Двадцать лет совместной жизни оставили много воспоминаний. Шепот в ночи, интимные шутки, целую историю. Да-да, историю. Супружеская жизнь как раз и соткана из таких мелочей, как подгоревший ужин, ночные заплывы, и множества других, незримо связывающих двух людей. Они вместе были молодыми, вместе вступили в зрелый возраст. Ни одна женщина, кроме Мэри, не могла стать хозяйкой его прошлого.

А вот будущее было не востребовавшимся.

«Я не знаю, что будет дальше. Но точно знаю, кто сделает меня счастливым. И думаю, что смогу сделать счастливой ее. И сейчас, в этот момент нашей жизни разве можно мечтать о другом счастье?»

С каждой милей он отбрасывал новый пласт сомнений. И, остановившись у «Пилгрима», направился к дверям решительной походкой мужчины, сделавшего свой окончательный и правильный выбор.

Он поднялся на лифте на пятый этаж, зарегистрировался у администратора и прошел по длинному коридору к палате 523. Тихо постучал в дверь и вошел.

У постели Кэтрин сидел Питер Фалко.

В этой палате, как и у Риццоли, пахло цветами. Утренний свет струился в окно, отбрасывая золотистые лучи на постель и ее обительницу. Она спала. В изголовье стояла капельница, и солевой раствор поблескивал, переливаясь в трубке словно крохотные бриллианты.

Мур встал по другую сторону кровати, и в комнате повисло долгое молчание.

Фалко нагнулся и поцеловал Кэтрин в лоб. Потом поднялся и пристально посмотрел на Мура.

— Берегите ее.

— Обязательно.

— Я прослежу, — сказал Фалко и вышел из палаты.

Мур занял его место на стуле и взял руку Кэтрин. Бережно поднес ее к губам. И тихо повторил:

— Обязательно.

Томас Мур был человеком слова.

Эпилог

В моей камере холодно. Снаружи дуют свирепые февральские ветры, и говорят, что уже выпал снег. Я сижу на своей койке, накинув на плечи одеяло, и вспоминаю блаженную жару в тот день, когда мы бродили по улицам Ливадии. К северу от этого греческого города протекают две реки, которые в древности назывались Лета и Мнемозина. Забвение и Память. Мы пили воду из обеих, ты и я, а потом засыпали под густой тенью оливы.

Я думаю об этом сейчас, потому что не люблю холод. От него моя кожа шелушится и трескается, и даже крем не спасает. Только чудесные воспоминания о той жаре, о наших прогулках по Ливадии, о горячих камнях, которые обжигали наши подошвы, остались мне в утешение.

Дни тянутся медленно. Я один в этой камере, изолированный от других заключенных в силу своей исключительности. Со мной беседуют только психиатры, но они быстро теряют ко мне интерес, потому что я не радую их возбуждающей патологией. В детстве я не мучил животных, не устраивал поджогов и никогда не мочился в постель.

Я ходил в церковь. Был вежлив со старшими.

Я носил солнцезащитные очки.

Я такой же нормальный, как и все, и они это знают.

Меня отличают только мои фантазии, фантазии, которые и привели меня в эту холодную камеру, в этот холодный город, где дуют зимние ветры, приносящие снег.

Кутаясь в одеяло, мне трудно представить, что есть на земле места, где нежатся под солнцем золотистые тела и ветерок колышет зонтики на пляжах. Как раз в такие места уплыла она.

Я лезу под матрас и достаю клочок газеты, который любезно уступил мне за деньги охранник.

Это объявление о свадьбе. В три часа пополудни 15 февраля доктор Кэтрин Корделл стала женой Томаса Мура.

Невесту выдавал замуж ее отец, полковник Роберт Корделл. На ней было платье цвета слоновой кости, расшитое жемчужинами. Жених был в черном.

Прием по случаю бракосочетания состоялся в отеле «Коплей Плаза» в Бэк-Бэй. После продолжительного медового месяца на Карибском море супружеская чета оседет в Бостоне.

Я складываю обрывок газеты и запихиваю его под матрас, так

безопаснее.

Продолжительный медовый месяц на Карибском море.

Она сейчас там.

Я вижу ее, лежащую на пляже с закрытыми глазами. На ее коже поблескивает песок. Волосы, словно рыжий шелк, разметались по полотенцу. Она млеет от жары, ее кости расслаблены, отдыхают.

В следующее мгновение она резко просыпается. Ее глаза широко раскрыты, сердце бешено стучит. Страх накрывает ее холодным потом.

Она думает обо мне. Так же как я думаю о ней.

Мы навеки связаны, как любовники. Она чувствует мои фантазии, которые постоянно кружат над ней. Она не в силах вырваться из этих сладких пут.

В моей камере гасят свет; начинается долгая ночь, наполненная эхом спящих в клетках мужчин. Они храпят, кашляют, дышат, бормочут во сне. Но ночью я думаю не о Кэтрин, а о тебе. О тебе, источнике моей самой глубокой боли.

Чтобы забыться, я бы напился из источника Леты — просто чтобы стереть из памяти ту последнюю нашу ночь в Саванне. Ночь, когда я в последний раз видел тебя живым.

Образы проплывают передо мной, тесня друг друга, когда я лежу, впившись глазами в темноту.

Я смотрю на твои плечи, люблю твою гладкой кожей, которая на фоне ее кожи кажется совсем темной, восхищаюсь твоими мощными движениями, когда тыходишь в нее снова и снова. Я наблюдаю за тем, как ты овладеваешь ею, как до этого овладевал всеми остальными. И, когда ты кончаешь, когда твоё семя проникает в нее, ты оборачиваешься ко мне и улыбаешься.

И говоришь: «Давай. Она готова для тебя».

Но лекарство еще действует, и, когда я прижимаю лезвие к ее животу, она едва морщится.

Ни боли, ни удовольствия.

— У нас вся ночь впереди, — говоришь ты. — Подождем.

У меня пересохло в горле, и мы идем на кухню, где я наливаю себе стакан воды. Ночь только началась, и мои руки дрожат в предвкушении. Мысль о том, что произойдет дальше, возбуждает меня, и я пью воду, словно продлевая себе удовольствие. У нас вся ночь впереди, и мы хотим, чтобы она длилась как можно дольше.

Смотри, делай, учись, говоришь мне ты. Сегодня, как ты и обещал, скальпель будет в моих руках.

Но меня мучает жажда, и я торчу на кухне, а ты возвращаешься в спальню проверить, не проснулась ли она. Я стою у раковины и слышу первый выстрел.

И вот тогда время останавливается. Я помню тишину, которая воцарилась в доме. Тиканье кухонных часов. Стук собственного сердца. Я прислушиваюсь, стараясь расслышать твои шаги. Жду, когда ты скажешь мне, что пора уходить, и быстро. Я боюсь двинуться с места.

Наконец я заставляю себя выйти в коридор, зайти в ее спальню. Я останавливаюсь в дверях.

Мне достаточно одного взгляда, чтобы оценить весь ужас.

Она лежит, свесившись с кровати, пытаясь забраться обратно на матрас. Пистолет выпал у нее из рук. Я подхожу к кровати, хватаю с тумбочки ретрактор и бью ее в висок. Она падает.

Я оборачиваюсь к тебе.

Твои глаза открыты, ты лежишь на спине, глядя на меня снизу вверх. Под тобой расплзается лужа крови. Твои губы шевелятся, но я не слышу ни звука. Ты не можешь пошевелить ногами, и я понимаю, что пуля пробила твой позвоночник. Ты опять пытаешься заговорить, и на этот раз я слышу тебя.

«Сделай это. Кончай...»

Ты говоришь не о ней, а о себе.

Я качаю головой в ужасе от твоей просьбы. Я не могу ее исполнить. Пожалуйста, не проси меня об этом! Я мечусь между твоей отчаянной мольбой и собственной паникой.

Сделай это, просят меня твои глаза. Пока они не пришли.

Я смотрю на твои ноги, безжизненные и никчемные. Думаю о тех ужасах, которые тебя ожидают, если ты останешься жив. Я мог бы избавить тебя от этого.

«Пожалуйста...»

Я смотрю на женщину. Она не двигается, не замечает моего присутствия. Я бы хотел задрать ей голову, вонзить ей в шею нож за то, что она сделала с тобой. Но они должны найти ее живой. Только если она будет жива, я смогу уйти незамеченным.

Мои руки взмокли под латексными перчатками, и, когда я беру пистолет, он скользит, не слушается меня.

Я стою у кромки кровавой лужи, смотрю на тебя. Я думаю о том волшебном вечере, когда мы бродили по храму Артемиды. Все было затянуто дымкой, и я ловил твой силуэт, мелькающий среди деревьев. Ты вдруг остановился и улыбнулся мне. И наши взгляды встретились, отыскав

друг друга в этой туманной пропасти, разделяющей живых и мертвых.

Сейчас я смотрю в эту пропасть и чувствую на себе твой взгляд.

Все это ради тебя, Эндрю, думаю я. Я делаю это для тебя.

Я вижу благодарность в твоих глазах. Только тогда я поднимаю дрожащими руками пистолет. И нажимаю на курок.

Твоя кровь брызжет мне в лицо, теплая, как слезы.

Я поворачиваюсь к женщине, которая лежит, бесчувственная, на кровати. Кладу ей в руку пистолет. Хватаю ее за волосы и скальпелем отрезаю локон у самой шеи, где не так заметно. С этим локоном я ее никогда не забуду. По этому запаху я вспомню ее страх, такой же тяжелый, как запах крови. Он будет питать меня, пока мы не встретимся вновь.

Я выхожу через заднюю дверь и растворяюсь в ночи.

У меня больше нет этого драгоценного локона. Но мне он и не нужен, ведь теперь я хорошо знаю ее запах, а она помнит мой. Я знаю вкус ее крови. Знаю, как блестит от пота ее кожа. Все это я вижу в своих снах, где удовольствие кричит женским криком и оставляет кровавые отпечатки. Не все сувениры уместить в ладони, не всех коснешься. Некоторые остаются глубоко в памяти, под чешуей рептилий, из которой мы все когда-то выползли.

Хотя многие из нас этого и не признают.

Я никогда не отрицал этого. Я принимаю свою природу, я горжусь ею. Бог создал меня, как создал и всех остальных.

Благословен и слабый ягненок, и могучий лев.

Таков закон охоты.